И 230/582

О-6153

И 230/582

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

ПОСВЯЩАЮТСЯ

ГГ. ПРИСЯЖНЫМЪ ЗАСѢДАТЕЛЯМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, д. № 5.

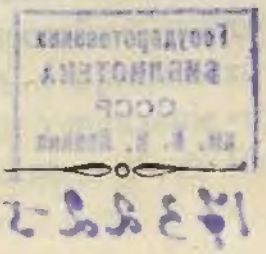
1871.

И 230/582

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

ПОСВЯЩАЮТСЯ

ГГ. ПРИСЯЖНЫМЪ ЗАСѢДАТЕЛЯМЪ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

по Мойкѣ, д. № 5.

1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 декабря 1870 г.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
17322-50

2007043219

ВВЕДЕНІЕ.

Публичность и гласность судопроизводства, установленныя судебными уставами, будутъ вполнѣ достигнуты лишь въ томъ случаѣ, когда уголовныя дѣла, посредствомъ *печати*, сдѣлаются извѣстны читающей публикѣ, когда въ обществѣ пробудится интересъ: слѣдить за наиболѣе замѣчательными изъ этихъ дѣлъ, изучать личность преступниковъ и преступленіе какъ соціальное явленіе.

Чтеніе уголовныхъ процессовъ, безъ сомнѣнія, докажетъ сколь плодотворна сама по себѣ судебная реформа, какая прочная, прекрасная будущность предстоитъ, учрежденію «присяжныхъ засѣдателей», (призывающему по каждому отдѣльному дѣлу—къ произнесенію приговора о судьбѣ ихъ ближняго: лучшихъ и наиболѣе благонадежныхъ и образованныхъ людей данной мѣстности), наконецъ сколь ошибались—тѣ пессимисты, которые предсказывали, что для занятія судейскихъ и прокурорскихъ должностей не найдется достаточнаго числа способныхъ, опытныхъ и юридически-образованныхъ людей.

Да распространяется учрежденіе «присяжныхъ засѣдателей» отъ Чернаго до Бѣлаго моря и отъ Вильны до Урала, и да развиваетъ оно, (подъ руководствомъ опытныхъ судей) въ средѣ русскаго общества, —нераздѣльныя по природѣ своей понятія — о законности и о справедливости.

Дѣло о крестьянкѣ Матренѣ Трофимовой (17 лѣтъ), сужденной за убійство своего мужа.

(Засѣданіе, отъ 31-го марта 1870 года, Тульскаго Окружнаго Суда. Предсѣдалъ Товарищъ Предсѣдателя П. А. Васильевъ, члены: А. В. Мясновъ и Д. В. Лутковъ. Обвинялъ Товарищъ Прокурора А. К. Вульфертъ, защищалъ А. Д. Любавскій).

Настоящее дѣло привлекло къ слушанію его многочисленную публику.*) За два часа до открытія засѣданія у дверей Суда толпилось множество лицъ, желавшихъ попасть заблаговременно въ залу Суда. Засѣданіе началось въ часъ по полудни.

Подсудимая молодая женщина 17 лѣтъ отъ роду, брюнетка, полная, прекрасно сложенная, съ небрежно зачесанными черными волосами и непокрытой головой, въ живописномъ костюмѣ крестьянки Тульской губерніи (бѣлое съ краснымъ). Она небольшаго росту, имѣетъ нѣсколько смуглый цвѣтъ лица, отъ волненія краснѣетъ и блѣднѣетъ.—Лице ея отличается добродушіемъ, чувственностью, отчасти страстностію и впечатлительностью. Губы ея полны и красны, глаза темнозеленые съ пытливымъ, глубокимъ, проникающимъ взглядомъ; брови ея густыя и темныя, на подбородкѣ ямочка. Голова ея маленькая, по угловатой формѣ и для френолога можетъ представлять интересный предметъ для изученія. Во время судебнаго слѣдствія она нѣсколько разъ наклоняется къ своему защитнику, спрашивая у него совѣта или объясненія.

Послѣ соблюденія обыкновенныхъ формальностей, предшествующихъ открытію судебнаго засѣданія, Предсѣдатель

*) Особенное вниманіе обращалъ на себя графъ Левъ Николаевичъ Толстой (знаменитой авторъ романа «Война и Миръ,») сидѣвшій впереди рѣшетки.

обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ съ слѣдующими словами: М.м. Г.г. Вы будете разсматривать по настоящему дѣлу преступленіе, которое, принадлежа къ самымъ тяжкимъ, колеблетъ не только учрежденіе брачнаго союза, но и направлено противъ жизни людей, то есть противъ блага, лишеніе котораго невознаградимо. Уже этого достаточно для того, чтобы Вы усугубили Ваше вниманіе во время судебнаго слѣдствія. Такъ какъ настоящее дѣло заканчиваетъ судебную сессію, то я ограничусь немногими словами въ отношеніи вашихъ правъ и обязанностей. Главное, я Васъ прошу уединить себя отъ публики. Предосторожность эта принята не потому, чтобы законъ не довѣрялъ Вамъ, но для того, чтобы вселить въ общество убѣжденіе, что Вы выносите приговоры изъ среды себя.

Обвинительный актъ состоялъ въ слѣдующемъ: «1869 года іюня 11 дня, И. д. Судебнаго Слѣдователя Шигоринъ, находясь въ селѣ Михайловскомъ, услышалъ, что въ селѣ Ростовѣ какая-то женщина зарубила своего мужа, и потому предписалъ Ростовскому Волостному Правленію донести ему объ этомъ.

«Изъ рапорта Ростовскаго Волостнаго Правленія отъ 11 іюня видно, что дѣйствительно крестьянинъ Иванъ Григорьевъ убитъ своею женою Матреной Трофимовой и что Матрена Трофимова во всемъ повинилась въ Волостномъ Правленіи.

«Присланный съ рапортомъ Сотскій села Ростова Иванъ Титовъ показалъ, что 10 іюня утромъ, узнавъ объ убійствѣ Ивана Григорьева, онъ пошелъ со старостою и стариками къ нему въ домъ и увидѣлъ: Иванъ Григорьевъ лежитъ въ сѣняхъ съ закрытыми глазами, голоса не подаетъ, а только хрипитъ. На правой сторонѣ головы двѣ раны, одна около уха и само ухо разсѣчено. Послѣ того Сотскій отправился къ заарестованной уже Матренѣ Трофимовой и сталъ ее разспрашивать, но она во всемъ заперлась. На другой день 11 іюня Сотскій опять пришелъ въ Волостное Правленіе, а Матрена Трофимова просила его выслать караульщиковъ, что и было исполнено, а потомъ разсказала, что первоначально хотѣла *зажечь* кровать, на которой спалъ мужъ, но не подожгла, а взяла въ чуланѣ топоръ, *ударила имъ три раза мужа* и спрятала топоръ въ ометѣ. Затѣмъ Матрена Трофимова повела Сотскаго въ ометъ

и вынула топоръ изъ соломы; на топорищѣ около обуха была кровь. Про Матрену Трофимову Сотскій заявилъ, что она баба гулящая, а мужъ ея былъ пьяница.

«11 іюня Судебный Слѣдователь прибылъ въ домъ Ивана Григорьева и засталъ его уже мертвымъ. Изъ осмотра трупа видно, что правое ухо разорвано наверху, и въ ухѣ видна запекшаяся кровь, около уха на головѣ рана; на той же сторонѣ, но выше уха, рана, величины которой не видно потому, что вся правая сторона головы испачкана кровью.

«Обвиняемая крестьянка села Ростова *Матрена Трофимова* (17 лѣтъ) показала, что прошлый годъ вышла за мужъ за Ивана Григорьева, *не любя его*; мужъ, по старости, *никакого дѣла съ нею не имѣлъ*, и она была въ любовной связи съ крестьяниномъ, имени котораго сказать не хочетъ. Мужъ, должно быть, подозрѣвалъ это, онъ *бивалъ ее*, когда она выходила на улицу. Въ понедѣльникъ на Духовъ день свекровь ушла изъ дому и она, Матрена, осталась одна съ мужемъ; мужъ ея былъ выпивши *и погрозилъ ее зарѣзать*; потомъ заснулъ, тутъ она задумала его извести; сначала она хотѣла зажечь кровать, потомъ взяла въ чуланѣ топоръ и выходила на улицу; подъ качелями въ это время былъ народъ. Три раза обвиняемая хотѣла ударить мужа топоромъ, но рука у нея каждый разъ не поднималась, и она до трехъ разъ выходила изъ комнаты; наконецъ будто кто-то ей сказалъ: *«что жъ ты не бьешь мужа»*, она ударила по правой сторонѣ головы обухомъ топора; спрятавъ топоръ въ соломѣ, пошла къ сосѣдкѣ Маврѣ, а оттуда подъ качели. Вскорѣ вернулась свекровь, въ домъ Ивана Григорьева побѣжалъ народъ, а съ нимъ и показательница; она увидѣла, что мужъ ея лежитъ и хрипитъ. Тутъ же она была заарестована, а на другой день она во всемъ призналась караульщикамъ, Волостному писарю и Сотскому. При концѣ допроса Матрена Трофимова добавила, что имѣла любовную связь не съ однимъ лицемъ, а съ кѣмъ придется.

«Крестьяне: Петръ Никитинъ Ерохинъ, Григорій Ефремовъ Скачковъ и Степанъ Андреевъ Макарцевъ показали, что Матрена Трофимова созналась имъ въ убійствѣ своего мужа сходно съ тѣмъ, какъ Сотскому и на допросѣ Слѣдователю. При этомъ Ерохинъ и Макарцевъ заявили, что покойный

*

Иванъ Григорьевъ любилъ пить водку, но нрава былъ смирнаго, недрачливаго.

«Крестьянинъ Матвѣй Семеновъ Носовъ показалъ, что въ понедѣльникъ на Духовъ день онъ заходилъ къ Ивану Григорьеву и пилъ съ нимъ могарычи. Затѣмъ скоро ушелъ отъ него, оставивъ его одного съ женою.

«Крестьянка Агафья Федорова Скачкова, *мать* покойнаго Ивана Григорьева, объявила, что сынъ ея былъ женатъ не болѣе года, любилъ выпить, но былъ смирный и жилъ съ женою хорошо; люди болтали, что Матрена погуливала, и Иванъ Григорьевичъ раза три пощипалъ ее, а потомъ и самъ къ ней лѣзетъ, души въ ней не чаялъ.—Матрена была въ дѣвушкахъ гулящая и ее Ивану Григорьевичу почти что навязали. Въ понедѣльникъ на Духовъ день показательница ушла въ гости въ деревню Рыльскую, дома остались сынъ и Матрена и когда вернулась домой, Матрена сидѣла у сосѣдки. На вопросъ показательницы: гдѣ мужъ? Матрена отвѣчала, что онъ напился и спитъ. Вскорѣ къ нимъ заѣхалъ какой то мужикъ воды напиться, спросилъ что у нихъ лежитъ въ чуланѣ, зашелъ туда и, снявъ перину съ Ивана Григорьева, сказалъ показательницѣ: онъ у тебя убитъ. Тутъ же и Скачкова разсмотрѣла, что у сына ея вся голова въ крови. Затѣмъ пришелъ староста и арестовалъ Матрену.

«Сельскій Староста Никифоръ Васильевъ Алаевъ показалъ, что на Духовъ день послѣ обѣда пришла къ нему Матрена Трофимова сказать, что мужъ ея ходилъ за разсадой и вернулся въ крови. Староста, прійдя въ домъ Григорьева, увидѣлъ, что онъ лежитъ на спинѣ, на половину закрытый периной, съ закрытыми глазами и хрипитъ, голова была въ крови. Крестьянка села Ростова Мавра Антонова показала, что на Духовъ день послѣ обѣдни она выгоняла свою лошадь на лугъ и видѣла, какъ мимо ея двора прошла въ рубашкѣ на гумно Матрена Трофимова; было-ли что у нея въ рукахъ, свидѣтельница не замѣтила.—Вскорѣ послѣ этого къ ней пришла Матрена и сѣла съ нею; когда пришла свекровь, Матрена сказала ей, что Иванъ Григорьевъ спитъ и затѣмъ ушла съ нею домой.

«Матрена Трофимова объяснила, что точно она проходила въ

рубашкѣ и понёвѣ мимо двора Антонова въ ометъ прятать топоръ и топоръ былъ у нея завернутъ въ понёвѣ.

«Изъ медицинскаго акта осмотра трупа видно, что смерть Ивана Григорьева послѣдовала отъ раздробленія костей черепа и поврежденія мозга.

«Вслѣдствіе всего вышеозначеннаго и за силою 201 ст. Уст. Уг. Суд. предполагается предать суду Тульскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, крестьянку села Ростова, Матрену Трофимову, 17 лѣтъ, по обвиненію въ убійствѣ мужа ея Ивана Григорьева; преступленіе это предвидѣно и наказываемо по 139 и 1451 ст. Ул. о Нак. изд. 1866 года».

По прочтеніи упомянутаго обвинительнаго акта, Матрена Трофимова, на предложенный Предсѣдателемъ вопросъ, «признаетъ-ли она себя виновною», отвѣчала: «мужа точно убила, но дѣйствовала тогда безъ сознанія и безъ понятія, отъ вина».

На судебномъ слѣдствіи (сверхъ изложеннаго въ обвинительномъ актѣ) показали:

Агафья Скачкова, (мать убитаго Ивана Григорьева и свекровь подсудимой). 10 іюня по запрошлаго года сынъ ея Иванъ очень выпроваживалъ ее изъ дому, говоря: «иди матушка, иди;» она не думаетъ, чтобы онъ имѣлъ при этомъ какую-либо дурную цѣль. Объ убійствѣ она узнала слѣдующимъ образомъ: возвратясь къ себѣ домой, она не нашла Матрены и пошла ее отыскивать, нашла Матрену сидящею у чужаго двора. На ея вопросъ объ Иванѣ, Матрена отвѣчала: «ты дала моему мужу сегодня цѣлковой, онъ его пропилъ и теперь спитъ.» Когда, по указанію мужичка, осмотрѣли Ивана Григорьева и нашли его убитымъ, она, Агафья Скачкова, посылала Матрену за попомъ, но послѣдняя отвѣчала: «не пойду за попомъ.» Другіе пошли за священникомъ, который, придя осмотрѣть умирающаго и не найдя возможности пріобщить его Св. Таинъ, обратился къ Матренѣ Трофимовой и, обвиняя ее въ убійствѣ, сказалъ ей: «голубушка, дѣло твое,» а затѣмъ велѣлъ старостѣ взять Матрену въ караульню (арестантскую).—(Отвѣчая на вопросы защитника): сынъ жилъ съ Матреной такъ себѣ; бивать онъ ее очень не билъ, *а давалъ ей по двѣ щеки, то есть по двѣ пощечины* (въ публикѣ смѣхъ). Только разъ *онъ привязался къ Мат-*

рену Трофимову къ столбу веревкой, но Матрена, будучи очень сильна, отвязалась и ушла со двора. Иванъ Григорьевъ ругивалъ иногда Матрену матерными словами. Однажды покойный сынъ ея пришелъ домой, неся *вѣникъ розогъ*, и сказалъ покательницѣ, что ему въ конторѣ дали этотъ вѣникъ. Онъ обратился къ ней, Агафьѣ Скачковой, съ слѣдующими словами: «матушка, высѣки меня за то, что я дурной мужъ и пьяница,» затѣмъ самъ легъ на скамью, она исполнила его желаніе, дала ему нѣсколько ударовъ. Тогда Иванъ Григорьевъ вскочилъ со скамьи и сказалъ: «*теперь мы высѣкемъ и Матрену за то, что она дурная жена.*» (Въ публикѣ смѣхъ). Но Матрена успѣла убѣжать изъ избы прежде, нежели удалось ее высѣчь. Привязывалъ онъ Матрену къ столбу не очень толстой веревкой и дюже Матрену не билъ. Когда она, Агафья Скачкова, въ первый разъ увидѣла Матрену, то сказала: «сынъ мой не верста, подумай, хочешь-ли идти за него замужъ», но Матрена отвѣчала ей, «какъ мнѣ не идти, куда же дѣться,» потомъ вдругъ замолчала. Когда Матрена шла замужъ, *говорили, что она брюхата*, но навѣрное не знала.—У сына ея сопли текли изъ носу но не очень. Ума онъ былъ, какъ она замѣчала, простаго, былъ, простоватый. У сына ея были двѣ дѣвочки маленькія отъ перваго брака. Покойный Иванъ Григоричъ послѣднее время пилъ водку, двухъ лошадей онъ дѣйствительно продалъ; при жизни другаго брата онъ немного пилъ водки, а послѣ его смерти сталъ пить. Она, Агафья, запамятовала, сказывала-ли она Судебному Слѣдователю (слова, записанныя имъ въ протоколѣ) будто сынъ ея говорилъ ей: «вина пить я не перестану и видно пьяный гдѣ нибудь головеньку положу.» Сколько лѣтъ отъ роду было ея сыну—она запамятовала и въ точности сказать не можетъ.

Сотскій Иванъ Титовъ. Онъ 10 іюня увидѣлъ, что Иванъ Григорьевъ лежитъ облитый кровью на постели и хрипитъ. На другой день, когда Матрена сознавалась ему въ убійствѣ мужа, то сказала ему, что слышала какъ-бы сверху голосъ говорилъ: *бей мужа, добивай* и подъ вліяніемъ этого учинила смертоубійство. Раньше Матрена была баба гулящая, мужъ-же ея пилъ вино, но не очень, дѣла свои онъ велъ плохо.

Крестьянинъ *Петръ Ерохинъ.* Когда Матрена созналась при

немъ въ убійствѣ мужа, она говорила, что передъ убійствомъ, словно кто шепнулъ съ потолка: «бей его».

Степанъ Макарцевъ. Матрена дѣйствительно говорила, что слышала голосъ «добивай мужа». Покойный Иванъ Григоричъ имѣлъ большіе глаза, у него глаза были не то что слезливые, а онъ «мокроглазенькій» былъ.

Григорій Скачковъ. Онъ не знаетъ, кто совѣтовалъ Ивану Григоричу высѣчь жену; Григорьевъ былъ роста маленькаго, съ жидкою бородою, водку онъ выпивалъ; двухъ лошадей онъ дѣйствительно продалъ, но на уплату податей, а не на пьянство.

Матвѣй Посовъ. Онъ пилъ на Духовъ день (10 іюня 1869 года) съ Иваномъ Григорьевымъ водку. При немъ *Матрена выпила стаканъ; поднесъ ей этотъ стаканъ вина самъ мужъ.* Больше онъ ничего не знаетъ, Иванъ Григорьевъ пилъ какъ всѣ мужики.

Староста Никифоръ Алиевъ. Онъ засталъ Ивана Григорьева лежавшимъ на кровати, издававшимъ храпоту. Григорьевъ изъ себя былъ неказистъ, онъ былъ слюнявый, у него по бородѣ текла слюна. Пилъ онъ вино не очень, но былъ слабъ. (По указанію предсѣдателя осматриваетъ топоръ). Топоръ, лежащій передъ нимъ, тотъ, который Матрена достала изъ омета и которымъ она (по ея словамъ) убила мужа. На остріѣ топора крови тогда не было, на обухѣ была кровь.

Затѣмъ съ согласія сторонъ прочтено было показаніе Мавры Антоновой, данное ею на предварительномъ слѣдствіи и сущность котораго изложена въ обвинительномъ актѣ.

Арестантка Соколова (находившаяся въ тюремномъ замкѣ вмѣстѣ съ Матреною Трофимовою). Объ этомъ дѣлѣ она не знаетъ ничего. (Отвѣчая на вопросы защитника). Матрена упала съ нары и жаловалась на животъ; ее считали беременною; больше не знаетъ; ее недавно перевели.

Арестантка Федорова (находившаяся въ тюремномъ замкѣ съ Матреною Трофимовою). Матрену осматривала акушерка, и ее считали беременною, пузо было большое; Матрена жаловалась на пузо; крови у нея были черезъ два мѣсяца. Матрена дѣйствительно упала съ наръ, жалуясь на животъ.

Смотритель Тульскаго тюремнаго замка *Вознесенскій.* Матрена Трофимова въ тюремномъ замкѣ вела себя хорошо.

Вскорѣ по прибытіи сюда, она спрыгнула съ наръ, жалуясь на животъ. Животъ ея оказался значительный, ненормальной величины; сверхъ того Матрена Трофимова не могла ходить, ноги ея онѣмѣли. По его распоряженію привезли акушерку для осмотра Трофимовой. Оказалось, что у послѣдней крови показываются лишь каждые два мѣсяца, животъ былъ такъ великъ, что акушерка сочла Трофимову беременною; и только послѣ втораго осмотра акушерка объявила, что она ошиблась и что родовъ не будетъ.

Экспертъ, докторъ *Башкировъ*. (Отвѣчая на вопросы защитника). Чрезмѣрное развитіе живота и пріостановленіе кровей, и также появленіе ихъ лишь черезъ два мѣсяца при отсутствіи родовъ—ясно показываютъ поврежденіе лишь одного физическаго организма. Отвѣчая на научный вопросъ: «можетъ ли такое состояніе лица вліять на его психическую дѣятельность», онъ, экспертъ, находитъ, что a priori можетъ, но въ каждомъ данномъ случаѣ оно должно быть провѣрено болѣе точною и болѣе полною экспертизой, которой по настоящему дѣлу не было. Вообще онѣмѣніе рукъ и ногъ, ложное ощущеніе, какъ будто по тѣлу ползаютъ мурашки—суть такія ощущенія, которыя женщина можетъ испытывать, если у ней болѣзненно прекратились мѣсячныя. Мерещеніе голоса «бей, добивай» тогда только могло-бы имѣть значеніе, если бы подсудимая слышала этотъ голосъ до преступленія; во время же учиненія преступленія весьма легко можетъ быть приливъ крови къ головѣ. (На замѣчаніе защитника, что именно Матрена Трофимова слышала голосъ *до* учиненія преступленія). Мерещеніе вообще есть обманъ чувствъ и называется галлюцинаціей; галлюцинаціи принадлежатъ къ болѣзненнымъ явленіямъ. Галлюцинація показываетъ ненормальность психическаго состоянія. (На замѣчаніе защитника, что подсудимая, имѣвшая болѣзненное явленіе, не можетъ быть признана дѣйствовавшею въ убійствѣ нормально.) Къ сожалѣнію въ настоящемъ дѣлѣ Матрена Трофимова не была подвержена правильной экспертизѣ ея психическаго состоянія.

Г. экспертъ докторъ *Боровскій*. Раздутіе живота, пріостановленіе и исчезновеніе у Трофимовой менструацій — это отдѣльныя болѣзненныя физическія и физіологическія явленія,

но многое по дѣлу не разъяснено. Съ чисто-научной точки зрѣнія, при упомянутыхъ условіяхъ возможно, чтобы женщина испытывала онѣмѣніе рукъ и ногъ, а также ложное ощущеніе, будто-бы по тѣлу ползаютъ мурашки; галлюцинація, безъ сомнѣнія есть болѣзненное явленіе; у вполнѣ здороваго физически и психически человѣка она быть не можетъ. Остается только пожалѣть, что Трофимова не была подвержена правильной экспертизѣ. Въ концѣ концовъ мнѣніе его. эксперта, таково, что эти два рода болѣзненнаго явленія (вздутіе живота и пріостановленіе менструацій, а также и галлюцинація слуха) сами по себѣ представляютъ лишь два разрозненныя явленія, которыя нужно бы провѣрить съ другими.

Наконецъ, по требованію прокурора, прочтенъ былъ актъ осмотра поврежденій внѣшнихъ и внутреннихъ, обнаруженныхъ на трупѣ Ивана Григорьева. (Сущность этого акта осмотра съ достаточною полнотою прописана въ обвинительномъ актѣ).

На вопросы предсѣдателя Матрена Трофимова отказалась прибавить что-бы то ни было въ свое оправданіе къ даннымъ, обнаруженнымъ судебнымъ слѣдствіемъ.

Предсѣдатель, въ 3 часа по полудни, объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ и пріостановилъ засѣданіе на два часа.

По возобновленіи судебнаго засѣданія, Товарищъ прокурора (*А. К. Вульфертъ*) произнесъ, въ главныхъ основаніяхъ, слѣдующее: мм. гг., 10 іюня 1869 года надъ Иваномъ Григорьевымъ совершено страшное преступленіе! Григорьевъ найденъ крестьянами на своей постели въ крови, съ проломленнымъ вискомъ, со всѣми признаками насильственной смерти. Подозрѣніе пало тотчасъ-же на жену убитаго, Матрену Трофимову, которая и скорѣ и учинила въ этомъ убійствѣ сознаніе. И такъ несомнѣнно, что преступленіе совершено не лицемъ постороннимъ, не съ корыстною цѣлію, а женою убитаго, то есть тѣмъ именно лицемъ, которое имѣло къ убитому особенныя отношенія. Матрена Трофимова созналась только потому, что сообразила, что запирательство не поведетъ ни къ чему. Подсудимая подробно разсказала, какъ она совершила убійство, какъ трижды ударила спящаго мужа обухомъ по головѣ; самый топоръ, по ея указанію, найденъ въ ометѣ. Сознаніе вполнѣ под-

твердилось обстоятельствами дѣла. Минута для совершенія убійства была выбрана обдуманно. Матрена Трофимова осталась дома въ избѣ съ своимъ мужемъ, дождалась, чтобы онъ легъ спать и измѣнически нанесла ему смертельный ударъ. Убійство совершено было холодно, обдуманно, предумышленно и по внезапному побужденію. Возникаетъ другой вопросъ: какими *побужденіями* руководствовалась Трофимова при убійствѣ мужа? Отъ чего погибъ Иванъ Григорьевъ? Показаніе матери убитаго, изъ котораго нельзя выбросить ни одного слова, объяснило Вамъ, мм. гг., что Трофимова была почти навязана ея мужу, ее считали беременною, она была принята своимъ новымъ семействомъ радушно, съ деликатностію, какъ раскаивающаяся грѣшница. И какъ ужасно она отплатила за это доброе дѣло? Никто не заставлялъ ее выдти замужъ, она обѣщала своему мужу въ церкви быть вѣрною подругою, и... убила его. Иванъ Григорьевъ не обращался жестоко съ Трофимовою; по словамъ его матери онъ въ ней души не чаялъ и обходился съ нею, какъ обращаются съ женами бо́льшая часть нашихъ крестьянъ. Трофимова привыкла къ разгульной жизни, она не могла ужиться съ мужемъ, убѣгала отъ него и предавалась своимъ порочнымъ наклонностямъ. Въ подсудимой я не вижу ненормальности умственныхъ способностей, я признаю ее нравственнымъ уродомъ, способнымъ, ради минутной вспышки гнѣва, прихоти—на величайшее преступленіе, на отнятіе жизни у своего мужа! Ее можно сравнить съ такими преступниками, каковы Joseph, Горскій и др., убившіе нѣсколькихъ человѣкъ. Недостаточность мотива въ данномъ случаѣ ничего не доказываетъ. Защита по всѣмъ вѣроятіямъ возбудитъ вопросъ о вмѣняемости, но *эксперты*, вызванные защитою, съ безпристрастіемъ, которое дѣлаетъ имъ честь, объяснили, что нѣтъ полныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы признать Трофимову совершившею убійство въ умопомраченіи или безпамятствѣ. Галлюцинаціи подсудимой ничѣмъ не доказана и приведена ею очевидно въ собственное оправданіе. Защитникъ, можетъ быть, будетъ просить Васъ сжалиться надъ молодой женщиной, которую ожидаетъ суровое наказаніе! Но помните, мм. гг., что эта женщина совершила страшное преступленіе, она убила своего мужа: измѣнически, во время сна,

въ то время, когда онъ находился подъ ея охраною! Я ожидаю отъ Васъ обвинительнаго приговора, этимъ Вы покажете примѣръ строгости и оградите жизнь частныхъ лицъ—угрозою наказанія—отъ посягательства на нее преступниковъ (ощущеніе въ публикѣ).

Защитникъ подсудимой (*А. Д. Любавскій*) произнесъ слѣдующее. «М.м. Г.г! Прокурорская власть, въ лицѣ одного изъ своихъ даровитѣйшихъ представителей, обвиняетъ Матрену Трофимову въ убійствѣ мужа.

Настоящее дѣло представляетъ двѣ стороны: *внѣшнюю* и *внутреннюю*.

Внѣшняя сторона состоитъ въ томъ, что 10 іюня 1869 года найденъ крестьянами на своей постели, при послѣднемъ издыханіи, Иванъ Григорьевъ, который вскорѣ послѣ того и умеръ. Ивану Григорьеву нанесены были топоромъ по головѣ раны его женою, Матреною Трофимовою, и послѣдняя созналась въ этомъ дѣяніи; ею указанъ топоръ, послужившій орудіемъ смерти—и такимъ образомъ вся совокупность признаковъ преступленія, какъ внѣшняго факта, является вполнѣ ясною, неподлежащею спору.—Если бы это дѣло рѣшали старые Суды, то они, вѣроятно, и довольствовались-бы этою сторонею. При прежнемъ судопроизводствѣ, (недостатки котораго были сознаны самимъ правительствомъ) Суды рѣшали бумажное дѣло, извѣстное производство, для нихъ личность преступника, какъ человѣка, вовсе не существовала. Старые суды, при примѣненіи къ преступленіямъ наказаній, дѣйствовали, какъ молотъ, который, падая на предметъ, (одушевленный или неодушевленный) дробитъ его, дѣйствуетъ, такъ сказать, механически. Совсѣмъ иное значеніе имѣете Вы, гг. присяжные засѣдатели! Величіе *учрежденія присяжныхъ* и состоитъ именно въ томъ, что ему предоставлено рѣшать вопросы о виновности или невинности подсудимаго по внутреннему убѣжденію и по внушенію совѣсти, не стѣсняясь ариѳметическимъ сочетаніемъ уликъ и доказательствъ. Этимъ законодатель безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду смягчить строгость наказаній, которыя существуютъ во имя интересовъ общества, какова-бы ни была личность преступника, но которыя въ каждомъ данномъ случаѣ лишь на столько могутъ быть примѣнимы къ преступнику или преступницѣ,

на сколько они согласны съ справедливостію. Наказаніе вообще есть зло, или страданіе, которое терпитъ преступникъ за содѣянное имъ нарушеніе законовъ. Для отдѣльныхъ, частныхъ лицъ совершенно безразлично и не можетъ быть пріятно, если накажутъ тѣлесно, казнятъ, посадятъ въ тюрьму ихъ ближняго, ибо ни одному не доставляетъ удовольствія видѣть страданія другаго. Поэтому иные выводятъ наказаніе изъ идеи божеской, абсолютной справедливости; другіе изъ понятія возмездія, т. е. воздаянія преступнику зломъ за зло; нѣкоторые думаютъ, что наказаніе существуетъ для достиженія какой-нибудь полезной цѣли, какъ-то: устрашенія преступника и всѣхъ прочихъ преступниковъ, исправленія преступника, предупрежденія преступленій, обороны государства. Но всѣ эти воззрѣнія, г.г. присяжные засѣдатели, или односторонни, или неправильны. Божеское провосудіе и абсолютная справедливость вовсе не требуютъ тѣлеснаго и психическаго мученія людей. Понятіе грубаго возмездія, т. е. воздаянія преступнику зломъ за зло, (что выражается въ поговоркѣ: «око за око, зубъ за зубъ»), давно уже отжило свое время. Какія бы ни существовали наказанія,—это не препятствуетъ совершенію преступленій; исправленіе преступника черезъ заключеніе въ наши тюрьмы, гдѣ онъ находится въ сообществѣ съ другими злодѣями, скорѣе развращаетъ, чѣмъ исправляетъ человѣка, наконецъ отъ отдѣльныхъ преступленій (кромѣ политическихъ) государство вовсе не находится въ опасности, слѣдовательно не возникаетъ вопроса о необходимой оборонѣ.

И такъ въ концѣ концовъ, и Вы безъ сомнѣнія, милостивые государи, согласитесь съ этимъ: наказаніе существуетъ въ государствѣ лишь какъ *земное учрежденіе*, оно есть средство заставить людей *повиноваться* существующимъ въ каждомъ государствѣ законамъ. Нарушители законовъ подвергаются наказаніямъ (мученіямъ) черезъ особыхъ органовъ.

Но Вы, господа присяжные, (образуя сами одинъ изъ составныхъ органовъ власти судебной,) пользуетесь неоцѣненнымъ правомъ обсуждать въ каждомъ данномъ случаѣ по убѣжденію вашей *совѣсти*: можно-ли подвергнуть человѣка наказанію (т. е. мученію)? Не искупилъ-ли онъ преступленіе предшествовав-

ними страданіями? не дѣйствовалъ-ли онъ безсознательно, непроизвольно, подавляемый окружающею его обстановкою?

Внутренняя сторона настоящаго дѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ: я послѣдую системѣ, которую указываетъ Вамъ Прокуроръ, я постараюсь ознакомить Васъ съ личностію подсудимой и съ побудительной причиною преступленія. Матрена Трофимова родилась въ селѣ Коломенскомъ; мать ея умерла, когда ей было 6 недѣль отъ роду. Отецъ ея, Трофимъ Максимовъ, не желая самъ заботиться о ея содержаніи, отдалъ ее на воспитаніе въ чужой домъ къ крестьянину Сергѣю Соннну, у котораго она и пробыла до выдачи ея въ замужество, то есть до 16 лѣтъ отъ роду. Воспитываясь въ чужой семьѣ, Матрена Трофимова была обременена сверхъ силъ механическою работою: была на побѣгушкахъ, занималась домашними работами, пасла гусей и скотъ. Она не получила ни нравственнаго, ни умственнаго развитія. Ее не учили грамотѣ, она не знала ни молитвъ, ни 10 заповѣдей Божіихъ, ей была не извѣстна Божія заповѣдь, «*не убей*», и принципъ Евангелія:—«*возлюби ближняго, какъ самого себя;*» она никогда не думала *о безсмертіи* души. Ея нравственное и религіозное состояніе можетъ быть уподоблено «сну на яву;» лишь физическіе инстинкты ея получили развитіе, только привычка къ обществу людей ставила ее выше безсловесныхъ тварей. Въ этомъ-то состояніи Матрена Трофимова дожила до 16 лѣтъ; характера она была, по показанію всѣхъ свидѣтелей, (въ томъ числѣ и матери убитаго) веселаго, незлаго. Въ молодости, она испытала несчастную любовь: ей хотѣлось выдти замужъ за сына старосты Семена Титова, но ея бѣдность и сиротство были препятствіемъ къ этому браку. На ней хотѣлъ жениться молодой парень Петръ, но ея пріемные родители отказали ему въ этомъ, вслѣдствіе его бѣдности. Среди этихъ обстоятельствъ за нее посватался крестьянинъ Иванъ Григорьевъ, вдовецъ, почти старикъ (57 лѣтъ), хворый, болѣзненный физически, слабоумный нравственно. Вы сами слышали, гг. присяжные, отъ матери Григорьева и отъ постороннихъ свидѣтелей, что онъ былъ роста небольшаго, почти ниже своей жены, слюнявый (у него текла слюна изо рта), сопливый, съ большими глазами, изъ которыхъ постоянно текли слезы; по словамъ одного изъ свидѣтелей, онъ былъ человѣкъ ума простаго, немудраго; я-же съ

своей стороны прибавлю, что онъ былъ близокъ къ *кретинизму*. Свадьба произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ: на отказъ Матрены выдти за Григорьева замужъ, ея пріемный отецъ сказалъ ей: «если не выдешь за Григорьева замужъ, сгоню тебя съ двора долой, ничего не дамъ, въ одной рубашкѣ сгоню». Свекровь подсудимой подтвердила то же самое: на ея совѣтъ, чтобы она подумала-идти, или не идти замужъ, Матрена отвѣчала: «извѣстно я пойду, куда же мнѣ дѣваться?» Въ воскресенье Матрена въ первый разъ увидала своего будущаго супруга, а черезъ три дня въ среду была ихъ свадьба. Половыхъ отношеній между супругами во все время брака не существовало; мужъ дѣлался для Матрены съ каждымъ днемъ все противнѣе, она стала убѣгать отъ него, тѣмъ болѣе, что Иванъ Григорьевъ предавался пьянству. Въ короткое время онъ пропилъ все, что ему принадлежало: продалъ двухъ лошадей, корову, хлѣбъ на корню, ихъ дворъ впалъ въ нищету. Чѣмъ больше Иванъ Григорьевъ пилъ, тѣмъ болѣе онъ дурно, нелѣпо обращался съ женою: отъ Агафьи Скачковой (матери убитаго Григорьева) Вы слышали, что онъ давалъ Матренѣ по двѣ щеки (двѣ пощечины), что однажды веревкой привязалъ ее къ столбу, у котораго она и стояла, пока ей не удалось отвязаться. Наконецъ однажды Григорьевъ пришелъ домой и принесъ два пучка розогъ съ собою: онъ попросилъ мать высѣчь его за дурное обращеніе съ женою, а когда мать его это исполнила, онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ нею высѣчь Матрену, и послѣднял, благодаря только быстрому бѣгству, избавилась отъ наказанія розгами. (Смѣхъ въ публикѣ). Въ настоящее время, гг. присяжные, женщины безусловно освобождаются закономъ отъ тѣлесныхъ наказаній въ виду того, что подобныя наказанія оскорбляютъ въ нихъ чувство женской стыдливости, а между-тѣмъ Григорьевъ захотѣлъ тѣлесно наказать свою жену (въ публикѣ движеніе). Наконецъ отношенія между супругами дошли до того, что Григорьевъ сказалъ своей женѣ, взявъ ее за рубашку: «я тебя зарѣжу, потому что мнѣ хватиться незачто; я все пропилъ, самъ пойду въ острогъ и тебѣ не жить». Эти слова, сказанныя Григорьевымъ утромъ 10 іюня 1869 года, имѣли для него роковыя послѣдствія: жена его, (какъ она сама созналась) подумала: я молода, мужъ мой старъ, лучше ему умереть, чѣмъ мнѣ, и она

ударила обухомъ топора своего мужа, почти считая себя въ положеніи необходимой обороны; можетъ быть ея мнѣніе было ошибочное, истекало изъ ложной идеи, но для насъ важны ея субъективныя воззрѣнія. Въ пользу Матрены Трофимовой говорятъ и другія обстоятельства: до Троицы незадолго до убійства ею мужа, у ней пріостановились мѣсячныя (менструаціи); пузо (по ея словамъ) ко дню женъ Мироносицъ стало больше, у ней появились всѣ признаки беременности, но ни выкидыша, ни родовъ не послѣдовало. Въ это время (по ея показанію) ей тяжко было, тѣло какъ бы горѣло и по немъ точно ползали мурашки, руки и ноги онѣмѣли. Отвѣчая на мои вопросы, гг. эксперты сказали, что эти именно признаки должна чувствовать женщина, у которой произошли болѣзненная пріостановка мѣсячныхъ очищеній и вздутіе живота.—Между тѣмъ подобное состояніе женщины есть время ненормальныхъ явленій тѣла и души. (Защитникъ читаетъ свое изданіе «казуистика душевныхъ болѣзней): «во всѣхъ подобныхъ случаяхъ временное раз-«стройство умственныхъ способностей развивается отъ физи-«ческаго разстройства организма. Вотъ цифры, записанныя въ «судебной медицинѣ. Изъ 750 женщинъ въ больницѣ умали-«шенныхъ Salpetrière—72 сошли съ ума отъ родовъ. Въ одной «изъ Лондонскихъ больницъ (Bethlem) по свидѣтельству док-«тора Джона Вебстера изъ 280 умалишенныхъ женщинъ 117 «потеряли разсудокъ отъ беременности и родовъ, что соста-«вляетъ 42 процента; изъ 2804 помѣшанныхъ женщинъ, при-«нятыхъ въ Salpetriére съ 1804 по 1814 годъ—оказалось «658 подобныхъ случаевъ». Что Матрена Трофимова находилась въ ненормальномъ состояніи физическаго организма—доказывается тѣмъ, что вскорѣ послѣ 10 іюня 1869 года, пребывая въ Тульскомъ тюремномъ замкѣ, она (по показанію смотрителя сего замка, Вознесенскаго) упала съ наръ, жалуясь на боль въ животѣ; была отнесена въ больницу и подвергнута медицинскому осмотру. Въ больницѣ Матрена жаловалась на животъ, ноги у нее онѣмѣли. Акушерка, свидѣтельствовавшая ее въ первый разъ, признала ее беременною и только затѣмъ по вторичномъ осмотрѣ нашли, что Трофимова не беременна. Животъ Матрены оставался чрезмѣрно вздутъ, что легко замѣтить и нынѣ. (Въ публикѣ движеніе любопытства). Сверхъ

того необходимо обратить вниманіе на другое болѣзненное явленіе. Матрена Трофимова на первыхъ-же порахъ, тотчасъ послѣ убійства, когда она учинила чистосердечное сознаніе въ преступленіи, объяснила, что когда она хотѣла ударить мужа топоромъ, рука ея не поднималась. *Наконецъ будто бы кто то ей сказалъ: «что же ты не бьешь мужа»? и* она ударила его обухомъ. Потомъ, какъ будто еще кто-то сказалъ: «бей его» и она ударила его до трехъ разъ. Слѣдовательно у Матрены Трофимовой, до преступленія и во время его совершенія, было то, что принято называть *галлюцинаціей*, мерещеніемъ слуха. Свидѣтели Сотскій Иванъ Титовъ и крестьяне Петръ Ерохинъ и Григорій Скачковъ передъ Вами показали, что Матрена имъ говорила, что она слышала голосъ сверху «бей мужа, добивай» — и такъ это обстоятельство должно быть принято за фактически доказанное. Если Прокуроръ вѣритъ показанію Трофимовой, на сколько служитъ оно къ ея обвиненію въ убійствѣ мужа, то онъ долженъ принять это показаніе вполнѣ, и въ отношеніи испытанной ею галлюцинаціи, иначе онъ впадетъ въ противорѣчіе самъ съ собой.

Изложенное убѣждаетъ, что во время совершенія убійства Матрена дѣйствовала подъ вліяніемъ галлюцинаціи, обмана чувствъ, ложной идеи, думая, что повинуется какой-то силѣ свыше. Все это при умственной, нравственной и религіозной неразвитости Матрены Трофимовой, при ненормальности ея физическаго организма (вздутіе живота и отсутствіе кровей) показываетъ, что она не дѣйствовала вполнѣ сознательно, свободно, разумно, цѣлесообразно, потеряла способность контролировать свои дѣянія. Заблужденіе психически-здоровыхъ людей тотчасъ исправляется противуположными контролирующими представленіями. Если-же послѣднее нормальное условіе временно задерживается, то это влечетъ за собою заблужденіе и убѣжденіе въ истинѣ заблужденія: въ такомъ именно положеніи находилась Матрена Трофимова 10 іюня 1869 года... Въ уложеніи о наказаніяхъ существуетъ законъ, мудрости котораго нельзя не удивляться: «не вмѣняются въ вину преступленія и проступки, совершенные больными въ точно-доказанномъ *припадкѣ умопомѣшательства* или *совершеннаго безпамятства*» (ст. 96); именно въ такомъ безпамятствѣ находилась Матрена

Трофимова въ день 10 іюня 1869 года подъ вліяніемъ галлюцинаціи и разстройства организма отъ пріостановки менструаціи.

Въ пользу подсудимой говоритъ и то обстоятельство, что ей, при совершеніи преступленія, не было даже 17 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно она не достигла полнаго *совершеннолѣтія*, двадцати лѣтъ съ годомъ. Въ продолженіи дѣтскаго возраста и въ юношествѣ въ человѣкѣ (особенно въ неграмотномъ) заключаются только зачатки разумѣнія и свободы. Съ теченіемъ времени у человѣка развиваются разумъ и воля и на этомъ-то постепенствѣ развитія основываются правила о вмѣняемости. Полное совершеннолѣтіе законъ нашъ видитъ, какъ уже замѣчено, въ достиженіи лицемъ возраста 21 года отъ роду. До сего же возраста не можетъ быть надлежащаго нравственнаго развитія, полной отвѣтственности лица за свои дѣйствія, и въ этомъ-то именно положеніи находилась Матрена Трофимова; сверхъ сего нужно замѣтить, что при нашемъ холодномъ климатѣ развитіе людей происходитъ позднѣе, нежели въ другихъ странахъ, и потому въ нашемъ отечествѣ полная отвѣтственность за дѣйствія можетъ быть признана лишь съ достиженіемъ лицемъ совершеннолѣтія.

Я кончаю, гг. присяжные засѣдатели! Въ этомъ дѣлѣ возникаетъ вопросъ не о признаніи вами подсудимой заслуживающею снисхожденія, а о признаніи ея дѣйствовавшею въ припадкѣ *умопомраченія*, подъ вліяніемъ ложной идеи о необходимой оборонѣ и также голоса свыше, который по ея убѣжденію говорилъ ей: «бей мужа»—при отсутствіи контролирующей способности, при болѣзненныхъ явленіяхъ организма.

Я прошу васъ признать, что Матрена Трофимова 10 іюня 1869 года дѣйствовала ненормально. Постановивъ это, вы исполните ваше высокое назначеніе: относиться человѣчно, гуманно къ дѣламъ, подлежащимъ вашему разсмотрѣнію, не смѣшивая уголовныхъ преступниковъ съ больными, нуждавшимися въ медицинской помощи. (Сильное ощущеніе между присяжными).

Товарищъ Прокурора (*А. К. Вульфертъ*) возразилъ слѣдующее: Защитникъ сначала избралъ самый лучшій планъ защиты, онъ не отрицалъ фактической стороны этого дѣла; затѣмъ онъ имѣетъ право просить только о признаніи Матрены Трофи-

мовой заслуживающею снисхожденія. Нынѣ защитникъ доказываетъ, что Матрена Трофимова дѣйствовала безсознательно, но это опровергается всѣми обстоятельствами дѣла. Вообще всѣ доводы защитника шатки.

Матрена встрѣчена была семействомъ ея мужа ласково и предупредительно, ее почти навязали тому семейству ея пріемные родители, и какъ ужасно она отплатила за это! Она измѣннически убила своего мужа, лишила свекровь: сына. Нисколько не доказаны многія обстоятельства изъ біографіи Матрены Трофимовой, разсказанныя г. защитникомъ, напр. о ея несчастной любви къ другому и пр.

Эксперты высказались положительно, что *не доказано*, что подсудимая убила мужа, находясь въ ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей; никто не могъ подтвердить, чтобы Трофимова дѣйствительно была подвержена галлюцинаціямъ или жаловалась на беременность. Отрывочная ссылка защитника на сочиненіе судебной медицины сама по себѣ ничего не поясняетъ. Вопреки ст. 96-й ул. вовсе *не доказано*, чтобы Трофимова убила мужа въ припадкѣ изступленія, тогда какъ защита должна была это доказать; галлюцинація, если бы даже и существовала, еще не доказываетъ помѣшательства, иногда и здоровому человѣку слышатся голоса. Молодость подсудимой можетъ служить ей основаніемъ къ смягченію наказанія, а отнюдь не къ признанію ея невиновною.

Въ заключеніе товарищъ прокурора энергически требовалъ обвиненія Трофимовой во имя общественныхъ интересовъ и безопасности жизни отдѣльныхъ лицъ.

Отвѣчая на рѣчь прокурора, защитникъ (*А. Д. Любавскій*) произнесъ: прокуроръ обвиняетъ меня въ невѣрномъ изложеніи обстоятельствъ дѣла; говоритъ, что Матрену Трофимову, почти насильно навязанную ея мужу, новая семья приняла радушно, окружила попеченіями. Я предоставляю вамъ, гг. присяжные, разрѣшить вопросъ: можно-ли принять за ласки и попеченія слѣдующія дѣйствія мужа—старика съ его молодою женою: битіе: по щекамъ, привязываніе къ столбу, брань матерными словами, покушеніе высѣчь жену розгами? Мнѣ кажется, что г. прокуроръ набрасываетъ слишкомъ поэтическій колоритъ на отношенія Григорьева къ его женѣ (Смѣхъ). Намъ важно

знать то, что думала сама Матрена объ обращеніи съ нею мужа, а онъ былъ ей противенъ, какъ старикъ сопливый, слюнявый, съ слезливыми глазами, больной физически, почти кретинъ умственно (истеченіе изо рта слюны признакъ кретинизма), наносившій ей побои и удары по щекамъ, наконецъ почти постоянно бывшій выпивши.—Прокуроръ говоритъ, что я не представилъ доказательствъ того, чтобы Матрена Трофимова имѣла въ молодости несчастную любовь, но обстоятельство это видно изъ ея показаній, да оно и не имѣетъ существеннаго значенія въ дѣлѣ. Галлюцинація подсудимой не подлежитъ сомнѣнію, ибо Трофимова тотчасъ же послѣ убійства разсказала о нихъ нѣсколькимъ свидѣтелямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учинила чистосердечное признаніе въ убійствѣ мужа, сама наговаривая на себя такія обстоятельства, о которыхъ безъ нея никто бы не зналъ.—Мѣсто, прочитанное мною изъ сочиненія судебной медицины, заключаетъ въ себѣ родъ физіологическихъ фактовъ и цифръ, собранныхъ черезъ наблюденіе надъ беременными женщинами. Прочитанное мною передъ вами мнѣніе экспертовъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и показанія экспертовъ, данныя передъ вами на судѣ. Прокуроръ приводитъ, что я неправильно примѣняю къ дѣлу 96 ст. улож.; но я доказываю не помѣшательство Матрены Трофимовой, а лишь то обстоятельство, что она 10 іюня 1869 года подъ вліяніемъ галлюцинаціи дѣйствовала безсознательно; послѣднее-же обстоятельство не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я рѣшительно несогласенъ съ мнѣніемъ г. прокурора, чтобы галлюцинація подсудимой была ничтожное явленіе; это есть болѣзненное явленіе, которое принадлежитъ къ самымъ загадочнымъ, затрогивая весь физическій и нравственный бытъ человѣческій. Молодость подсудимой, по моему мнѣнію, доказываетъ, что она могла дѣйствовать 10 іюня безсознательно, не имѣя возможности контролировать свои дѣйствія и свои впечатлѣнія.

Гг. Присяжные, для подсудимой настала рѣшительная минута! за окончаніемъ судебныхъ преній, судьба Матрены Трофимовой находится въ вашихъ рукахъ! Наше законодательство, предоставляя вамъ право преслѣдовать нарушителей законовъ, не вмѣнило и не могло вамъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность постановлять непремѣнно обвинительные приговоры.

Вообще, съ развитіемъ цивилизаціи, уголовныя наказанія и тѣмъ самымъ строгость примѣненія ихъ—смягчаются: смертная казнь, вырываніе ноздрей, клейменіе, кнутъ, плети, тѣлесныя наказанія—отмѣнены; признано, что преступникъ не перестаетъ быть человѣкомъ, что онъ подлежитъ наказанію лишь въ томъ случаѣ, если свобода его воли и разума участвовала въ совершеніи преступленія, что общество ничего не выиграетъ отъ наказанія человѣка, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ разстройства организма, галлюцинацій, ложной идеи. Вы признаете, мм. гг., что Матрена Трофимова дѣйствовала безсознательно, этимъ вы согласите требованіе законности съ чувствомъ человѣколюбія и справедливости.

На предложенные имъ судомъ вопросы: совершено-ли 10 іюня 1869 г. Матреною Трофимовою убійство ея мужа, во время сна сего послѣдняго? Дѣйствовала-ли при этомъ Матрена Трофимова въ припадкѣ умопомѣшательства—Присяжные засѣдатели отвѣчали: *Да совершено. Да, въ умопомѣшательствѣ.*

На основаніи сего приговора присяжныхъ засѣдателей Окружной Судъ постановилъ: подсудимую Матрену Трофимову считать отъ суда свободною.

Предсѣдатель (обращаясь къ Матренѣ Трофимовой) Подсудимая, вы свободны.—Освободить ее отъ стражи.

Въ залѣ раздались рукоплесканія.

Предсѣдатель (звонитъ въ колокольчикъ). Мм. Гг., законъ запрещаетъ всякія демонстраціи въ судѣ и выраженія одобренія и неодобренія. Судъ не есть театръ. Я закрываю судебное засѣданіе.

Засѣданіе кончилось въ 9 часовъ вечера.

Дѣло о писцѣ 3-го разряда Петрѣ Гастевѣ, сужденномъ за покушеніе на убійство дяди и за отцеубійство.

Засѣданіе отъ 11 марта 1870 г., по Временному Уголовному Отдѣленію Тульскаго Окружнаго Суда, въ г. Ефремовѣ. Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя И. А. Васильевъ, члены: Д. В. Лутковъ и мѣстный судебный слѣдователь П. П. Курносовъ. Обвинялъ: товарищъ прокурора И. П. Зариньъ, защищалъ А. Д. Любавскій) *).

Подсудимый писецъ 3-го разряда Петръ Гастевъ былъ введенъ въ залу засѣданія подъ охраненіемъ стражи. Ему 38 лѣтъ; росту онъ средняго, *горбатъ*, поступь его медленная, расчетливая, голову держитъ нѣсколько на бокъ, лице продолговатое, блѣдное, носъ длинный, заостренный, губы сжатыя, глаза осмысленные, смотрящіе вдаль съ выраженіемъ задумчивости. Волосы на головѣ, бородѣ и усахъ въ безпорядкѣ. Общее выраженіе лица сосредоточенное и какъ бы грустное. Во все время засѣданія Гастевъ держалъ себя видимо спокойно. При первомъ взглядѣ на подсудимаго — личность его кажется отталкивающею, но вслѣдъ-же за тѣмъ она возбуждаетъ до нѣкоторой степени чувство состраданія.

Обвинительный актъ, коимъ Гастевъ преданъ суду по обвиненію его въ убійствѣ отца и въ нанесеніи тяжкой раны топоромъ въ голову дядѣ своему Михаилу Гастеву, состоялъ въ слѣдующемъ:

«24 августа 1869 года писецъ 3-го разряда Петръ Гастевъ въ собственномъ домѣ въ г. Ефремовѣ нанесъ дядѣ своему, мѣщанину Михаилу Гастеву ударъ топоромъ по головѣ. По осмотру врача оказалась на головѣ Михаила Гастева рана въ вершокъ съ четвертью длиною, проникающая чрезъ всю толщину черепныхъ покрововъ до самой кости. Рана эта, по мнѣнію врача относится къ тяжелымъ. — Спрошенный на слѣдствіи писецъ,

*) Въ составѣ присяжныхъ были: 4 человѣка дворянъ и чиновниковъ и 8 купцовъ. Старшиною присяжныхъ былъ купецъ Иванъ Софроновичъ Алексѣевъ. Публика допускалась къ слушанію дѣла по билетамъ. Зала засѣданія была переполнена слушателями.

Петръ Гастевъ 38 лѣтъ объяснилъ, что 24 августа онъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Гастевымъ, двумя своими сестрами, землемѣромъ Неароновымъ и дѣвочкою Матреною Никитиною пили чай и водку. При разговорѣ Михаилъ Гастевъ подшучивалъ надъ нимъ, а потомъ, какъ бывало и прежде, началъ выговаривать ему, что онъ пьянствуетъ и пропиваетъ состояніе своихъ сестеръ, и назвалъ его пьяницей. Раздраженный этими словами, онъ, Гастевъ, вышелъ въ другую комнату; тутъ, при видѣ лежавшаго въ ней топора, пришло ему въ голову убить дядю. Съ этою цѣлію онъ взялъ топоръ и, подойдя къ Михаилу Гастеву сзади, ударилъ его по головѣ. Нанеся ударъ и, видя, что Михаилъ Гастевъ падаетъ облитый кровію, онъ испугался и бросилъ топоръ. Дѣвочка Матрена Никитина и землемѣръ Неароновъ показали: первая, что она видѣла, какъ Гастевъ, выйдя изъ той комнаты, гдѣ пили чай, въ другую, взялъ лежавшій тамъ топоръ и, спрятавъ его подъ сюртукъ, подошелъ къ Михаилу Гастеву и затѣмъ ударилъ его; а послѣдній,—что обернувшись на крикъ, онъ увидѣлъ Петра Гастева съ поднятымъ топоромъ, бросился на него и вырвалъ топоръ.—Мѣщанинъ Михаилъ Гастевъ объяснилъ, что онъ 24 августа Петра Гастева ничѣмъ не упрекалъ и пьяницей не называлъ, но Петръ Гастевъ имѣлъ злобу на него за то, что онъ замѣчалъ ему прежде, что онъ своимъ пьянствомъ разоритъ семью, а также и за то, что онъ подалъ ко взысканію вексель на него. Это подтвердили Елизавета Гастева и Николай Неароновъ, объявивъ при этомъ, что Петръ Гастевъ любитъ пить вино, и пьяный буянитъ.

«При производствѣ слѣдствія по настоящему дѣлу, Петръ Гастевъ на допросѣ у судебнаго слѣдователя сознался и *въ убійствѣ отца* своего, канцелярскаго служителя Ивана Гастева, объясняя это слѣдующимъ образомъ: 7-го сентября 1864 года отецъ его пошелъ въ Тулу, но съ дороги, вслѣдствіе болѣзни, воротился. Придя домой, онъ засталъ его, Гастева, на погребѣ, пившимъ водку, и сталъ бранить его за пьянство. Раздраженный его словами онъ, Гастевъ, вырвалъ изъ рукъ его палку и, ударивъ ею его по головѣ, убилъ его, а трупъ зарылъ въ погребѣ. Потомъ мѣсяца черезъ 2 или 3 вывезъ трупъ на рѣку Красивую-Мечь и бросилъ въ воду. Куда дѣ-

валъ палку не помнитъ, но вѣроятно изрубилъ ее.—По справкамъ оказалось, что дѣйствительно, въ 1864 году, канцелярскій служитель Иванъ Гастевъ пропалъ безъ вѣсти, о чемъ было подано объявленіе въ полицію Петромъ Гастевымъ 15 января 1865 года.—По осмотру погреба дома Гастева въ одномъ его мѣстѣ оказалась земля рыхлою, что происходило оттого, что здѣсь была яма и тутъ-же были найдены сгнившія щепки.

«На основаніи изложеннаго писецъ 3-го разряда Петръ Гастевъ, 38 лѣтъ, обвиняется въ убійствѣ отца своего Ивана Гастева и въ покушеніи на убійство въ запальчивости и раздраженіи своего дяди Михаила Гастева. Преступленія эти предусмотрѣны 1449, 1455 и 115 ст. Улож., по обвиненію въ коихъ помянутый Гастевъ подлежитъ суду Тульскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ».

Подсудимый Петръ Гастевъ, на судѣ не сознаваясь въ отцеубійствѣ, относительно нанесенія раны дядѣ своему объяснилъ, что онъ покусился на жизнь роднаго дяди въ отсутствіи разсудка.

Съ согласія сторонъ и по опредѣленію суда, потерпѣвшій отъ преступленія мѣщанинъ *Михаилъ Гастевъ* допрашивался безъ присяги въ *отсутствіи* подсудимаго. Онъ показалъ слѣдующее: съ мѣсяцъ какъ я пріѣхалъ въ Ефремовъ и остановился въ квартирѣ своихъ родныхъ Гастевыхъ. Пріѣхалъ я туда собственно для того, чтобы взыскать съ нихъ деньги по векселю, выданному мнѣ братомъ Иваномъ Акимовичемъ и отцемъ подсудимаго. Отъ Ивана Акимовича я имѣлъ два векселя одинъ по просьбѣ его я уничтожилъ еще прежде, а другой я рѣшился предъявить для взысканія. Не имѣя никого, съ кѣмъ-бы можно было посовѣтоваться по поводу этого дѣла, я обратился къ племяннику Петру Гастеву, который разсказалъ мнѣ, куда подать прошеніе для взысканія и объявилъ, что въ воскресенье (24 августа) будетъ все обдѣлано. Этимъ-же воскресеньемъ вечеромъ и покусился онъ на мою жизнь, ударивъ меня топоромъ по головѣ. Топоръ у Петра Гастева и прежде былъ, такъ какъ онъ его собственный. Когда еще Петръ Гастевъ насаживалъ топоръ на ручку, то показывалъ мнѣ его, говоря: «какъ вамъ, дядинька, нравится топоръ?». Я говорю «ничего хорошъ».—«Да, онъ можетъ сдѣлать свое, дѣло», при-

бавилъ Гастевъ, и затѣмъ рѣчь о топорѣ кончилась. Я никогда не позволялъ себѣ смѣяться надъ Петромъ Ивановичемъ и не бранилъ его, а только дѣлалъ ему родственныя замѣчанія относительно дома, который приходилъ въ упадокъ отъ его нетрезвой жизни. Замѣчанія эти я дѣлалъ кромѣ того и на тотъ конецъ, чтобы пріостановить его отъ нетрезвой жизни, которая разстраивала имущество его сестеръ и отъ которой страдали наши общіе интересы. На всѣ мои замѣчанія Петръ Гастевъ отвѣчалъ молчаніемъ. Разъ только, выслушавъ мою рѣчь, Петръ Гастевъ сказалъ, *что онъ занятъ очень важнымъ дѣломъ и не слушаетъ меня*, а черезъ два дня послѣ того пронесся слухъ, что онъ убилъ отца. Когда онъ говорилъ со мною по этому предмету и удивлялся слухамъ, я отвѣчалъ, что это вздоръ, пустяки, нечего обращать на это вниманіе. На сколько вѣренъ былъ этотъ слухъ, я не могу утвердить; съ племянникомъ объ этомъ я не говорилъ болѣе и не распрашивалъ. Помню только, что разъ пришелъ съ племянникомъ г. Першинскій, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ, домой выпивши, и племянникъ, разговаривая съ нимъ въ комнатѣ за виномъ, трепалъ его по плечамъ, сознавался ему, что онъ убилъ своего отца и воспользовался его имѣніемъ. (На вопросы Прокурора) Лежалъ въ больницѣ я съ 24 августа, т. е. со дня случившагося со мною несчастія. Въ бытность мою въ Самарѣ Гастевы мнѣ ничего не писали 5 лѣтъ, несмотря на то, что я просилъ ихъ увѣдомить меня о томъ, какъ они живутъ. Характеръ Петра Гастева самолюбивый и буйный, въ особенности когда онъ напивался водки, которую онъ употреблялъ порядкомъ. Разъ только случилось мнѣ слушать его крупный разговоръ съ сестрами и тутъ онъ много говорилъ лишняго. Въ этомъ случаѣ я родственно ихъ останавливалъ. (Отвѣчая на вопросы защитника). Въ дѣтствѣ Петръ Гастевъ видѣлъ меня 2 раза: въ первый—когда я училъ его грамотѣ, а второй—десять лѣтъ тому назадъ. Жилъ я въ Самарѣ и въ разныхъ губерніяхъ Россіи. О дѣтствѣ Петра Гастева ничего не знаю. Знаю только, что онъ больной и горбатый. Столкновеній съ нимъ никакихъ не имѣлъ во время пребыванія моего въ Ефремовѣ. Прежде-же онъ сердился на меня за то, что Иванъ Акимовичъ совѣтовался со мною о раздѣлѣ своего имѣнія дѣтямъ;

вслѣдъ за этимъ Иванъ жаловался мнѣ, что его чуть не убили дѣти, но были посторонніе люди и спасли его. Матвѣй Аѳимовичъ въ послѣднее время дѣйствительно сдѣлался скупъ, но прежде былъ до денегъ простъ и добръ для всѣхъ; чтобы отъ скупости онъ когда-либо лаялъ подъ воротами-не вѣрю. Выпивши Петръ Гастевъ былъ ничего. Жегъ-ли когда-либо палецъ на свѣчкѣ, приговаривая: „Лизка, Сонька, вылѣзайте изъ пальца "и лазилъ-ли ночью на крышу—не знаю. Въ присутствіи моемъ Петръ Гастевъ вообще держалъ себя хорошо. Упреки по поводу имущества я дѣлалъ ему потому, что отъ разстройства его, вслѣдствіе нетрезвой жизни Петра Гастева, страдали наши интересы. Говорилъ-ли я ему въ день происшествія: «у тебя на рубль амбиціи, а на грошъ аммуниціи и называлъ-ли его, неряхой и пьяницей»—не припомню. Мои отношенія съ нимъ были такъ себѣ, ничего; большею частію я время проводилъ съ нимъ въ разговорахъ, случалось и гулялъ съ нимъ вмѣстѣ. Только за недѣлю до происшествія я остерегался его что-то. Роняли-ли Петра Гастева въ колодезь-не знаю. О машинѣ, имъ изобрѣтенной, Петръ Гастевъ разсказывалъ мнѣ, что онъ ее сдѣлалъ, причемъ объяснилъ ея дѣйствіе, говоря, что изъ одного резервуара ея будетъ переливаться вода сама собой въ другой, отчего и произойдетъ вѣчное движеніе. Но о томъ, что онъ получитъ за эту машину 45 млн. ф. стерлинговъ и на эти деньги построитъ дворецъ и проч.—не слыхалъ. Слова его на мои замѣчанія по поводу дома „я занятъ дѣломъ и васъ не слушаю"—по моему мнѣнію не относились къ машинѣ, такъ какъ она уже была имъ сломана. Былъ-ли Петръ Гастевъ въ пьянствѣ раздраженъ, или сосредоточенъ—не замѣтилъ. О томъ, что машину его украдутъ, Петръ Гастевъ мнѣ ничего не говорилъ, а говорилъ объ этомъ сестрамъ. 24 августа было выпито водки ½ штофа. Пили Петръ Гастевъ и Неароновъ, я самъ пилъ—ровнялся съ ними. Отдыхалъ-ли я съ Петромъ Гастевымъ до происшествія въ этотъ день—не помню. Въ это время ничего особеннаго въ Гастевѣ не замѣтилъ. За часъ я говорилъ вообще шутливымъ тономъ. Ударъ мнѣ Петромъ Гастевымъ въ голову нанесенъ былъ вслѣдъ за разсказомъ моимъ Елизаветѣ Гастевой о явленной иконѣ Божіей Матери—споручницы.

Петра Гастева я не упрекалъ физическими недостатками и горбуномъ не называлъ, а называли сестры и всѣ вообще, которые его знали, и онъ привыкъ къ этому прозванію такъ, какъ бы къ своему имени, Петръ Ивановичъ. Смежная комната, изъ которой Петръ Гастевъ взялъ топоръ, бѣлилась. Топоръ этотъ находился тамъ постоянно, и когда я входилъ въ эту комнату, то мною почему то овладѣвалъ страхъ при видѣ топора. Вотъ тотъ топоръ, которымъ Петръ Гастевъ ударилъ меня по головѣ; на немъ еще и до сихъ поръ слѣды бѣлой краски, которою бѣлили комнату, гдѣ онъ находился. (Свидѣтель смутился и руки задрожали, когда онъ хотѣлъ взять топоръ и посмотрѣть). Я пряталъ топоръ пять разъ; но онъ опять очутился на своемъ мѣстѣ въ той комнатѣ. Я объяснялъ уже, что не припомню, чтобы говорилъ Гастеву „на рубль амбиціи, а на грошъ аммуниціи", да если и сказалъ это, то не съ тѣмъ, чтобы смѣяться. Послѣ случившагося со мною несчастія, въ больницу я пришелъ съ помощію двухъ лицъ: дѣвочки и другаго молодаго человѣка. Во время содержанія въ острогѣ Петръ Гастевъ не просилъ у меня чрезъ сестеръ прощенія, а вотъ тутъ на судѣ, когда я съ нимъ случайно встрѣтился въ коридорѣ, онъ спросилъ о моемъ здоровьѣ, на что я ему отвѣчалъ „что дѣлать, ты меня изуродовалъ."

Спрошенный снова Предсѣдателемъ, свидѣтель объяснилъ, что Петръ Гастевъ очень способный и скоро все перенимаетъ хвастаться привычки не имѣлъ, но очень самолюбивъ. Окончивъ свои показанія, свидѣтель заявилъ, что онъ не желалъ-бы во избѣжаніе нравственныхъ потрясеній, какія съ нимъ могутъ случиться при видѣ подсудимаго, оставаться въ залѣ засѣданія.

Получивъ на это согласіе сторонъ, Предсѣдатель приказалъ Судебному Приставу дать свидѣтелю помѣщеніе внѣ залы засѣданія и ввести затѣмъ подсудимаго, минуя комнаты, гдѣ помѣщенъ будетъ свидѣтель. Когда подсудимый былъ введенъ и занялъ мѣсто, то Предсѣдатель, согласно 729 ст. У. У. С, сообщилъ ему о происходившемъ на судѣ въ его отсутствіе и изложилъ показанія Михаила Гастева въ томъ видѣ, какъ они были даны при допросахъ.

Подсудимый. При покушеніи на убійство своего дяди, зла или корыстной цѣли я не имѣлъ, а также и не имѣлъ намѣренія убить его.

По распоряженію Предсѣдателя и съ согласія сторонъ подсудимый былъ снова удаленъ изъ залы засѣданія.

Сестра подсудимаго Елизавета Иванова Гастева (изъявившая согласіе дать показаніе на Судѣ и спрошенная на основаніи 705 У. У. С. безъ присяги) показала: 24 августа, когда всѣ мы пили чай въ одной комнатѣ и разговаривали, братъ мой вышелъ изъ нея, взялъ топоръ и ударилъ имъ по головѣ дядю. Какъ бралъ онъ топоръ—я не видала, потому что въ это время доставала планъ изъ сундучка нашему родственнику землемѣру Неаронову, который собирался куда-то идти. Обернувшись на крикъ сестры, я увидѣла слѣдующее: дядя, облитый кровью, падаетъ съ кресла на полъ, сестра Софія держится за голову, а братъ стоитъ сзади и держитъ поднятый вверхъ топоръ, который затѣмъ онъ бросилъ. Ударъ ужъ былъ нанесенъ въ голову дядѣ и потому, какъ онъ послѣдовалъ—не знаю. Передъ происшествіемъ дядя между прочимъ разсказывалъ мнѣ про новоявленную икону Божіей Матери Споручницы. (На вопросы прокурора) Правда, дядя говорилъ: „на рубль амбиціи, а на грошъ аммуниціи“ но къ кому собственно относилась эта пословица—не могу сказать.—Пріѣхалъ Михаилъ Акимовичъ Гастевъ въ Ефремовъ для того, чтобы взыскать съ насъ по векселю деньги, которыя мы оставались ему должны послѣ смерти батюшки, да и для того еще, что у насъ нераздѣленный домъ. Петръ Ивановичъ самолюбивъ и раздражителенъ, водки много пилъ и пьяный очень сердитъ. (*На вопросы защитника*). Михаилъ Акимовичъ Гастевъ былъ сначала архимандритомъ, и затѣмъ снялъ съ себя этотъ санъ, женился и теперь уже имѣетъ тропхъ дѣтей. Другой дядя Матвѣй Акимовичъ Гастевъ (умершій) былъ очень скупъ, но лаялъ-ли по ночамъ подъ воротами—не помню. Наша матушка умерла отъ воспаленія внутри. Сестра Соня до сихъ поръ неграмотна, была расположена учиться, но ею прежде не занимались. Дѣйствительно у Петра Иваныча была въ дѣтствѣ англійская болѣзнь, но съ котораго времени онъ сдѣлался горбатымъ—не знаю. Въ колодезь онъ упалъ самъ,

послѣ чего былъ сильно боленъ. Это было еще въ Тулѣ. Глубина колодезя была 10 саженъ. Затѣмъ въ Криволучьѣ онъ былъ тоже боленъ—сначала тифозною горячкой, а потомъ долгое время страдалъ лихорадкой. Учился онъ прежде въ гимназіи, гдѣ не окончилъ курса, и поступилъ въ народное училище. Въ послѣднемъ онъ оставался по два года въ первыхъ двухъ классахъ, но несмотря на то, что ему очень туго давались науки, онъ здѣсь окончилъ курсъ. На гражданской службѣ былъ и вышелъ въ отставку, будучи исправляющимъ должность архиваріуса въ уѣздномъ судѣ, тотчасъ послѣ подачи имъ рапорта начальству о приведеніи въ архивѣ дѣлъ въ порядокъ и обнаруженія имъ утраты большаго количества ихъ его предшественникомъ. Братъ Петръ Ивановичъ былъ дѣйствительно влюбленъ въ одну дѣвушку и хотѣлъ на ней жениться, но она умерла. На бракъ этотъ даже согласны были родители. О томъ, что онъ хочетъ устроить *вѣчно движущуюся машину*, онъ говорилъ давно; какъ себя начала помнить, я слышала про машину, приблизительно лѣтъ 8 тому назадъ. Про машину онъ говорилъ, что продастъ ее за границей, (потому что наше правительство дастъ мало денегъ за нее) за 45 мил. ф. стерлинговъ. На деньги эти выстроитъ дворецъ, богадѣльни, ремесленныя училища, говорилъ, что мы будемъ ѣздить въ каретахъ и къ намъ будутъ пріѣзжать сановники съ докладами. Намъ непріятно было слушать подобныя его рѣчи; непріятно потому, что мы почти безъ куска хлѣба сидимъ, а онъ говоритъ про милліоны. Странности Петра Ивановича доходили до того, что онъ жегъ на свѣчкѣ палецъ, такъ что онъ весь покрывался пузырями и запекалась на немъ кровь и потомъ, оскобливъ палецъ вилкой или ножемъ, говорилъ: «*Лизка, Сонька, вылъзайте изъ пальца!*» Далѣе рвалъ на себѣ платье, бросалъ и топталъ ногами посуду, надѣвалъ на себя женскую юбку и при этомъ говорилъ намъ «какъ ему хорошо». Ночи проспиживалъ съ собакой на крышѣ и эту послѣднюю пріучилъ находиться на крышѣ до того, что ее не было возможности стащить оттуда. Подобныя *странности* у него проявлялись по большей части въ пьяномъ видѣ. Въ такомъ положеніи онъ очень былъ сердитъ и зачастую насъ выгонялъ изъ дому. Особенно онъ сердился, когда его

называли горбатымъ, мнѣ тоже случалось называть его этимъ обиднымъ для него названіемъ. Онъ очень самолюбивъ и всегда говорилъ, что онъ только одинъ умный, а всѣ глупы. Въ послѣднее время онъ очень боялся за свою машину, говорилъ что ее унесутъ или *украдутъ*. Онъ до той степени былъ увѣренъ въ этомъ, что, ложась спать, завѣшивалъ окна простынями, чтобы не видали его машину, которую онъ прятали подъ постелью, и не украли ее. Ночью малѣйшій стукъ безпокоилъ его, случалось, куры застучатъ на потолкѣ, онъ встаетъ съ постели, бережно прячетъ куда нибудь машину и затѣмъ долго не можетъ успокоиться отъ боязни, что украдутъ ее у него. Когда приглашали его въ гости, то къ нимъ онъ не иначе приходилъ, какъ взявши съ собою машину, которую въ гостяхъ всегда клалъ около себя. А затѣмъ онъ сломалъ машину, заподозривъ Неаронова въ желаніи похитить ее у него. Въ какомъ количествѣ онъ пилъ водку-незнаю; выпивши онъ задыхался и сердце громко стучало. Топоръ, которымъ Петръ Ивановичъ нанесъ дядѣ ударъ въ голову, постоянно лежалъ въ гостинной, потому что тамъ поправляли потолокъ. Этимъ-же топоромъ рубили дрова. Находясь въ тюрьмѣ, Петръ говорилъ намъ, когда мы къ нему приходили, что его разстрѣляютъ и сильно при этомъ волновался. Въ тюрьмѣ онъ нѣсколько перемѣнился: появилась блѣдность въ лицѣ и глаза красные. Сначала онъ сердился на насъ, а потомъ очень радъ былъ, когда мы приходили къ нему въ тюрьму. (*На вопросы Председателя*). Все, что я разсказывала о его странностяхъ, было до происшествія. Отецъ пропалъ осенью. Уходя изъ Ефремова, онъ никогда не говорилъ намъ скоро-ли воротится, только спрашивалъ, что нужно намъ купить? Если бы онъ воротился въ Ефремовъ, то его многіе могли-бы замѣтить. Послѣ пропажи отца, спустя полгода, я ходила въ погребъ, но ямы тамъ не замѣчала; въ погребѣ ни тепло, ни холодно. (На вопросы Прокурора) Подалъ объявленіе въ Полицію Петръ Ивановичъ мѣсяца 4 или 5 спустя послѣ пропажи отца. Въ отсутствіе отца братъ не измѣнился въ характерѣ. Отецъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія.

Старшина присяжныхъ. Одинъ-ли отецъ Гастевыхъ отпра-

вился въ Тулу и не отлучался-ли подсудимый за городъ въ это время?

На предложенный Предсѣдателемъ вопросъ Елизавета Гастева объяснила, что отецъ ихъ отправился въ Тулу одинъ; въ это время братъ ихъ не отлучался за городъ. Затѣмъ на другой вопросъ Старшины присяжныхъ о томъ, не знаетъ-ли свидѣтельница о разговорѣ подсудимаго съ Першинскимъ, которому первый сознавался, что, убивъ отца, онъ воспользовался его имѣніемъ, Елизавета Гастева отвѣчала отрицательно. Затѣмъ свидѣтельница объяснила, что послѣ нанесенія удара топоромъ дядѣ въ голову, братъ бѣгалъ за нею по двору; преслѣдуемыя имъ, она и ея сестра вбѣжали въ домъ и оказались лежащими въ гостиной, какъ послѣ имъ передавали. Братъ нѣсколько разъ уѣзжалъ по ночамъ, онѣ изругаютъ его, онъ и уѣдетъ. Этому было года 4 назадъ. Зачѣмъ онъ это дѣлалъ—не сказывалъ.—Послѣ того свидѣтельницѣ былъ представленъ топоръ. Она удостовѣрила, что топоръ тотъ самый, которымъ подсудимый нанесъ ударъ въ голову Михайлу Акимовичу.

Подсудимый былъ введенъ въ залу засѣданія и занялъ свое мѣсто. Предсѣдатель изложилъ, на основаніи 729 к. У. У. С., ему показаніе его сестры Елизаветы Гастевой въ томъ видѣ, какое оно дано было при допросахъ въ его отсутствіе. *Подсудимый* на это показаніе не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній или возраженій.

Спрошенная безъ присяги, на основаніи 2 п. 706 с. Уст: Уг. Суд., *дѣвочка Матрена Никитина* показала слѣдующее: Я видѣла, какъ Петръ Ивановичъ взялъ топоръ изъ другой комнаты и ударилъ Михаила Акимыча. Какъ ударилъ онъ Михаила Акимыча, тутъ я выбѣгла, позвала деньщика (у нихъ деньщикъ былъ) и закричала. Ѳедоръ потомъ прибѣжалъ въ комнату. (*На вопросы Прокурора*) Петръ Ивановичъ ударилъ топоромъ Михаила Акимыча сзади, въ это время только-что чай отпили. Входя съ топоромъ въ комнату, гдѣ всѣ сидѣли, Петръ Ивановичъ держалъ топоръ сзади себя. Какъ ударилъ онъ Михаила Акимыча, я выбѣжала и въ комнатѣ этой не была больше. Послѣ только видѣла въ окно со двора, что въ гостиной лежала Елизавета Ивановна, подлѣ нея стояла Со-

фья Ивановна и уговаривала ее успокоиться. Тутъ же былъ Петръ Ивановичъ, который говорилъ имъ: «будетъ вамъ, чертъ его не возьметъ.“ Больше ничего не видала. Вынесли Михаила Акимыча изъ окна. Сначала онъ пошелъ къ Борщеву за помощію, но Борщовъ послалъ его въ больницу. Онъ и пошелъ туда. Михаилъ Акимычъ весь былъ въ крови. (*На вопросы защитника*) О машинѣ Петра Иваныча ничего не знаю. Водку онъ пилъ и пьяный былъ недобръ: ссорился съ сестрами, но меня не обижалъ. За чаемъ Петръ Ивановичъ 24 августа пилъ водки немного и ни съ кѣмъ не бранился. Нанесъ онъ ударъ въ голову Михаилу Акимычу *при всѣхъ* и въ то время, когда онъ разсказывалъ Софьѣ Ивановнѣ про икону Божіей Матери. Говорилъ-ли Михаилъ Акимычъ за чаемъ «на рубль амбиціи, а на грошъ аммуниціи» — не слыхала, также не слыхала чтобы у Петра Иваныча громко стучало сердце. Горбуномъ Петра Иваныча называли рѣдко и онъ за то очень сердился. Во все время разговора за чаемъ, Михаилъ Акимычъ шутилъ, да онъ и *всегда шутитъ*, потому что человѣкъ *веселый*, но не слыхала, чтобы онъ глумился надъ Петромъ Ивановичемъ.

Старшина. Не слыхала-ли Матрена Никитина разговоръ о смерти отца?

На вопросъ этотъ, предложенный Предсѣдателемъ свидѣтельницѣ, эта послѣдняя отвѣчала «нѣтъ».

Въ погребѣ я, Матрена, часто бывала: полъ тамъ вездѣ ровенъ; только въ углу около фундамента глина. Живу я у Гастевыхъ другой годъ съ масляницы.—Свидѣтельницѣ Никитиной было представлено вещественное доказательство—топоръ, относительно коего она объяснила, что онъ тотъ самый, которымъ Петръ Иванычъ ударилъ дядю.

Подсудимый на это показаніе не сдѣлалъ никакихъ возраженій.

Засѣданіе пріостановили на нѣсколько времени.

Землемѣръ Николай Андреевичъ Неаронов подъ присягою показалъ: 24 августа вечеромъ я пріѣхалъ изъ деревни къ Гастевымъ, гдѣ я жилъ во время моего пребыванія въ Ефремовѣ; Михаилъ Акимычъ и Петръ Ивановичъ спали, а Софья Ивановна и Елизавета Ивановна бѣлили гостиную. Спустя нѣсколько времени начали пить чай (въ комнатѣ, гдѣ жилъ Михаилъ

Акимычъ) и водку. Водку пили втроемъ: я, Петръ Иванычъ и Михаилъ Акимовичъ;—каждый изъ насъ выпилъ по три рюмки. Выпивши водки, Петръ Ивановичъ пригласилъ меня и свою сестру Елизавету въ комнату, которая бѣлилась, и разсказалъ *сонъ* слѣдующаго содержанія: что будто онъ лежалъ на двухъ доскахъ, *подошла къ нему сестра Софія*, онъ обнялъ ее рукою за шею и повалилъ на себя, такъ что одна ея половина опиралась на него, а другая на стѣну. Разсказавъ это, онъ просилъ меня объяснить ему этотъ сонъ. Шутя, я сказалъ ему въ разъясненіе сна, что домъ и онъ самъ суть опора для его сестры Софіи. Онъ какъ будто разсердился и началъ ходить, а я пошелъ въ комнату, гдѣ пили чай и водку, и попросилъ Елизавету Ивановну достать мнѣ изъ сундучка планъ. Когда она открыла сундукъ и я нагнулся, чтобы поискать планъ, въ это время раздался трескъ и крикъ сзади. Оборотившись, я увидѣлъ слѣдующее: Софья Ивановна держится за голову, Михаилъ Акимычъ, облитый кровью, падаетъ съ кресель, Елизавета старается поддержать этого послѣдняго, а Петръ Иванычъ стоитъ сзади своего дяди съ поднятымъ топоромъ. Я крикнулъ на него, онъ бросилъ топоръ и сказалъ: «теперь что хочешь, то и дѣлай со мною». На крикъ мой прибѣжалъ деньщикъ, а я отправился къ доктору Новицкому. Не заставъ его дома и затѣмъ другаго, я взялъ фельдшера. Когда я пришелъ домой, Михаила Акимыча тамъ уже не было, потому что онъ ушелъ въ больницу. (*На вопросы Прокурора*). Во время чая, разговоръ былъ о постороннемъ: говорили о положеніи женщинъ и о другихъ предметахъ. Я знаю Петра Гастева 4 года. По моему мнѣнію характеръ его довольно странный, иногда въ немъ проявлялись порывы злости и всю злобу онъ вымещалъ на сестеръ, за что—не знаю; въ одно время слишкомъ молчаливъ; въ другое-же время любитъ поговорить. Пилъ водки вообще порядочно и въ пьяномъ видѣ золъ. Въ послѣднее время онъ служилъ у Мироваго Судьи и ушелъ оттуда по болѣзни головы. Надобно замѣтить, что у него въ послѣднее время постоянно болѣла голова. (*На вопросы защитника*). Петръ Гастевъ не разъ говорилъ мнѣ о своей *машинѣ* и даже просилъ меня узнать въ Москвѣ (если я поѣду туда) кому заявить о ней, чтобы получить деньги. Устройства машины

я не зналъ и объ этомъ со мною Гастевъ не говорилъ; да и никому ее не показывалъ изъ опасенія, чтобы ее не украли. Онъ заподозрѣлъ даже меня, (какъ мнѣ потомъ передавали его сестры), въ желаніи утащить у него машину, и съ того времени онъ недружелюбно смотрѣлъ на меня и отношенія наши измѣнились. За сколько Гастевъ хотѣлъ продать машину—не знаю, знаю только, что, продавъ машину, онъ на деньги хотѣлъ устроить богадѣльни, ремесленныя заведенія и провести желѣзныя дороги. Петръ Ивановичъ не обладалъ хорошею памятью, но иногда она сильно у него дѣйствовала. Въ послѣднее время онъ жаловался мнѣ на боль головы и одышку и спрашивалъ, что ему дѣлать? Въ этомъ случаѣ я совѣтывалъ ему обратиться къ доктору. Когда онъ былъ выпивши, любилъ спорить и питалъ постоянную ненависть къ тѣмъ, которые одерживали надъ нимъ верхъ. Кромѣ того онъ самолюбивъ и всякое замѣчаніе, неотносящееся до него, его волновало. Слова: «на рубль амбиціи, а на грошъ аммуниціи» дѣйствительно были сказаны Михаиломъ Акимычемъ въ день происшествія, но они не касались Петра Гастева. Обидѣлся на эти слова Петръ Гастевъ потому, что онъ имѣлъ вообще привычку сказанное принимать на свой счетъ. Михаилъ Акимычъ шутливаго характера, но надъ Петромъ Гастевымъ рѣдко позволялъ себѣ шутить, потому что жилъ съ нимъ дружелюбно. Передъ происшествіемъ 24 августа Михаилъ Акимычъ разъ только упрекнулъ Петра Ивановича въ дурномъ поведеніи, но на это послѣдній ничего не возразилъ. Лаялъ-ли умершій Гастевъ собакой ночью подъ воротами—не знаю. Отецъ Петра Иваныча, какъ носились слухи, прежде былъ бѣденъ и бѣдность доходила до того, что не было хлѣба въ домѣ. Когда-же родственники давали ему деньги, чтобы купить хлѣба. то вмѣсто его онъ на рынкѣ покупалъ или пустыя бутылки или вообще ненужное. Это было еще въ Тулѣ. Михаилъ Акимычъ дѣйствительно былъ архимандритомъ, но потомъ вышелъ изъ монастыря и вступилъ въ бракъ. 24—августа, когда пили водку, то дѣйствіе ея не было замѣтно на Петрѣ Ивановичѣ и въ состояніи возбужденности онъ не находился. Поступокъ, совершенный въ этотъ день, мнѣ показался страннымъ, тѣмъ болѣе, что Гастевъ какъ будто нарочно сдѣлалъ его при всѣхъ.—Относительно топора, который былъ предста-

вленъ свидѣтелю, послѣдній удостовѣрилъ, что онъ тотъ самый, комъ подсудимый нанесъ ударъ въ голову дядѣ.

Подсудимый на это показаніе замѣтилъ только, что въ день происшествія было выпито водки болѣе 2½ бутылокъ.

Помощникъ Исправника Крюковъ подъ присягою показалъ: 24 августа извѣстился я отъ землемѣра Неаронова, что въ домѣ Гастевыхъ случилось уголовное преступленіе и именно нанесеніе Петромъ Гастевымъ топоромъ раны въ голову своему дядѣ, вслѣдствіе чего я взялъ команду и полицію и отправился въ домъ Гастевыхъ, гдѣ войдя со сторонними лицами, нашелъ сидящаго на диванѣ Петра Гастева и около него большую лужу крови. Дядю въ это время не засталъ, потому что онъ уже былъ отправленъ въ больницу. На вопросъ мой Петру Гастеву, что побудило его совершить преступленіе, онъ отвѣчалъ, что оно сдѣлано имъ въ припадкѣ *раздраженія*. О происшествіи этомъ я составилъ актъ и, заарестовавъ Петра Гастева, отправился въ больницу для отобранія показаній отъ Михаила Акимовича Гастева и для передачи таковаго слѣдователю. Черезъ 2 дня я былъ приглашенъ къ Судебному Слѣдователю, гдѣ, въ присутствіи послѣдняго и другихъ, Гастевъ между прочимъ сознался и въ *убійствѣ отца*. По поводу этого преступленія онъ разсказалъ слѣдующее: 1864 года (мѣсяца и числа не помню) отецъ его отправился за чѣмъ-то въ Тулу, но, не доходя до нея, онъ вернулся и дома засталъ Петра Гастева, пившимъ водку на погребѣ. Отецъ началъ внушать ему о его нетрезвой жизни; Петръ Гастевъ, раздраженный его словами, выхватилъ изъ рукъ отца палку и, ударивъ его по головѣ, убилъ, а тѣло зарылъ въ погребѣ. Послѣ того Петръ Гастевъ вывезъ трупъ на рѣку Красивую—Мечь и бросилъ его въ воду. (На вопросы Прокурора). Топоръ взятъ былъ около Петра Гастева. Когда онъ разсказывалъ объ убійствѣ отца Слѣдователю, то онъ былъ спокоенъ. О пропажѣ отца, Гастевымъ было подано въ полицію объявленіе, со стороны которой были сдѣланы впослѣдствіи распоряженія о розыскѣ. Сознавалсь въ отцеубійствѣ, Гастевъ *не* записывалъ собственноручно своихъ показаній въ протоколѣ, *а писалъ ихъ слѣдователь*. Когда мы были въ погребѣ, то расчищали землю только въ одномъ мѣстѣ, а именно тамъ, гдѣ была обнаружена яма, по указанію самого

подсудимаго: въ другихъ-же мѣстахъ почти не расчищали, а потому я и не могу сказать на сколько она рыхла въ другихъ частяхъ погреба. (*Отвѣчая на вопросы Прокурора*). Когда рыли яму, по указанію Гастева, то стѣнки ея были гораздо тверже средины. Могла ли въ другихъ мѣстахъ земля подаваться, если наступать на нее — не могу удостовѣрить. Яма была найдена въ углу погреба и ближе къ стѣнкѣ его. Когда рыли яму, то земля свободно подавалась; въ ямѣ, кромѣ гнилушекъ, ничего не найдено; какой формы она была—не запомню. Противъ прочитаннаго слѣдователемъ Гастеву протокола его показаній, послѣдній не дѣлалъ никакихъ замѣчаній и самъ подписалъ его.

Введенный въ залу засѣданія и спрошенный по предмету убійства отца Петромъ Гастевымъ, Неароновъ показалъ на вопросы Прокурора и Предсѣдателя то же самое, что и помощникъ исправника Крюковъ, прибавивъ только на послѣдній вопросъ Прокурора, что отцу подсудимаго было 50 лѣтъ и по тѣлосложенія былъ крѣпкаго.

Старшина присяжныхъ. Не слыхалъ-ли Неароновъ когда-либо разговора въ семействѣ Гастевыхъ о убійствѣ отца?

На предложенный предсѣдателемъ вопросъ старшины, Неароновъ отвѣчалъ отрицательно.

Предсѣдатель Крюкову. Какъ вы думаете, могъ-ли быть зарытъ трупъ отца подсудимаго въ ямѣ, которую вы осматривали и нѣтъ-ли обычая здѣсь, въ Ефремовѣ, устраивать подобныя ямы для какихъ либо домашнихъ потребностей?

Крюковъ объяснилъ, что, судя по величинѣ ямы, трупъ отца Гастева могъ быть зарытъ въ ней; что же касается того обстоятельства, чтобы мѣстные жители устраивали ямы въ погребѣ для домашнихъ надобностей, то удостовѣрить въ этомъ не можетъ, потому что самъ недавно служитъ въ этомъ городѣ.

Подсудимый указалъ, что его отцу было 60, а не 50 лѣтъ.

Затѣмъ прочтены были слѣдующіе документы:

1) *Актъ осмотра 26 августа*, изъ коего между прочимъ видно, что *въ комнатѣ*, гдѣ произошло покушеніе на убійство дяди Михаила Гастева, на полу, посреди оной, находилось значительное количество засохшей крови, каковой видно до самой кушетки; на томъ же полу было другое кровяное пятно около

стола и немного крови на ножкѣ стола. Передняя стѣнка кушетки, тюфякъ и одѣяло тоже въ крови полосками. На креслѣ, на которомъ сидѣлъ Михаилъ Гастевъ, слѣдовъ крови не замѣтно. У другаго-же стула передніе ножки обрызганы кровію. Въ этой-же комнатѣ найденъ на полу топоръ, лезвіе котораго на половину отъ рукоятки по обѣимъ сторонамъ въ крови. Рукоятка-же и часть топора вымазаны.

2) Изъ акта осмотра Михаила Гастева видно, что ему 59 лѣтъ, тѣлосложенія онъ хорошаго, на макушкѣ головы, почти параллельно соединенію между собою теменныхъ костей, ближе къ затылку находится продольная рана, длиною 1 вершокъ съ четвертью, шириною въ гусиное перо. Края раны ровные, припухшіе, сближены между собою ремешками липкаго пластыря, наложенными въ больницѣ. Рана проникаетъ чрезъ всю толщину черепныхъ покрововъ до самой кости. Голова больнаго горячая, пульсъ полный, частый, языкъ сухой, жалуется на головную боль, шумъ и звонъ въ ушахъ и при всякомъ малѣйшемъ движеніи и перемѣнѣ положенія чувствуетъ головокруженіе и тошноту. Лѣвой рукой и ногой владѣть свободно не можетъ и чувствуетъ въ нихъ онѣмѣніе, которое появилось спустя часъ послѣ нанесенія раны.—24 числа, по приведеніи въ больницу, Михаилъ Гастевъ былъ въ слѣдующемъ видѣ: голова покрыта большимъ платкомъ, который весь смоченъ кровью, а также все лице, борода и платье въ крови, на всей макушкѣ головы, покрытой длинными волосами, большая масса сгустившейся и постоянно выдѣляющейся крови. По обритіи съ макушки волосъ оказалось кромѣ того, что, соотвѣтственно ранѣ, на теменной кости находится трещина, поверхностная, непроникающая въ полость черепа. Рана нанесена остріемъ топора. Больной слабъ, пульсъ частый—120 разъ въ минуту, жалуется на головокруженіе, шумъ и звонъ въ ушахъ, также на онѣмѣніе въ лѣвой рукѣ и ногѣ. Рана отнесена свидѣтельствовавшимъ городскимъ врачемъ Краснопѣвцевымъ къ тяжелымъ, могущимъ имѣть вліяніе не только на здоровье, но и на самую жизнь Михаила Гастева.

3) Осмотръ ямы въ погребѣ обнаружилъ, что яма глубиною $1^1/_2$ арш., длиною $1^1/_4$ аршина и шириною $1^3/_4$ аршина.

4) Изъ акта освидѣтельствованія умственныхъ способностей

подсудимаго Петра Гастева видно, что ему 36 лѣтъ, тѣлосложенія онъ слабаго, лице блѣдное, неподвижное, глаза впалые, взглядъ тусклый, губы запекшіяся, черты лица выражаютъ тоску; кожа суха, голосъ слабъ и монотоненъ; отвѣты сопровождаются вздохами, но отвѣчаетъ на вопросы правильно, хотя медленно и какъ будто нехотя. Дней 6 страдаетъ безсонницею и совершеннымъ отсутствіемъ апетита; вообще всѣ признави-указываютъ на *упстеніе нервной системы*; но есть ли это болѣзненное состояніе преходящее, вызванное какимъ либо случайнымъ обстоятельствомъ или служитъ предвѣстникомъ серьезной болѣзни—въ настоящее время опредѣлить нельзя.

Товарищъ прокурора (*И. П. Зарнцъ*) произнесъ слѣдующую обвинительную рѣчь:

Господа присяжные засѣдатели! 24-го августа 1869 года писецъ 3 разряда Петръ Гастевъ, въ запальчивости или раздраженіи, нанесъ тяжкую рану въ голову топоромъ своему родному дядѣ съ цѣлію убить сего послѣдняго. При изслѣдованіи этого преступленія на предварительномъ слѣдствіи обнаружилось и другое болѣе важное: убійство Гастевымъ своего роднаго отца, случившееся гораздо ранѣе перваго. Такое стеченіе преступленій естественно возбуждаетъ въ каждомъ желаніе распознать—что такое за *личность* подсудимаго и что собственно *побудило* его совершить два такихъ тяжкихъ преступленія? Вотъ два вопроса, разрѣшить которые представляется необходимостію въ настоящемъ случаѣ. Заручившись данными, которыя обнаружены на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ, оказывается, что подсудимый Петръ Гастевъ—человѣкъ далеко не глупый, вмѣстѣ съ тѣмъ раздраженный, злой и пьяный, человѣкъ, который въ послѣднее время ничѣмъ исключительно не занимался и проживалъ добытое его отцемъ состояніе. Эта краткая характеристика личности Петра Гастева будетъ служить отвѣтомъ на первый вопросъ; эти же черты изъ его характера разрѣшаютъ и второй вопросъ; жаль только, что по настоящему дѣлу самая суть его, самыя сокровенныя пружины преступленія остаются сокрытыми до извѣстной степени. Одно это обстоятельство не можетъ при тѣхъ данныхъ, которыя сами собою выяснились на судѣ, привесть васъ въ затрудненіе при опредѣленіи виновности Петра

Гастева. Чтобы лучше уяснить себѣ мотивы преступленій, я перейду къ обстоятельствамъ дѣла по обвиненію Гастева въ покушеніи на жизнь своего роднаго дяди.

24-го августа 1869 года, Гастевъ въ собственномъ домѣ, въ этомъ городѣ, нанесъ дядѣ своему мѣщанину Михаилу Гастеву ударъ топоромъ по головѣ. Ударъ по головѣ былъ сильный, отъ котораго, по мнѣнію врача, производившаго осмотръ головы Михаила Гастева, образовалась тяжелая рана, незажившая у него и до настоящаго времени. Это преступленіе совершилось со стороны Гастева вечеромъ, за чаемъ, въ состояніи опьяненія (много-ли водки выпито имъ не доказано; надо полагать, что много), при всѣхъ, въ то именно время когда всѣ были заняты обыденнымъ, домашнимъ разговоромъ, и когда преступникъ всего менѣе могъ располагать своими злыми замыслами для совершенія этого преступленія. Въ разговорѣ съ Петромъ Гастевымъ дядя упрекнулъ его въ пьянствѣ, упрекнулъ его еще и за то, что онъ ничего не дѣлаетъ и проматываетъ состояніе своихъ сестеръ. Тотчасъ послѣ того Петръ Гастевъ идетъ въ смежную комнату, беретъ попавшійся ему на глаза топоръ и, возвратясь въ комнату, гдѣ передъ тѣмъ пили чай и водку, наноситъ ударъ топоромъ по головѣ своему дядѣ, отъ котораго онъ падаетъ на полъ. Находившіяся въ этой комнатѣ сестры подсудимаго вскрикиваютъ, а онъ, испугавшись, бросаетъ топоръ. Когда Петръ Гастевъ былъ заарестованъ и привлеченъ къ суду, то на предварительномъ слѣдствіи объяснилъ, что покусился на жизнь дяди не преднамѣренно, а въ запальчивости или раздраженіи, будучи выведенъ изъ терпѣнія насмѣшками дяди. Такое объясненіе подсудимаго, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ уваженія въ виду показанія, даннаго здѣсь на судѣ Михаиломъ Гастевымъ. Изъ этого показанія видно, и какъ самъ Михаилъ Гастевъ объяснилъ, что причиною покушенія Петра Гастева на его жизнь была злоба на дядю за то, что этотъ послѣдній хотѣлъ предъявить на него вексель ко взысканію. Принимая такимъ образомъ въ соображеніе упреки дяди Петру Гастеву о его нетрезвой жизни и о томъ, что онъ разстраиваетъ состояніе своихъ сестеръ, наконецъ взысканіе по векселю— нельзя не придти къ убѣжденію, что покушеніе Петромъ Га-

ствомъ на жизнь дяди было слѣдствіемъ этихъ причинъ; что это преступленіе было совершено предумышленно со стороны подсудимаго, потому что онъ заранѣе приготовился къ нему, заручился для выполненія его всѣми средствами, которыя онъ считалъ для этого нужными. На основаніи всего вышеизложеннаго я безусловно обвиняю Гастева въ покушеніи на убійство дяди, при чемъ онъ, Гастевъ, сдѣлалъ съ своей стороны все, что ему нужно было для совершенія этого преступленія.

Перехожу теперь ко второй части обвиненія—къ *отцеубійству*. Отцеубійство всегда и во всѣ времена считалось самымъ величайшимъ преступленіемъ. Я не буду объяснять вамъ свои воззрѣнія на это преступленіе, на тяжесть его, чтобы не утомить слишкомъ вашего вниманія, а перейду къ обстоятельствамъ. При производствѣ предварительнаго слѣдствія по предмету обвиненія Петра Гастева въ покушеніи на убійство своего роднаго дяди, Гастевъ на допросѣ у судебнаго слѣдователя сознался и въ убійствѣ отца своего Ивана Гастева, причемъ обстоятельства сего преступленія объяснилъ слѣдующимъ образомъ: 7 сентября 1864 года отецъ его пошелъ въ Тулу, но съ дороги по болѣзни вернулся домой. Дома онъ засталъ подсудимаго на погребѣ пившимъ водку и началъ его бранить. Раздраженный этою бранью, Петръ Гастевъ вырвалъ изъ рукъ его палку и, ударивъ ею по головѣ, убилъ, а трупъ зарылъ въ погребѣ. Мѣсяца черезъ 2 или 3 вывезъ трупъ на рѣку Красивую-Мечь и бросилъ въ воду. Куда палку дѣвалъ — не помнитъ, но вѣроятно изрубилъ ее.

По собраннымъ по сему предмету свѣдѣніямъ оказалось, что дѣйствительно въ 1864 году Иванъ Гастевъ, отецъ подсудимаго, пропалъ неизвѣстно куда, и подсудимымъ объ этомъ было подано объявленіе въ мѣстную полицію черезъ 4 мѣсяца. По осмотрѣ погреба въ одномъ мѣстѣ его нашли рыхлую землю и по расчищеніи ея яму и въ ней сгнившія щепки. Какъ видите, подсудимый Гастевъ сознался на предварительномъ слѣдствіи въ этомъ преступленіи, но здѣсь на судѣ почему-то отрицаетъ его. Особыя-ли причины понудили его къ этому, совѣты-ли острожныхъ юристовъ подѣйствовали на него во время содержанія подъ стражей—неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе созна-

ніе, данное Гастевымъ на предварительномъ слѣдствіи, было подкрѣплено данными этого слѣдствія относительно отцеубійства, и хотя данныхъ этихъ собрано немного, потому что съ убійства отца прошло уже много времени, однакожъ преступленіе не должно остаться для Гастева безслѣднымъ. Чтобы легче придти къ убѣжденію о виновности Гастева въ этомъ преступленіи, необходимо разсмотрѣть: на сколько помянутое сознаніе обвиняетъ Гастева и при какихъ обстоятельствахъ оно имъ дано? Изъ показанія свидѣтеля Неаронова видно, что въ убійствѣ отца подсудимый хладнокровно сдѣлалъ признаніе у судебнаго слѣдователя; это признаніе никѣмъ не было вынуждено и со стороны подсудимаго заявлено свободно. Далѣе внѣшняя форма этого сознанія не противорѣчитъ обстоятельствамъ дѣла, если вспомнить положеніе обвиняемаго во время совершенія этого преступленія, совпаденіе этого преступленія со временемъ исчезновенія отца и наконецъ обнаруженіе въ погребѣ ямы, въ которой, по словамъ Гастева, зарытъ трупъ убитаго отца. Всѣ эти данныя несомнѣнно убѣждаютъ въ виновности Гастева въ этомъ преступленіи. Теперь допустимъ, что Гастевъ не виноватъ въ отцеубійствѣ, тогда возникаетъ вопросъ: для чего-же онъ дѣлалъ признаніе въ такомъ тяжкомъ преступленіи? Можетъ быть для того, чтобы понести незаслуженное наказаніе? Но этого допустить нельзя, потому что никто не можетъ быть врагомъ самому себѣ. Можетъ быть для того, чтобы ввести въ заблужденіе правосудіе? Но и это непонятно. Такимъ образомъ при невозможности послѣдняго предположенія, остается одно — это признать Гастева виновнымъ и въ этомъ преступленіи въ виду тѣхъ данныхъ, которыя я изложилъ вамъ выше.

Глубоко убѣжденный въ виновности Гастева по обоимъ преступленіемъ, я прошу васъ, гг. присяжные засѣдатели, произнести въ отношеніи его обвинительный приговоръ.

Защитникъ посудимаго (А. Д. Любавскій) произнесъ слѣдующее: мм. гг., подсудимый Петръ Ивановичъ Гастевъ обвиняется прокурорскою властію: 1) въ покушеніи на убійство дяди и 2) въ отцеубійствѣ.

Передъ вами на скамьѣ обвиняемыхъ находится, по мнѣнію прокурора, закоренѣлый злодѣй, извергъ, который заслуживаетъ

тягчайшаго наказанія,—или-же, какъ я думаю, человѣкъ болѣзненный, уродливый физически (горбатый), разстроенный психически, дѣйствовавшій въ припадкѣ умоизступленія, дававшій нелѣпыя показанія.

Вотъ та дилемма, обсужденіе которой должно затронуть ваше сердце и вашу совѣсть, возбудить вашъ умъ. Я считаю необходимымъ, согласно указанію г. прокурора, ознакомить васъ съ *личностію* подсудимаго, его предшествовавшею жизнію и окружавшею обстановкою. Подсудимый Петръ Гастевъ родился въ 1832 году въ г. Тулѣ; природа поступила съ нимъ какъ мачиха: физически его постигла англійская болѣзнь, которая изуродовала его организмъ; нравственно онъ наслѣдовалъ слабость памяти, раздражительность, угрюмость, утомленіе отъ умственнаго труда. Сверхъ того съ нимъ произошелъ несчастный случай: ребенкомъ Петра Гастева уронили въ колодезь въ 10 саженъ глубиной; послѣдствіемъ этого было то, что Петръ Ивановичъ сдѣлался горбатымъ, ростъ его пріостановился, а позвоночный столбъ и одно ребро искривились. Послѣ этого Петръ Гастевъ недѣли три былъ боленъ горячкой. Его помѣстили въ гимназію, но онъ учился съ большимъ трудомъ вслѣдствіе недостатка памяти и долженъ былъ вскорѣ покинуть гимназію. Затѣмъ Петръ Ивановичъ поступилъ въ народное училище и пробылъ здѣсь 5 лѣтъ, оставаясь на 2 года въ 1-мъ и 2-мъ классахъ училища. Физическая уродливость, насмѣшки товарищей при болѣзненномъ самолюбіи, наслѣдованномъ Петромъ Ивановичемъ отъ природы, развили въ немъ стремленіе къ одиночеству, угрюмости, одичалости, сосредоточенности. Друзей, утѣшителей въ юности, у него не было. 21 года отъ роду Петръ Ивановичъ окончилъ курсъ наукъ въ народномъ училищѣ (въ то время, когда его бывшіе товарищи по гимназіи окончили курсъ въ университетѣ) и чрезъ годъ поступилъ въ Тульскую Гражданскую Палату канцелярскимъ служителемъ безъ жалованья. Онъ ревностно занимался службою; въ 1856 году перешелъ на службу въ тульскій уѣздный судъ съ жалованьемъ по 4 р. 16 к. въ мѣсяцъ и продолжалъ служить, испытывая лишенія и недостатокъ. Въ октябрѣ 1856 года Петръ Ивановичъ назначенъ былъ исправляющимъ должность архиваріуса уѣзднаго суда, но и тутъ несчастіе его

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

преслѣдовало. Онъ принялъ архивъ послѣ умершаго архивариуса въ томъ видѣ, въ какомъ архивъ находился въ моментъ смерти его предшественника. Петръ Ивановичъ ревностно сталъ заниматься приведеніемъ дѣлъ въ порядокъ, обнаружилъ, что недостаетъ 1500 дѣлъ, подалъ объ этомъ формальный рапортъ начальству и..... получилъ увольненіе отъ службы съ аттестаціею, что онъ достойный и способный чиновникъ; сверхъ того его обязали найти себѣ преемника, и Петръ Ивановичъ долженъ былъ приплатить сему послѣднему за принятіе отъ него архива. Начальству не понравилось то обстоятельство, что Петръ Ивановичъ подалъ о пропажѣ дѣлъ формальный рапортъ.... Съ своей-же стороны я не могу не пожалѣть о человѣкѣ, который (можетъ быть) не имѣлъ служебнаго такта и ловкости, но которой за добросовѣстный и честный трудъ получилъ..... уволненіе отъ службы и прекрасный аттестатъ! И такъ, служебная карьера для Петра Ивановича кончилась, и это еще болѣе сдѣлало его мизантропомъ. Сознавая свою физическую уродливость и нравственную одичалость, Петръ Ивановичъ удалился отъ общества женщинъ. Только одинъ разъ, въ бытность свою въ Тулѣ, онъ встрѣтилъ дѣвушку, дочь чиновника, Марію N, которая ему сочувствовала и непрочь была выйти за него замужъ. Онъ хотѣлъ на ней жениться, но дѣвушка умерла. Терпя во всѣмъ неудачу, Петръ Ивановичъ поступилъ въ конторщики въ имѣніе князя Вадбольскаго, (Алексинскаго уѣзда), но мать его самовластно распорядилась его судьбою: въ это время г-жа Гастева взяла на аренду у учителя гимназіи Грюше хуторъ Криволучье не далеко отъ Тулы и потребовала, чтобы Петръ Ивановичъ былъ при ней. Но въ Криволучьѣ была низменная мѣстность, пруды и много стоячей воды—это произвело во всей деревнѣ тифозную горячку, во время которой г-жа Гастева и умерла. Петръ Ивановичъ также заболѣлъ тифомъ, послѣ того въ теченіе года у него была изнурительная лихорадка, которая окончательно разстроила его организмъ. Затѣмъ Петръ Гастевъ отправился къ брату своему Ивану Гастеву, который въ это время былъ учителемъ въ школѣ при Троицко-Сергіевской лаврѣ. Иванъ Гастевъ вскорѣ былъ переведенъ учителемъ въ Звенигородъ и потомъ въ Волоколамскъ, и Петръ Ивановичъ

постоянно жилъ у него. Въ Волоколамскѣ Иванъ Гастевъ умеръ отъ аневризма. Петръ Ивановичъ очень любилъ своего брата, по его словамъ онъ былъ ему благодѣтель—«*славный малый*». Послѣ смерти брата Петръ Ивановичъ вернулся къ своимъ роднымъ, проживавшимъ въ г. Ефремовѣ. Отецъ его былъ въ это время безъ должности и они жили въ бѣдности. Тутъ то начинается *переломъ* въ жизни Петра Ивановича.

Еще по выходѣ изъ народнаго училища, онъ задался мыслію какъ бы открыть *тайну вѣчно-движущагося начала* (perpetuum mobile), за что, какъ онъ прочелъ въ газетахъ, была обѣщана огромная премія въ 40 мил. ф. стерлинговъ. Онъ рѣшился осуществить свою мысль чрезъ устройство водоподъемной машины, въ которой бы одно и то же количество воды само собою находилось въ постоянномъ движеніи. Вотъ эта машина. (*Говоря эти слова, защитникъ вынимаетъ изъ-подъ стола до 20 пустыхъ-внутри, жестяныхъ трубочекъ, фантастически расходящихся въ различныхъ направленіяхъ и прикрѣпленныхъ къ тазику; большая часть машины сломана. Въ публикѣ сильное движеніе и отчасти смѣхъ*). Машина эта была сдѣлана Петромъ Гастевымъ и передана мнѣ его сестрами. Я предоставляю вамъ мм. гг., разъяснить вопросъ: могъ-ли Петръ Иванычъ незнавшій даже десятичныхъ дробей и вообще математики, думать, что открылъ тайну вѣчнодвижущагося начала, которое, выражаясь въ силахъ центростремительной и центробѣжной, управляетъ движеніемъ земли и солнца; я только укажу вамъ, что Петръ Гастевъ глубоко былъ убѣжденъ, что онъ сдѣлалъ громадное открытіе и не перемѣнилъ своего мнѣнія и до настоящаго времени. Изъ показаній Елизаветы Гастевой и Неаронова вы слышали, что Петръ Ивановичъ, сдѣлавъ свою машину, говорилъ, что, по полученіи за свою машину обѣщанной въ англійскихъ газетахъ преміи 40 мил. фун. стерлинговъ, онъ сломаетъ свой домъ, построитъ дворецъ, церковь, ремесленное заведеніе, проведетъ желѣзныя дороги... и высшіе сановники будутъ ѣздить къ нему съ визитомъ. Пока Петръ Иванычъ предавался грезамъ своей фантазіи, строилъ воздушные замки, денежныя дѣла его шли хуже и хуже; онъ и его семейство почти совсѣмъ обнищали. По замѣчанію Елизаветы Гастевой «*даже обидно было слушать, какъ братъ говорилъ о полученіи*

милліоновъ, тогда какъ имъ пѣтъ было нечего». Всѣ домашніе ругали Петра Ивановича, смѣялись надъ нимъ и глубоко оскорбляли его. Въ этомъ положеніи Петръ Иванычъ напоминаетъ мнѣ того химика, котораго изображаетъ Бальзакъ въ своемъ сочиненіи «la recherche de l'absolu» и тѣхъ труженниковъ, которые 200 лѣтъ тому назадъ занимались изученіемъ алхиміи. Петръ Ивановичъ, видя, что дѣйствительная жизнь не улыбается ему, составилъ особый міръ фантазіи, носился въ немъ съ своими надеждами, грезами, опасеніями и пробуждался изъ своего «сна на яву» тогда только, когда дѣйствительная жизнь напоминала ему о себѣ.

Послѣ построенія машины въ Петрѣ Ивановичѣ появляются *странности*, (какъ видно изъ показанія тѣхъ-же свидѣтелей). Такъ Петръ Ивановичъ жегъ палецъ на свѣчкѣ, приговаривая при этомъ безсмысленныя слова: «Сонька, Лизка, вылѣзайте изъ пальца», онъ просиживалъ на крышѣ своего дома всю ночь и пріучилъ собаку лазить съ собою на крышу, такъ что ее нельзя было оттуда стащить, онъ билъ въ куски и топталъ ногами посуду, разрывалъ на себѣ сорочку, бралъ у сестеръ женскую рубашку и надѣвалъ ее на себя; ходилъ въ женской юбкѣ и говорилъ: «какъ мнѣ теперь хорошо.» Далѣе: онъ выгонялъ сестеръ изъ дому, такъ что онѣ уходили къ сосѣдямъ; приходилъ въ бѣшенство, когда сестры или посторонніе называли его горбатымъ или сомнѣвались въ геніальности его открытія perpetuum mobile; онъ говорилъ, «что одинъ онъ умный, а всѣ дураки» (мономанія величія). Петръ Иванычъ самъ сломалъ машину, надъ которой столько лѣтъ трудился, изъ опасенія, что Неароновъ хочетъ похитить его секретъ и воспользоваться обѣщанною въ газетахъ преміею. Онъ безпрестанно говорилъ, что боится, чтобы у него не разобрали потолокъ для похищенія машины, завѣшивалъ окна простынями; уходя въ гости, онъ уносилъ машину съ собою и клалъ ее около себя, всегда подъ вліяніемъ той-же ложной идеи.

Родственники Петра Иванозича также отличались странностями. Отецъ подсудимаго Иванъ Акимовичъ Гастевъ неоднократно занималъ деньги по мелочамъ, ибо семейство его находилось въ крайней бѣдности, и вдругъ покупалъ на рынкѣ пустыя бутылки и пр. Зимой, купивъ тулупъ, въ трескучій

морозъ шелъ безъ него, войдя же въ комнату, надѣвалъ его на себя. Дядя подсудимаго, (потерпѣвшій отъ преступленія Михаилъ .Гастевъ) по окончаніи курса въ семинаріи достигъ званія архимандрита въ Самарѣ и вдругъ вышелъ изъ духовнаго званія, разстригся, приписался къ самарскому мѣщанству и вступилъ въ бракъ. Другой дядя (умершій) Матвѣй Акимовичъ Гастевъ до такой степени былъ скупъ, что, за неимѣніемъ собаки, которую поскупился пріобрѣсти, лаялъ по ночамъ подъ воротами. Сестра подсудимаго Софія слаба въ умственномъ отношеніи и не знаетъ грамоты. Приводя эти примѣры, я хочу доказать, что слабость умственныхъ способностей и непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ Гастевыхъ были *наслѣдственны*, что отчасти видно изъ предварительнаго слѣдствія.

Физическій организмъ Петра Ивановича еще болѣе разстроился: по ночамъ у него такъ сильно стучало сердце, что это было слышно лицамъ, спавшимъ съ нимъ въ одной комнатѣ, отъ водки у него захватывало духъ, а между тѣмъ извѣстно, что постоянное опьяненіе уничтожаетъ въ человѣкѣ способность мыслить, порождаетъ въ немъ дикія фантазіи, порывы нелогичнаго бѣшенства, за которыми слѣдуютъ упадокъ духа и неспособность къ здоровой дѣятельности. Въ послѣдній годъ (1869) Петръ Гастевъ сталъ много пить водки и, какъ выразилась его сестра, *еще больше измѣнился по страшному самолюбію*. Выпивши водки, онъ становился буйнымъ; у него стала постоянно и хронически *болѣть голова*, (какъ вы это слышали отъ свидѣтеля Неаронова).

И такъ, невзгоды жизни, странности судьбы, неуспѣхъ на всѣхъ поприщахъ-заставили Петра Ивановича создать себѣ особый міръ фантазіи, развили въ немъ самолюбіе и жестокость и наконецъ побудили искать въ винѣ, въ пьянствѣ забвенія всѣхъ невзгодъ, а спиртные напитки еще болѣе укрѣпили въ его разстроенномъ воображеніи идею, что онъ создалъ водоподъемную машину, которая можетъ стоять на ряду съ великими открытіями: компаса, пороха, книгопечатанія и пр.

Вотъ обстановка, которая подготовила трагическое происшествіе 24 августа 1869 года—18 августа въ г. Ефремовъ прибылъ бывшій архимандритъ, впослѣдствіи разстрига, дядя под-

судимаго Михаилъ Гастевъ. По показанію свидѣтельницы Матрены Никитиной, Михаилъ Гастевъ былъ *«веселый человѣкъ»*, *«шутилъ надъ Петромъ Ивановичемъ»*. Такой образъ дѣйствій былъ тѣмъ болѣе неосторожень, что Михаилъ Гастевъ пріѣхалъ въ этотъ городъ съ цѣлію представить ко взысканію на своихъ племянниковъ вексель, выданный ему ихъ покойнымъ отцемъ. Этимъ взысканіемъ онъ почти разорилъ ихъ и въ то же время неосторожно, неблагоразумно, хотя впрочемъ безъ всякаго дурнаго намѣренія, шутилъ надъ Петромъ Ивановичемъ, называя его пьяницей, пропащимъ человѣкомъ, говорилъ, что у него «на рубль амбиціи, а на грошъ аммуниціи,» смѣялся надъ его машиной perpetuum mobile и надъ его воздушными замками, упрекалъ его въ дурномъ управленіи домомъ и пр. Михаилъ Гастевъ затронулъ *больныя струны* Петра Гастева, его самолюбіе, его, если такъ можно выразиться, *idée fixe*,—только этимъ можно объяснить тотъ взрывъ бѣшенства и негодованія, который, по поводу самой ничтожной причины, 24 августа 1869 года овладѣлъ Петромъ Гастевымъ и произвелъ покушеніе на жизнь дяди. Фактическая сторона этого событія весьма несложна: вслѣдствіе насмѣшекъ дяди Петръ Гастевъ, доведенный до умопзступленія, нанесъ ему топоромъ рану въ голову, въ присутствіи своихъ двухъ сестеръ, горничной Матрены и посторонняго человѣка, котораго онъ считалъ своимъ врагомъ, Неаронова. Подсудимый нанесъ ударъ, находясь въ такомъ состояніи разстройства, что рана не была глубока, такъ что послѣ того Михаилъ Гастевъ могъ пѣшкомъ дойти до больницы, поддерживаемый лишь дѣвочкою и посторонними свидѣтелемъ. Петръ Гастевъ объяснилъ, что онъ нанесъ дядѣ рану въ отсутствіи разсудка. Шутливый топъ дяди его грубыя насмѣшки ему не понравились, онъ выбѣжалъ изъ комнаты, случайно увидѣлъ топоръ (который, какъ вамъ объяснили свидѣтели, постоянно находился для раскалыванія дровъ и для передѣлки потолка) и мгновенно, при всѣхъ, не думая о послѣдствіяхъ, нанесъ дядѣ ударъ по головѣ.

Поступокъ Петра Ивановича является продуктомъ *умопзступленія* и отличается крайнею *нелогичностію*, непослѣдовательностію, безумiемъ. Какъ вы слышали отъ свидѣтеля Неаронова, дядя и племянникъ послѣ обѣда, какъ и всегда, спали въ

одной комнатѣ — въ это время не послѣдовало преступленія. Событіе произошло случайно, мгновенно; если-бы Петръ Иванычъ не увидалъ топора, не было — бы и преступленія. Минута была выбрана самая неудобная; въ это время было въ сборѣ не только все семейство, но кромѣ того присутствовало лице постороннее—Неаронов; слѣдовательно Петръ Иванычъ ни въ какомъ случаѣ не могъ надѣяться спастись отъ уголовнаго суда и наказанія; поступокъ его является безумнымъ и противнымъ инстинкту самосохраненія; разстройство умственное и физическое доказывается тѣмъ, что рана была неглубока, не проникала до мозга. Вслѣдъ за преступленіемъ Петръ Ивановичъ поступилъ еще нелогичнѣе — выбѣжалъ на дворъ, подбѣжалъ къ дому Юрова и разбилъ стекла оконъ. При этомъ вы припомните *странности* психическія и нравственныя Петра Иваныча—и тогда поступокъ его можно объяснить только умопомѣшательствомъ.

По стат. 96 Ул. о нак. (изд. 1866 г.)« не вмѣняются въ вину преступленія и проступки, учиненные больными въ *точно доказанномъ припадкѣ умопомѣшательства.*» Смыслъ этой статьи для васъ, мм. гг., безъ сомнѣнія ясенъ уголовная практика всѣхъ странъ представляетъ то явленіе, что иногда преступленія совершаются лицами, находящимися въ непормальномъ, болѣзненномъ состояніи психической дѣятельности, лишенными возможности здраво обсуждать связь причинъ и ихъ послѣдствій, дѣйствующими въ данную минуту или безсознательно или же сознательно, но подъ вліяніемъ сильнаго побужденія, которому ихъ помраченныя умственныя способности не могли противустоять съ надлежащею силою. Подвергать этихъ лицъ наказанію, какъ преступниковъ, было бы противно нашей совѣсти и закону, посему и по 96 статьѣ преступленія не вмѣняются въ вину лицу, совершившему ихъ безсознательно, въ припадкѣ, порывѣ, или взрывѣ души. Дѣяніе Гастева является однороднымъ съ слѣдующимъ уголовнымъ случаемъ: «въ царствованіе Александра 1-го путешественникъ имѣлъ съ собою заряженный пистолетъ для защиты отъ разбойниковъ. На станціи онъ разсорился изъ-за лошадей съ однимъ генераломъ, который и далъ ему пощечину; тогда путешественникъ мгновенно вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и застрѣлилъ генерала. Государственный совѣтъ оправдалъ путешественника,

не смотря на совершенное имъ убійство.»—Ненормальность состоянія Гастева вскорѣ послѣ преступленія доказывается и свидѣтельствомъ доктора Краснопѣвцева, въкоемъ объяснено, что у подсудимаго взглядъ тусклый, передъ тѣмъ онъ провелъ всю ночь на колѣняхъ и ничего не ѣлъ. Въ дѣлѣ есть свѣдѣнія, что въ тюремномъ замкѣ Петръ Гастевъ едва окончательно не сошелъ съ ума отъ страха быть разстрѣляннымъ за его преступленія, чѣмъ его пугали арестанты. Это удостовѣряетъ и смотритель замка. Слѣдовательно несомнѣнно, что Петръ Гастевъ нанесъ дядѣ рану топоромъ безсознательно, въ порывѣ, въ умоизступленіи. Въ настоящемъ дѣлѣ я это допускаю потому, что не могу признать Гастева вполнѣ здоровымъ, а потому и прошу васъ признать Гастева по этому обвиненію совершившимъ преступленіе безсознательно.

Перехожу теперь къ другому преступленію: къ обвиненію Петра Гастева прокурорскою властію въ *отцеубійствѣ*. Самъ прокуроръ сознаетъ, что данныхъ, доказывающихъ преступленіе отцеубійства, было собрано немного, ибо послѣ убійства прошло много времени. Съ своей же стороны я убѣжденъ, что невозможно доказать отцеубійство. Все обвиненіе основано главнымъ образомъ на самообвиненіи Петра Гастева, на собственномъ сознаніи, данномъ имъ судебному слѣдователю—что онъ убилъ своего отца. Это сознаніе является неправильнымъ съ начала до конца. Отецъ Петра Гастева ушелъ изъ Ефремова (что всѣмъ было извѣстно) въ Тулу для полученія пенсіи. Никто не видалъ, чтобы онъ возвратился въ Ефремовъ. Между тѣмъ возможно—ли возвратиться въ уѣздный городъ, не бывъ замѣченнымъ ни сосѣдями, ни знакомыми, ни родными, ни прислугою ни, наконецъ, жильцами дома? Ни одно лицо не видало возвращенія отца подсудимаго. Такъ гдѣ-же объективныя доказательства того, чтобы убійство могло быть произведено? Никто не видалъ палки, съ которой ушелъ отецъ подсудимаго и которою послѣдній (по его словамъ) убилъ отца.

Если-бы тѣло Ивана Гастева дѣйствительно находилось въ ямѣ, то оно навѣрное бы оставило въ ней слѣды, кровяныя пятна, клочки волосъ, куски одежды, пуговицы отъ платья и пр., ничего подобнаго не найдено. Яма, обнаруженная въ погребѣ слѣдователемъ, сама по себѣ нисколько не составляетъ доказа-

тельства; она могла быть приготовлена для сбереженія картофеля и т. п. Самая величина ямы (что вы слышали изъ акта осмотра) длиною $1\frac{3}{4}$ аршина и шириною $1\frac{1}{2}$ аршина, показываетъ, что въ ней не могло лежать тѣло человѣка взрослаго, ибо каждый человѣкъ имѣетъ росту болѣе двухъ аршинъ; сверхъ того форма ямы, почти четырехугольная, вовсе несоотвѣтствуетъ формѣ удлиненной, которую должна имѣть яма для помѣщенія въ нее человѣческаго трупа.

Почва въ погребѣ могла быть вездѣ рыхла, и если бы расчищать ее и въ другихъ мѣстахъ, то, безъ сомнѣнія, нашли бы слѣды другой ямы; но рывшіе могли по ошибкѣ вырытую ими яму—принять за прежнюю, существовавшую.

Никто не видалъ, какъ подсудимый несъ въ рѣку тѣло отца.

Сознаніе Петра Ивановича судебному слѣдователю писано не его рукою, а рукою слѣдователя. По закону (ст. 408 Ус. уг. суд.) «грамотнымъ предоставляется право *самимъ вписывать* въ протоколъ (слѣдователя) отвѣты, данные ими на словахъ». Это постановленіе закона весьма мудро; если бы Петру Гастеву, чиновнику, бывшему архиваріусу, предложили самому написать свое показаніе, съ означеніемъ этого въ протоколѣ, то безъ сомнѣнія Гастевъ могъ—бы *одуматься* и отказаться отъ нелѣпаго самообвиненія, но слѣдователь, поспѣшивъ самъ записать самообвиненіе Гастева'въ отцеубійствѣ, далъ ему подписать его, и такимъ образомъ отступилъ отъ точныхъ требованій закона. И такъ по *формѣ* своей сознаніе въ отцеубійствѣ, учиненное Гастевымъ судебному слѣдователю, является незаконнымъ, недѣйствительнымъ. Свидѣтели, бывшіе при допросѣ Гастева, также не удостовѣрили, чтобы судебный слѣдователь предлагалъ Гастеву написать показаніе своею рукою. Между тѣмъ это обстоятельство имѣетъ существенную важность; судебный слѣдователь, какъ юристъ, можетъ такъ изложить показаніе, что оно является послѣдовательнымъ, но если бы подсудимый своею рукою написалъ сознаніе, то навѣрное впалъ бы въ противорѣчіе, несообразности и все самообвиненіе рушилось бы.

Не доказано, найдены-ли были какія мертвыя тѣла въ 1864 году въ рѣкѣ Красивая-Мечь, въ которую подсудимый, по его словамъ, бросилъ тѣло отца.

Наконецъ, что всего важнѣе и что болѣе всего опровергаетъ

обвиненіе прокурора: *не найдено тѣла отца подсудимаго*, а безъ этого обвиненіе есть зданіе, построенное на пескѣ! Самъ прокуроръ, какъ юристъ, сказалъ бы вамъ это, если бы не былъ стѣсненъ своимъ офиціальнымъ положеніемъ — обвинителя. Каково будетъ ваше положеніе, гг. присяжные засѣдатели, если Иванъ Гастевъ чрезъ годъ, чрезъ два, вернется къ вамъ живымъ, а вы обвинили Петра Гастева въ отцеубійствѣ? Иванъ Гастевъ, какъ всѣ видѣли, ушелъ изъ Ефремова съ паспортомъ, онъ нынѣ безвѣстно—отсутствующій. Быть можетъ, если сдѣлать публикаціи, которыхъ требуетъ законъ, то онъ отыщется или будутъ доставлены свѣденія о его смерти, но сего не исполнено. Я смѣю васъ увѣрить, что при болѣзненности Петра Гастева въ умственномъ отношеніи, при его необыкновенномъ самолюбіи и желаніи прослыть *замѣчательнымъ* человѣкомъ во что бы то ни стало (подобно Геростратy), наконецъ при его показаніи на судѣ, что онъ ложно обвинилъ себя въ отцеубійствѣ, съ цѣлію дать сестрамъ доказательство въ смерти отца и возможность распорядиться наслѣдственнымъ имуществомъ—ни одинъ составъ присяжныхъ въ Европѣ не произнесъ бы относительно его, Гастева, обвинительнаго приговора въ отцеубійствѣ.

Я прошу васъ отвергнуть обвиненіе Петра Гастева въ отцеубійствѣ и признать его нанесшимъ своему дядѣ рану въ припадкѣ умоизступленія.

Товарищъ прокурора возразилъ: Г. защитникъ говоритъ, что будто бы я обвиняю Гастева во что бы то ни стало; съ своей стороны я скажу, что законъ предоставляетъ право прокурорской власти отказаться по совѣсти отъ обвиненія, коль скоро оно становится несостоятельнымъ. Въ данномъ-же случаѣ я не пользуюсь этимъ правомъ потому, что не вижу въ томъ необходимости, въ виду тѣхъ данныхъ, которыя я имѣлъ честь изложить вамъ въ своей рѣчи для изобличенія подсудимаго, и заимствованныхъ изъ предварительнаго и судебнаго слѣдствій. Защитникъ далѣе въ своей рѣчи говоритъ, что Гастевъ взвелъ на себя преступленіе «убійство отца» будто-бы для того, чтобы тѣмъ самымъ открыть наслѣдство, которое должно перейти въ его роднымъ. Мысль конечно остроумная, но и только на сколько она справедлива, вы сами можете убѣдиться, гг. присяжные засѣдатели. Защитникъ потомъ говоритъ, что Гастевъ

можетъ быть и отказался-бы отъ своего сознанія въ убійствѣ отца, если бы онъ,какъ грамотный, самъ записывалъ свои показанія въпротоколѣ, а не судебный слѣдователь. Но Гастевъ на предварительномъ слѣдствіи ничего не возразилъ противъ прочитаннаго ему слѣдователемъ протокола его показаній, да и затѣмъ онъ самъ подписалъ его, давая знать тѣмъ самымъ, что таковой составленъ правильно. Защита говоритъ, что почва въ погребѣ вездѣ рыхла, и если бы расчищали ее и въ другихъ мѣстахъ, то могли бы найти и другую яму. На это замѣчу защитнику только то, что яма, въ которой былъ зарытъ трупъ отца Гастева, была найдена и разрыта по указанію-же Гастева, который притомъ заявилъ, что онъ въ ней зарылъ убитаго отца. Защита много говорила о жизни подсудимаго и его родныхъ; но эти данныя никому непзвѣстны, а потому и не имѣютъ никакого значенія. Затѣмъ защитникъ возбуждаетъ въ своей рѣчи вопросъ объ умопзступленіи Гастева при совершеніи преступленій, но таковой тогда только могъ быть примѣняемъ къ настоящему дѣлу, когда бы было точно доказано умопзступленіе, а для этого слѣдовало-бы допросить экспертовъ-врачей и произвести освидѣтельствованіе подсудимаго (ссылка на разъясненіе касс. департ. сената о совершенномъ безпамятствѣ) Чтоже касается того обстоятельства, что будто бы Гастевъ, какъ говоритъ защитникъ, опасался за жизнь свою, которой онъ могъ лишиться, какъ увѣряли его арестанты, содержащіеся вмѣстѣ съ нимъ въ острогѣ, то это обстоятельство опять ничѣмъ не подтверждается, потому что арестанта этого мы не видимъ, а потому и не можемъ знать, говорилъ-ли онъ Гастеву о томъ, что онъ за свои преступленія будетъ лишенъ жизни или нѣтъ; наконецъ ударъ топоромъ былъ на столько силенъ и рана такъ тяжка, что Михаилъ Гастевъ до сихъ поръ боленъ.

Защитникъ подсудимаго (*А. Д. Любавскій*) возразилъ: я сказалъ, что прокуроръ, стѣсненный своимъ официальнымъ положеніемъ, не можетъ высказать вамъ убѣжденія, свойственнаго всѣмъ юристамъ,—что если не найдено мертваго тѣла, то сознаніе подсудимаго само по себѣ не служитъ доказательствомъ отцеубійства; мнѣ остается только прибавить, что судебная практика представляетъ много случаевъ, что подсудимые ложно обвиняли себя въ преступленіяхъ, или чтобы

затянуть дѣло, или прослыть замѣчательными преступниками, или подъ вліяніемъ другой невѣрной идеи. Гастевъ, не будучи юристомъ, могъ думать, что если онъ уличенъ въ покушеніи на убійство дяди, то и за отцеубійство онъ подлежитъ тому-же самому наказанію. Вы безъ сомнѣнія обратите вниманіе и на ненормальность психической дѣятельности Гастева вскорѣ послѣ происшествія 24 августа 1869 года. Гастевъ не возражалъ на предварительномъ слѣдствіи противъ написанія его показанія судебнымъ слѣдователемъ лишь потому, что онъ и не зналъ, что законъ предоставляетъ ему право самому писать показаніе. Ему объ этомъ не было заявлено, это удостовѣрили и свидѣтели. Подпись подсудимаго подъ протоколомъ показываетъ лишь, что онъ дѣйствовалъ машинально, ему сказали подписать—онъ и подписалъ. Если-же Петръ Гастевъ былъ въ умопомраченіи, то подпись его не имѣетъ никакого юридическаго значенія и весьма жаль, что судебный слѣдователь не далъ ему самому изложить показаніе свое,тогда-бы легко выяснилась нелѣпость послѣдняго изъ самой редакціи его.—Въ погребѣ нашли собственно не яму, а лишь слѣды ямы въ раскопанной землѣ, но весьма легко при этомъ ошибиться, ибо почва и случайно въ одномъ мѣстѣ бываетъ рыхла, а въ другихъ тверже. Данныя о жизни подсудимаго почерпнуты мною большею частію изъ актовъ предварительнаго слѣдствія и изъ показаній свидѣтелей, которыхъ вы, Мм. Гг., слышали на судѣ: Елизаветы Гастевой, Неаронова и дѣвочки Матрены. Вопросъ объ умопомраченіи возбуждается не мною, а, такъ сказать, самими обстоятельствами дѣла, ибо можетъ-ли здоровый человѣкъ, дѣйствующій разсудительно, покуситься на убійство другаго человѣка въ присутствіи 4 постороннихъ людей, безъ всякаго видимаго повода? Я не доказываю, что Петръ Гастевъ сумасшедшій или безумный, я говорю, что онъ 24 августа 1869 г. дѣйствовалъ въ *припадкѣ умопомраченія* и подъ дѣломъ есть акты его освидѣтельствованія докторомъ Краснопѣвцевымъ. Это и будетъ экспертиза, которой требуетъ прокуроръ. Ударъ топоромъ вовсе небылъ силенъ, въ противномъ случаѣ онъ-бы проникъ до мозга, между тѣмъ этого не было и Михаилъ Гастевъ самъ пѣшкомъ дошелъ до больницы.

Оканчивая мою рѣчь, мм. гг., я снова прошу васъ: 1) от-

вергнуть обвиненіе Гастева въ отцеубійствѣ, въ противномъ случаѣ вы внесете въ судебную практику шаткое начало: обвиненіе подсудимаго на основаніи одного лишь его сознанія, отъ котораго онъ, придя въ болѣе нормалное состояніе, самъ отказался на судѣ. 2) Признать нанесеніе Петромъ Гастевымъ раны своему дядѣ—послѣдовавшимъ въ припадкѣ умопзступленія.

Предсѣдатель предложилъ присяжнымъ къ разрѣшенію слѣдующіе вопросы:

1) Виновенъ-ли подсудимый, писецъ 3 разряда Петръ Ивановъ Гастевъ 38-ми лѣтъ въ томъ, что онъ въ 1864 году умышленно лишилъ жизни своего отца отставнаго колежскаго регистратора Ивана Гастева?

2) Виновенъ-ли тотъ же подсудимый Петръ Ивановъ Гастевъ въ томъ, что онъ 24 августа 1869 года въ городѣ Ефремовѣ въ собственной квартирѣ нанесъ, въ запальчивости или раздраженіи, топоромъ тяжкую рану на головѣ своего дяди мѣщанина Михаила Гастева съ цѣлію лишить его жизни?

3) Если подсудимый Гастевъ виновенъ въ семъ преступленіи, то по собственной-ли волѣ онъ остановился и не вполнѣ совершилъ задуманное преступленіе?

4) Если не по собственной волѣ остановился подсудимый Гастевъ, то мѣщанинъ Михаилъ Гастевъ не лишился жизни по обстоятельствамъ-ли независимымъ отъ подсудимаго, или-же по обстоятельствамъ только особеннымъ, непредвидѣннымъ подсудимымъ?

На первые два вопроса присяжные отвѣчали: «да, виновенъ», на третій «нѣтъ, не по собственной волѣ», на четвертый— «да, по обстоятельствамъ непредвидѣннымъ».

Тульскій Окружной Судъ на основаніи сего приговора присяжныхъ опредѣлилъ: подсудимаго писца 3 разряда Петра Иванова Гастева, 38 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжую работу въ рудникахъ *на 15 лѣтъ* съ послѣдствіями по 25 ст. Улож. о наказаніяхъ.

Дѣло о крестьянинѣ Михаилѣ Вещиковѣ, обвиняемомъ въ покушеніи на братоубійство.

(Засѣданіе Временнаго Отдѣленія Тульскаго Окружнаго Суда въ г. Новосили отъ 12 февраля 1870 г. Предсѣдалъ: Товарищъ Предсѣдателя Васильевъ, члены: — Шепелевъ и почетный Мировой Судья Сухотинъ, обвинялъ Товарищъ Прокурора Любовицкій, защищалъ А. Д. Любавскій).

Вотъ обстоятельства этого дѣла: «1868 года 4-го августа, въ сельцѣ Чигиринкѣ, Новосильскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ Петровъ Вещиковъ, отправляясь съ роднымъ своимъ братомъ Алексѣемъ въ поле для уборки ржи, нанесъ ему деревянными вилами ударъ въ ту минуту, когда тотъ, стоя у скирда, нагнулся чтобы взять поданный ему снопъ. Отъ полученнаго удара Алексѣй Петровъ потерялъ сознаніе, свалился, но Михаилъ Вещиковъ и *затѣмъ продолжалъ наносить ему удары вилами.*

«Услышавъ стукъ, бывшая вблизи крестьянка Зиновія Савельева Вещикова подошла къ Михаилу Вещикову уговаривать его не бить брата, но такъ какъ онъ не переставалъ, то она побѣжала сообщить о томъ его домашнимъ. Дорогой она встрѣтила крестьянина Петра Васильева Вещикова, который, узнавъ о случившемся, былъ *также* свидѣтелемъ побоевъ, нанесенныхъ въ его присутствіи Михаиломъ Вещиковымъ, по приходѣ его изломавшимъ вилы.

«При освидѣтельствованіи врачемъ, Алексѣй Вещиковъ былъ найденъ съ тяжкими и опасными поврежденіями. На лбу у него оказалась разорванная рана, около вершка длиною, при изслѣдованіи которой были замѣчены надломъ и вдавленіе лобной кости. Дальнѣйшимъ осмотромъ обнаружено, что шестое, седьмое и восьмое ребра были переломаны, а на опухшей лѣвой рукѣ, лѣвомъ боку, груди и спинѣ остались темносинія пятна.

«На предварительномъ слѣдствіи крестьянинъ Михаилъ Вещи-

ковъ показалъ, что онъ уже года полтора какъ собирался, за дурное обхожденіе съ нимъ и съ его женой, избавиться отъ своего брата и лишить его жизни, что онъ можетъ-быть и исполнилъ бы, если-бы не былъ остановленъ подошедшими людьми. Къ этому онъ впослѣдствіи добавилъ, что причиной злобы его на брата была *связь послѣдняго съ его женой*, изъ-за которой многіе надъ нимъ *подсмѣивались*.

«Приведенныя Вещиковымъ основанія поступка его съ братомъ не подтвердили спрошенные; жена его Анисья Данилова, братъ Антонъ Вещиковъ, жена Алексѣя Вещикова Аѳимья Степанова и крестьяне Андрей Никитинъ, Константинъ и Родіонъ Михайловы Вещиковы объяснили, что Алексѣй Вещиковъ никогда не подавалъ повода къ неудовольствію брата, начавшаго съ нимъ ссориться *послѣ свадьбы* и, по словамъ Алексѣя Вещикова возымѣвшаго на него злобу вслѣдствіе *отказа раздѣлиться* съ нимъ хозяйствомъ до возвращенія третьяго брата.

«На основаніи этихъ свидѣтельскихъ показаній, собственнаго сознанія Вещикова и свойства нанесенныхъ имъ побоевъ, крестьянинъ Михаилъ Вещиковъ обвиняется въ томъ, что, имѣя намѣреніе убить роднаго брата своего Алексѣя, нанесъ ему 4-го августа тяжкія, подвергшія жизнь его опасности, поврежденія, но отъ исполненія своего намѣренія былъ остановленъ подоспѣвшими людьми, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 9, 114 и 1457 ст. Улож. о наказ».

На вопросъ предсѣдателя признаетъ ли онъ себя виновнымъ, подсудимый отвѣчалъ отрицательно.

За симъ были допрошены свидѣтели.

Антонъ Петровъ Вещиковъ объяснилъ, что Михаилъ Вещиковъ на второй день послѣ свадьбы сталъ задумчивъ, а затѣмъ въ немъ появились странности. Домашніе думали, что онъ испорченъ, возили его лечиться къ бабкѣ, ему немного полегчало, но не надолго. По временамъ онъ бывалъ «въ родѣ бѣглаго, сумасшедшаго».

Иванъ Петровъ Вещиковъ. Послѣ свадьбы Михаилъ Вещиковъ сталъ биться, не могли понять что съ нимъ сдѣлалось. Его возили лечиться къ бабкѣ, ему полегчѣло, но вскорѣ опять дурь появилась. Со свадьбы у него была какая-то дурнота въ головѣ.

Анисья Вещикова (жена подсудимаго). Мужъ сталъ убѣгать

отъ нея по ночамъ сейчасъ же послѣ свадьбы, точно онъ былъ испорченъ. Ложась спать, онъ нерѣдко клалъ подъ подушку раскрытый ножъ. Часто онъ брался за топоръ и опять клалъ его на мѣсто. Нерѣдко мужъ говорилъ ей, что хочетъ ее удавить, и упрекалъ ее въ томъ, что она состоитъ въ любовной связи съ его братомъ. Напрасно она старалась его разувѣрить. Старшій братъ Алексѣй былъ хозяинъ во дворѣ, онъ съ ней обращался хорошо. Онъ терпѣливо переносилъ всякія дерзости и упреки Михаила Вещикова. Послѣдній хотѣлъ раздѣлиться съ Алексѣемъ, чтобы не жить въ его домѣ, но Алексѣй на это не соглашался. Мужъ Анисью то любилъ и ласкалъ, то билъ, а потомъ снова начиналъ любить просить и прощенія и говорилъ, что «у него сердце щемитъ». Когда мужа привели въ избу, послѣ покушенія его на жизнь брата, то она стала упрекать его въ убійствѣ. Михаилъ Вещиковъ отвѣтилъ ей: «это не я билъ брата, Спаситель билъ».

Петръ Вещиковъ (братъ подсудимаго). Михаилъ Вещиковъ былъ аккуратный и здоровый молодецъ, но съ самой его свадьбы «сдѣлался не въ умѣ». По ночамъ онъ убѣгалъ отъ жены, его отыскивали и приводили домой. Однажды въ концѣ ноября онъ перебѣжалъ чрезъ рѣку по льду, который только что установился.

Родіонъ Вещиковъ. Съ самой свадьбы Михаилъ Вещиковъ «умомъ преставился»; по ночамъ онъ все убѣгалъ отъ жены, клалъ подъ изголовье ножъ, а около себя топоръ. Онъ просилъ Алексѣя Вещикова раздѣлиться съ нимъ, но Алексѣй на это не соглашался.

Аѳимья Степанова. Михаилъ до свадьбы былъ хорошій, а послѣ свадьбы перемѣнился, ссорился съ братомъ и женой, ревновалъ, «хлѣбы металъ (бросалъ) на полъ, что̂ большой грѣхъ». На вопросы, Анисьи зачѣмъ онъ хотѣлъ убить брата, Михаилъ Вещиковъ отвѣчалъ: «меня Спаситель толкнулъ».

Алексѣй Вещиковъ (потерпѣвшій отъ преступленія, съ большимъ шрамомъ на лбу). На первый день послѣ свадьбы Михаилъ сталъ къ нему привязываться, называя его «бездомовникомъ». Чрезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Михаилъ сталъ по ночамъ убѣгать отъ жены въ поле или къ рѣчкѣ, «будто не въ своей памяти». Онъ, Алексѣй, его лавливалъ и приводилъ домой. Михаилъ непремѣнно хотѣлъ выдти изъ его двора. Ложась

спать, Михаилъ раздвигалъ складной ножъ и клалъ его къ себѣ подъ подушку.

По просьбѣ защитника былъ прочитанъ актъ, составленный тремя медиками въ августѣ 1868 года, и изъ котораго видно, что «можно предположить, что Михаилъ Вещиковъ страдаетъ одностороннимъ помѣшательствомъ отъ ревности (monomania)».

По требованію прокурора былъ прочитанъ актъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей Вещикова въ тульскомъ окружномъ судѣ въ 1869 году, причемъ Вещиковъ признанъ здоровымъ.

Обвинитель, товарищъ прокурора Любовицкій, признавая Михаила Вещикова уличеннымъ въ преступленіи: обстоятельствами дѣла, медицинскимъ осмотромъ, свидѣтельскими показаніями и собственнымъ признаніемъ, и устраняя вопросъ о вмѣняемости, ибо, совершая преступленіе, Вещиковъ былъ совершенно здоровъ, энергически требовалъ, во имя общественныхъ интересовъ и важности преступленія, направленнаго противъ жизни, признанія Вещикова виновнымъ.

Защитникъ (*А. Д. Любавскій*) указалъ на то, что подсудимый дѣйствовалъ подъ вліяніемъ самыхъ сильныхъ страстей, которыя только волнуютъ человѣка, мести къ брату, соблазнителю его жены, и ревности къ женѣ. Благодаря Бога, смерти Алексѣя Вещикова не послѣдовало; онъ здравъ и невредимъ, а потому нынѣ позволительно съ спокойною совѣстью, не увлекаясь доводами прокурора о необходимости и неизбѣжности наказанія, обсудить безпристрастно вопросъ: можно ли поставить въ вину Михаилу Вещикову учиненный имъ поступокъ? Мотивомъ умопомраченія и преступленія Михаила Вещикова является *любовная связь* брата его Алексѣя съ женою его Анисьей. Прокурорская власть отрицаетъ этотъ фактъ, но вотъ улики: 1) изъ показаній Алексѣя Вещикова видно, что на первый день послѣ своей свадьбы Михаилъ сталъ къ нему привязываться, затѣмъ сталъ по ночамъ уходить отъ жены и требовалъ, чтобы братъ раздѣлился съ нимъ; 2) Анисья объяснила, что мужъ придирался къ ней съ перваго дня ея замужства, ревновалъ къ брату; 3) Андрей и Родіонъ Вещиковы изложили, что Михаилъ по ночамъ бѣгалъ отъ жены. Если же Алексѣй и Анисья Вещиковы не сознались въ любовной связи, то это

объясняется боязнью ихъ: огласки и подверженія ихъ церковному покаянію. По ст. 96 улож. о нак. «не вмѣняются въ вину преступленія и проступки, учиненные въ точно-доказанномъ *припадкѣ умопзступленія* или совершеннаго безпамятства». Именно въ такомъ припадкѣ находился подсудимый въ день 4-го августа 1868 г.; онъ поступалъ подъ вліяніемъ душевнаго взрыва, столь сильнаго, что самообладаніе его исчезло; онъ лишился возможности здраво обсудить свое положеніе и дѣйствовалъ въ силу побужденія, которому его помраченный ревностью и бѣшенствомъ умъ не могъ противостоять съ надлежащею силой. Нынѣ (то-есть въ 1870 г.) Вещиковъ совершено здоровъ, но преступленіе было совершено имъ въ 1868 г., а въ какомъ умопзступленіи находился Вещиковъ 4-го августа 1868 г. это показываютъ его слова: «Спаситель толкнулъ меня бить брата.»

Присяжные, на поставленный судомъ вопросъ о виновности Михаила Вещикова въ покушеніи на убійство брата, отвѣчали *отрицательно.*

Судъ призналъ Вещикова по суду *оправданнымъ.*

При выходѣ изъ суда между Михаиломъ Вещиковымъ и его братьями и родными послѣдовала сцена примиренія: они дружелюбно разговаривали между собой.

Дѣло о цирюльникѣ Иліодорѣ Бутусовѣ, убившемъ свою жену.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда отъ 12 сентября 1870 года. Предсѣдалъ: Товарищъ Предсѣдателя П. А. Васильевъ; члены—А. В. Мясново и Д. В. Лутковъ; обвинялъ Товарищъ Прокурора Д. К. Фонъ-Вендрихъ., защищали: А. Д. Любавскій и П. П. Зуровъ.)

Обвинительный актъ состоялъ въ слѣдующемъ*): «31 марта 1870 года, полиціи г. Тулы дано было знать, что жена цирюльника Бутусова, Марѳа Федорова, лежитъ въ квартирѣ своей, на Пятницкой улицѣ, мертвою. По прибытіи туда Полиціи, квартира Бутусова найдена растворенною, безъ хозяина, и во 2-й комнатѣ, на кровати, лежитъ его жена, безъ признаковъ жизни, вся въ крови и покрытая какой-то черной одеждой. Около же печки, на полу, найденъ окровавленный топоръ. Сдѣланнымъ на слѣдующій день осмотромъ трупа Бутусовой обнаружено, что на головѣ ея находятся 3 раны; по вскрытіи же оказалось, что лобная и затылочная кости расколоны, причемъ лѣвая половина первой представляетъ три осколка, изъ которыхъ одинъ вдавился въ полость черепа; сверхъ того лѣвая височная кость найдена разможенною на нѣсколько мелкихъ кусочковъ; подъ твердою мозговою оболочкою, въ разныхъ мѣстахъ, замѣчено кровоизліяніе. Поврежденія эти, по мнѣнію врача, составляютъ безусловную причину смерти Бутусовой. Въ убійствѣ Бутусовой сознался ея мужъ, бывшій дворовый человѣкъ, Иліодоръ Федоровъ Бутусовъ. Изъ даннаго имъ показанія видно, что онъ вызванъ былъ на это преступленіе развратнымъ поведеніемъ своей жены. Въ день смерти своей утромъ, Бутусова возвратилась домой, и когда мужъ спросилъ, гдѣ она ночевала, стала его бранить. Бутусовъ уговаривалъ ее перестать, бросить любовника, угрожая въ противномъ случаѣ убить ее; она не

*) Настоящее дѣло привлекло къ слушанію его многочисленную публику. Подсудимый, юноша 20 лѣтъ, съ голубыми глазами, черными волосами и чрезвычайно красивымъ, симпатичнымъ лицемъ; кротость, доброта и благородство—отличительныя черты его физіономіи; одѣтъ онъ въ арестантское платье. Все время держалъ себя скромно.

соглашалась; тогда онъ вытащилъ изъ-подъ кравати, на которой лежала жена его, топоръ и ударилъ ее обухомъ по головѣ, она вскрикнула, а онъ продолжалъ наносить ей удары. Бутусовъ говоритъ, что онъ въ то время былъ совершенно трезвъ, и вполнѣ сознавалъ, что дѣлалъ. —На основаніи вышеизложеннаго, бывшій дворовый человѣкъ Иліодоръ Федоровъ Бутусовъ, 20 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что убилъ жену, хотя въ раздраженіи, но не случайно и зная, что посягаетъ на ея жизнь; преступленіе это предусмотрѣно 1455 ст. Улож. о Наказ., вслѣдствіе чего, и на основаніи 200 и 201 ста. Уст. Угол. Судопр., онъ привлекается къ суду Тульскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.»

На судебномъ слѣдствіи подсудимый Иліодоръ Бутусовъ, отвѣчая на вопросы Предсѣдателя, объяснилъ: лежащія предомною вещи (вещественныя доказательства, забрызганныя кровію: подушку, тулупъ и черную одежду) я признаю за свои. Я сознаюсь въ убійствѣ жены. Когда я билъ ее обухомъ топора, я былъ безъ памяти. Сосваталъ мнѣ мою покойную жену, Марѳу Бутусову, мой хозяинъ Сафоновъ. Гласковъ, своякъ Марѳы, выдавая ее за меня, обѣщалъ дать мнѣ приданое за нею, но сего не исполнилъ. Послѣ женитьбы, я и жена, мы стали жить у Гласкова. Потомъ я открылъ свою цирюльню. Гласковъ ходилъ ко мнѣ шумѣть и буянить; однажды я даже Щербачеву жаловался на это; послѣ этого Гласковъ обѣщался болѣе не приходить ко мнѣ. Избѣгая Гласкова, я увезъ жену свою Марѳу въ Москву. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гласковъ пріѣхалъ въ Москву и обратно отвезъ Марѳу къ себѣ въ Тулу. Я самъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Тулу, отправляясь въ деревню. Въ это время жена моя была беременна. Она меня упросила опять начать съ нею жить. Мы открыли новое заведеніе, — цирюльню; я этого не желалъ, но жена моя настояла. Гласковъ, относительно меня, былъ человѣкъ-скверный. Онъ былъ въ любовной связи съ моей женою. Когда я и Марѳа жили у него, онъ, въ ночное время, думая, что я сплю, нерѣдко звалъ ее къ себѣ, говоря: «Марѳуша, Марѳуша, приходи ко мнѣ.» (Въ публикѣ движеніе.) Когда мы жили на Пятницкой улицѣ, жена моя уходила къ Гласкову по ночамъ. Я ей говорилъ: когда ты бросишь любовника? Въ день убійства она

наканунѣ не ночевала дома. Я ее началъ упрекать. Она мнѣ на это сказала: «глупъ ты, я тебя знать не хочу въ этомъ отношеніи; я буду жить съ собакой (коб-мъ), а не съ тобою. Я не помню, что со мной сдѣлалось при этихъ словахъ Марѳы, я не помню хорошо, какъ я ее убилъ.... Когда я на ней женился, Марѳа была беременна; она уже не была дѣвушка. Долго ли передъ свадьбой она была въ любовной связи съ Гласковымъ, я не знаю. До свадьбы я жилъ въ ученьи у Сафонова, я женился ученикомъ; послѣ этого я отошелъ отъ хозяина, а затѣмъ съ женой жилъ у Гласкова; затѣмъ я переѣхалъ въ свое заведеніе, замѣтивъ связь Марѳы съ Гласковымъ. У меня были 2 цирюльни: сначала на Воздвиженской, а потомъ на Пятницкой улицахъ. По пріѣздѣ изъ Москвы, я два мѣсяца жилъ у Гласкова. Моя жена, какъ только я уходилъ изъ комнаты, начинала цѣловаться съ Гласковымъ. Когда я жилъ у Гласкова, Марѳа была съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Женѣ моей было 22 года отъ роду. Я не помню, чѣмъ я убилъ свою жену. У Марѳы не было средствъ къ жизни; Сафоновъ мнѣ ее навязалъ, онъ былъ мой хозяинъ. До свадьбы я ее видѣлъ нѣ сколько разъ: она мнѣ нравилась. До брака я съ ней любовныхъ отношеній не имѣлъ.

Послѣ того было приступлено къ повѣркѣ доказательствъ. На судѣ показали:

Петръ Гласковъ, (отвѣчая на вопросы Предсѣдателя и Прокурора). Объ убійствѣ Марѳы я узналъ поздно. Наканунѣ Марѳа пришла ко мнѣ больная и легла на печку, она была не пивши, не ѣвши. Я утромъ спалъ и не видалъ, какъ она ушла. Во вторникъ ко мнѣ посылаютъ мальчика, говорятъ, — очень нужно. Вдругъ пріѣзжаетъ хожалый и спрашиваетъ меня: отчего квартира на Пятницкой улицѣ отперта? Нанималъ эту квартиру я для Бутусова. Хожалый говоритъ: гдѣ же паспорты Бутусовыхъ? Паспорты были у меня, я ихъ отдалъ. Я отправился на Пятницкую улицу и хотѣлъ войти въ квартиру, но мнѣ загородили дорогу; я однако вошелъ, вижу: лежитъ усопшая на постели. Пока я не увидѣлъ, я ничего не зналъ объ убійствѣ. Родство мое съ Марѳой состояло въ томъ, что я женатъ на ея сестрѣ. Я и Бутусовъ, мы изъ одного села; я женился еще до освобожденія крестьянъ, лѣтъ 16 тому назадъ. Когда

я женился, свояченица моя, Марѳа, жила у своего отца, въ селѣ Колшинѣ. Я проживалъ въ Москвѣ 12 лѣтъ, потомъ въ Тулѣ. Женился я въ Лихвинскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. Въ Тулѣ я поселился въ 1859 году. Когда я жилъ въ деревнѣ свояченица моя, Марѳа, была отъ насъ въ 7 верстахъ. У меня есть земли въ Одоевскомъ уѣздѣ, тамъ живутъ мои: отецъ, жена и дѣти. Въ Тулѣ жена моя не проживала: она уже 6 лѣтъ живетъ въ деревнѣ. Года два тому назадъ, свояченица моя, Марѳа, поселилась у меня, въ Тулѣ; я устроилъ для нея особое парикмахерское заведеніе, въ домѣ Щербачева; тамъ занимался съ ней мальчикъ. Бутусовъ со мной знакомъ съ малолѣтства; онъ хаживалъ ко мнѣ въ заведеніе не часто, но и не рѣдко. Бутусовъ женился на Марѳѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Пришелъ ко мнѣ Сафоновъ и говоритъ: отдай Марѳу за Иліодора. Я отвѣчалъ, что согласенъ, если они другъ другу понравятся. Я пошелъ къ Бутусову и вызвалъ его въ трактиръ, заказалъ я двѣ пары чаю. Я его спрашиваю: знаешь, зачѣмъ я тебя призвалъ? Онъ говоритъ: знаю. Я ему говорю: дѣло идетъ о Марѳушѣ: желаешь взять ее за себя? Онъ отвѣчалъ желаю и хочу составить свое счастіе. Я ему объяснилъ, что взялъ Марѳу на свои хлопоты, она была мнѣ поручена съ малолѣтства, какъ моя родственница. Сватовство со стороны Бутусова было добровольное. Мы помолились Богу (въ публикѣ движеніе) и дали слово на вступленіе въ бракъ. Я на свой счетъ сдѣлалъ для Марѳы приданое. Бутусовъ въ это время былъ еще ученикъ. Бутусовъ и Марѳа ѣздили вѣнчаться въ село Колшино, въ Лихвинскій уѣздъ, тамъ и вѣнчались; туда ѣздилъ Сафоновъ. Послѣ женитьбы на Марѳѣ, Бутусовъ отошелъ отъ своего хозяина, Сафонова; его освободили ранѣе срока его ученія. Я отнесъ хлѣбъ-соль молодымъ и сказалъ имъ: дай вамъ Богъ въ добрый часъ. Когда Марѳа выходила за мужъ, она была дѣвушка. Я устроилъ Бутусову парикмахерское заведеніе и заключилъ съ нимъ домашнее условіе, что буду назидать его, какъ управлять заведеніемъ; Бутусовъ обязался: вещей не продавать и не заложить. Дѣла у Бутусова никогда не шли въ порядкѣ. Сначала Бутусовъ былъ со мною хорошъ, потомъ убѣгалъ отъ меня. Бутусовъ по многу пьетъ. У насъ съ нимъ были капризы, но до ссоры и драки не

доходило; въ наши ссоры посторонніе не вмѣшивались, и я крика въ заведеніи Бутусова не дѣлалъ. Дѣло было вотъ какъ: я услышалъ, что Бутусовъ продаетъ заведеніе, устроенное на мои деньги, и просилъ Полиціймейстера и Мироваго Судью остановить продажу, ибо въ заведеніи были мои вещи. Полиціймейстеръ велѣлъ дежурному надзирателю обязать Бутусова объ этомъ подпискою. Мы отыскали Бутусова, который переѣхалъ въ номеръ Куликова, который купилъ у Бутусова заведеніе, и за свои вещи я получилъ деньги изъ покупной цѣны. Послѣ этого Бутусову не съ чѣмъ было выѣхать изъ Тулы. Пріѣхалъ братъ Бутусова изъ Москвы; у него Бутусовъ взялъ въ займы 10 руб., но и этого не достало. Онъ опять сталъ просить у меня денегъ, и я далъ Бутусовымъ въ займы 5 руб. сер. Но имъ все таки не съ чѣмъ было ѣхать въ Москву; они остались у меня еще недѣли двѣ или болѣе. Я открылъ послѣ этого новое заведеніе, на мое имя, для Бутусовыхъ, на Кіевской улицѣ. Они пробыли тутъ одинъ мѣсяцъ и уѣхали въ Москву. Въ Москвѣ были они мѣсяцевъ 10. Свояченица моя, Марѳа, изъ Москвы въ Тулу пріѣхала со мной. Я ѣздилъ за ней: она мнѣ передъ этимъ написала письмо, что она беременна и что мужъ не даетъ ничего на ея содержаніе. Я взялъ Марѳу въ Тулу, и она родила у меня; Сафоновъ крестилъ младенца. Послѣ этого Марѳа мнѣ сказала: какъ ты хочешь, такъ мною и распоряжайся. Я открылъ ей подъ «Царскимъ Селомъ», въ Тулѣ, цирюльню. Когда Бутусовъ пріѣхалъ изъ Москвы, я отвезъ Марѳу къ тестю. Въ это время у Бутусова не было ни денегъ, ни лишней рубашки, ни сюртука, ни жилета. Послѣ того Бутусовъ поселился въ одномъ домѣ съ своею женою. Прихожу я къ нимъ, Бутусовъ говоритъ: здравствуй! мы только что хотѣли къ тебѣ идти.—Марѳа мнѣ сказала: сдѣлай милость, помоги намъ въ нашихъ дѣлахъ.—Я согласился и открылъ имъ заведеніе на Пятницкой улицѣ. Когда я бралъ паспортъ Бутусову, съ послѣдняго потребовали подушныя, я ихъ заплатилъ; я далъ матери Бутусова, на содержаніе, 1 руб. сер. Но еще два мѣсяца Бутусовы жили у меня, въ Тулѣ. Я заплатилъ деньги за заведеніе на Пятницкой; я на это разсорился и самъ теперь служу. (Отвѣчая на вопросы г. Любавскаго). Марѳуша приходила иногда ночевать ко мнѣ изъ своего заведенія, на Пятницкой улицѣ; она приходила по болѣзни·

Въ квартирѣ ея мужа было такъ холодно, что она простужалась; здоровье ея было нехорошо. (Въ публикѣ смѣхъ). Марѳуша дѣйствительно спала въ моей комнатѣ, а въ другой комнатѣ (цирюльнѣ) спалъ мой подмастерье. (Въ публикѣ смѣхъ). Мнѣ не приходило въ голову, что странно, что Марѳуша приходитъ ко мнѣ, я и не думалъ, что ея приходы ко мнѣ могутъ раздражать ея мужа.

Защитникъ (А. Д. Любавскій). «Свидѣтель! я васъ долженъ предупредить, что если вы сознаетесь, что состояли въ любовной связи съ Марѳою Бутусовою, вашею свояченицею, то вы подлежите уголовному суду за это, ибо это — кровосмѣшеніе. Теперь отвѣчайте на мой вопросъ: не находились ли вы въ любовной связи съ Марѳою Бутусовою?

Гласковъ. «Нѣтъ! въ любовной связи съ Марѳушей не состоялъ». (Въ публикѣ тихій, но продолжительный смѣхъ). (Продолжая свои отвѣты: на вопросы перваго защитника). У Бутусова въ квартирѣ были холодъ и течь, и Марѳа приходила ко мнѣ ночевать; я и не думалъ, что даю поводъ какимъ бы то ни было слухамъ. Наканунѣ убійства, Марѳа ночевала у меня (ощущеніе въ публикѣ); она пришла больная, легла на печку и ушла утромъ, когда я спалъ. Жена моя нѣсколько лѣтъ уже, какъ проживаетъ въ деревнѣ. Мнѣ не казалось странно, что я оставляю жену свою въ деревнѣ, а взялъ къ себѣ въ домъ Марѳушу, ибо послѣдняя мнѣ — родственница. Женѣ моей 37 лѣтъ, а Марѳушѣ годовъ 22. Я дѣйствительно говорилъ слѣдователю, что люблю Марѳушу, но я любилъ ее по родственному. Марѳа Бутусова собой не была хороша: ходила все нахмуренная. Она была брюнетка, съ черными глазами и волосами, но собой, по моему мнѣнію, нехороша. (Отвѣчая на вопросы г. Зурова). Когда родила Марѳа, — я не помню, но кажется, что родила въ день Сергія Преподобнаго; она вышла замужъ передъ Воздвиженьемъ; у нея во все время былъ только одинъ ребенокъ. Онъ былъ мужескаго пола, его крестили здѣсь въ Тулѣ; онъ умеръ.

Въ 5 часовъ по полудни засѣданіе было пріостановлено до половины седьмаго часа.

По возобновленіи засѣданія: свидѣтельница Елизавета Сафонова показала: Иліодоръ Бутусовъ жилъ у меня 4½ года уже

подмастерьемъ. Онъ перевѣнчался, отошелъ отъ меня и Гласковъ открылъ ему заведеніе. Потомъ Бутусовъ уѣхалъ въ Москву. Сколькихъ лѣтъ отъ роду поступилъ ко мнѣ Бутусовъ— я не помню, но кажется, лѣтъ 12-ти. Поведенія Бутусовъ былъ хорошаго. О сватовствѣ Бутусова я ничего не знала: объ этомъ со мной секретничали, отъ меня скрывали свадьбу Иліодора, и послѣдняго тайно отъ меня повезли въ деревню жениться. Марѳа была скромная, тихая. Знай я заблаговременно о предполагаемой женитьбѣ Бутусова, я бы этого не позволила. Носились темные слухи о томъ, что Марѳа находится въ любовной связи съ Гласковымъ, но этого я доказать не могу. Бутусовъ былъ характера скромнаго, тихаго, не пилъ, не моталъ, былъ честный. Въ четыре года я только разъ видѣла его пьянаго, и то передъ его свадьбою.

Свидѣтель Колотилинъ. Бутусовъ жилъ у насъ. Гласковъ хаживалъ къ нему, какъ родственникъ; Бутусовъ обижался на это, онъ нѣсколько разъ говорилъ Гласкову: не ходи къ намъ. Бутусовъ прожилъ въ моемъ домѣ мѣсяцъ, а затѣмъ отправился въ Москву. Между Бутусовымъ и Гласковымъ бывали ссоры; оба они бывали выпивши. Сама Бутусова была женщина тихая. Бутусовъ ревновалъ ее къ Гласкову. Разъ я слышалъ черезъ перегородку слѣдующее: Марѳа говорила Гласкову: мужъ мой велѣлъ мнѣ тебѣ сказать, чтобы ты къ намъ болѣе не приходилъ. Тогда Гласковъ схватилъ бритвы, ножницы, зеркало и сталъ кричать, что всѣ эти вещи его, что онъ ихъ возьметъ обратно къ себѣ, если Бутусовъ не будетъ его пускать. Это все мое, говорилъ Гласковъ, я тратилъ на васъ мои деньги. Вскорѣ послѣ этого Бутусовы уѣхали въ Москву.

Цирюльникъ Волковъ. Бутусова я знаю давно: онъ хорошій парень, не мотъ, не пьяница, кротокъ, хорошій товарищъ. Дурнаго про него я ничего не знаю. (Свидѣтель произноситъ слова съ удареніемъ на гласныя). Про Гласкова ничего дурнаго сказать не хочу. (Волкова отводятъ на скамью свидѣтелей).

Сизовъ, содержатель цирюльни. Сосваталъ Бутусова Гласковъ. Поѣхали они въ деревню перевѣнчаться. Въ Тулѣ Бутусовъ жилъ со мною у Сафонова: онъ былъ хорошій человѣкъ: не кутилъ, не велъ непотребной жизни, художествами не занимался.

Гласковъ такъ его сосваталъ: напоилъ Сафонова (хозяина Бутусова) и Бутусова и уговорилъ послѣдняго жениться на Марѳѣ Федоровой. Только Сафоновъ зналъ про эту свадьбу; жена его не знала. Бутусовъ обижался, когда приходилъ къ нему Гласковъ; они между собою ссорились. Гласковъ часто приходилъ къ Бутусовымъ пьянымъ. До меня доходили слухи, что будто бы Гласковъ живетъ съ Марѳой.—Моего работника еще до этого сватали; его Гласковъ хотѣлъ женить на Марѳѣ. Мой работникъ спросилъ у меня совѣта: жениться ли ему на Марѳѣ? Я ему отвѣчалъ: ты подобныхъ невѣстъ много найдешь. Я зналъ, что Гласковъ—человѣкъ горячій, нехорошій, тяжелый. Фамилія этого работника — Бочарниковъ. Гласковъ цѣлую недѣлю его поилъ, но я разстроилъ свадьбу; тогда Гласковъ началъ подпаивать Бутусова и это окончилось свадьбой; Сафонова не знала о свадьбѣ Бутусова. По городу ходили слухи о связи Марѳы съ Гласковымъ; доказать я не могу.

Васильевъ, цирюльникъ. Бутусовъ—хорошій человѣкъ; поведенія всегда былъ порядочнаго. Свадьбу устроилъ Гласковъ.

Щербачевъ. Бутусовъ былъ всегда хорошаго поведенія. Когда Гласковъ былъ недоволенъ Бутусовымъ, то отбиралъ у него вещи изъ заведенія, а потомъ опять возвращалъ. У Гласкова жила свояченица.

Свидѣтель Куликовъ. Бутусовъ увезъ отъ Гласкова свою жену въ Москву. Гласковъ ѣздилъ за нею въ Москву и привезъ ее обратно въ Тулу.

По требованію Прокурора, прочитанъ былъ актъ осмотра трупа Бутусовой. Актъ этотъ (въ главныхъ основаніяхъ) прописанъ въ обвинительномъ актѣ.

Затѣмъ прочитанъ, по указанію Предсѣдателя, актъ осмотра квартиры Бутусовыхъ, на Пятницкой улицѣ, въ домѣ Евдокимова. Вотъ содержаніе этого акта: Судебный Слѣдователь, А. А. Мензбиръ, прибылъ въ цирюльню Бутусова 31 марта, въ шестомъ часу по полудни. Цирюльное заведеніе состоитъ изъ двухъ комнатъ, входъ въ него съ улицы черезъ дверь. Первая комната, при входѣ въ цирюльню съ улицы, служитъ заломъ; въ ней стоятъ диванъ, стулья, кресла, на стѣнѣ виситъ большое зеркало, передъ нимъ стоитъ столъ, на которомъ лежатъ бритвы, ножницы и другія принадлежности цирюльнаго мастерства.

Рядомъ съ заломъ—другая комната, въ которой жилъ Бутусовъ съ женою своею. Въ задней комнатѣ устроена русская печь; между печью и противоположною ей стѣною устроены нары, на которыхъ лежитъ матрасъ, и которыя служатъ Бутусовымъ кроватью. Напротивъ наръ, у противоположной стѣны, стоитъ небольшой столъ; на нарахъ лежитъ мертвая жена Бутусова, Марѳа Федорова. Все ея тѣло, а также и лицо покрыты какой-то женской одеждой чернаго цвѣта. По поднятіи этой одежды оказалось, что все лицо ея, а также и голова покрыты кровью; подушка также въ крови. Возлѣ печки, на полу, лежитъ топоръ съ деревянною ручкою, обухъ самаго топора и часть ручки, прилегающей къ тому обуху, покрыты запекшейся кровью. Самое лезвее топора, съ одной строены, покрыто брызгами запекшейся крови.»

По окончаніи судебнаго слѣдствія Товарищъ Прокурора (Д. К. Фонъ-Вендрихъ) произнесъ слѣдующее: «Гг. присяжные засѣдатели! Если кто либо изъ васъ былъ очевидцемъ производившагося въ семъ судѣ процесса по обвиненію крестьянки Соколовой *) въ убійствѣ мужа, тотъ вѣроятно не забылъ, что послѣ оправданія подсудимой, въ сей же день, разнесся по городу и по суду слухъ о новомъ убійствѣ, совершенномъ въ центрѣ г. Тулы, надъ женщиною! слухъ скоро подтвердился: оказалось, что это—не слухъ, а дѣйствительность. Судебный Слѣдователь, прибывъ, 31 марта 1870 года, на Пятницкую улицу, въ домъ Евдокимовыхъ, увидѣлъ въ цирюльнѣ Бутусова женщину въ крови; слѣды этой крови предъ вами, гг. присяжные засѣдатели: вамъ стоитъ только посмотрѣть вещественныя доказательства. Мѣстомъ совершенія преступленія послужила пустая, необитаемая цирюльня. Первое время не знали, кто—убійца. Но вскорѣ розысканъ былъ мужъ убитой, Иліодоръ Бутусовъ, который тотчасъ же чистосердечно сознался, что онъ—убійца. «Жена моя измѣнила мнѣ, объяснилъ онъ: я умышленно, въ минуту раздраженія, умертвилъ ее за то, что она не хотѣла бросить любовника: я схватилъ топоръ и обу-

*) 31 марта 1870 года судилась Матрена Трофимова Вашонцова, по обвиненію въ убійствѣ мужа. Произнесенъ былъ оправдательный приговоръ.

хомъ его нанесъ ударъ. Подтверждая все это Судебному Слѣдователю, Бутусовъ прибавилъ, что сознательно совершилъ преступленіе; что ударивъ однажды обухомъ топора свою жену, онъ продолжалъ наносить ей удары, чтобы заглушить ея крики. Это показаніе Бутусовъ здѣсь, на судѣ предъ вами, гг. присяжные засѣдатели, значительно измѣнилъ. Не отрекаясь отъ убійства жены и отъ мотива преступленія, онъ присовокупилъ, что, убивая жену, находился безъ памяти. Каждому изъ васъ понятно, мм. гг., что нужно болѣе давать вѣроятія первому показанію Бутусова, ибо онъ могъ придумать позднѣйшее объясненіе—какъ средство оправдать себя и избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Первое сознаніе его, какъ вполнѣ искреннее, ничѣмъ невынужденное, не можетъ быть заподозрѣно. И такъ умышленное убійство вполнѣ, несомнѣнно доказано.

Но задача моя, мм. гг. еще не вполнѣ окончена. Я считаю необходимымъ разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ, разъяснить преступленіе—убійство Бутусовымъ жены; я постараюсь сгруппировать показанія свидѣтелей и изложить передъ вами ихъ сущность. Въ этомъ дѣлѣ та особенность, что никто изъ свидѣтелей не былъ очевидцемъ преступленія, поэтому свидѣтельскія показанія могутъ послужить только къ разъясненію личности-преступника и его покойной жены: ни одинъ изъ свидѣтелей не показалъ, чтобы Марѳа Бутусова была дурнаго поведенія (?), никто не сказалъ о ней дурнаго слова. Но я пойду далѣе: я допущу предположеніе, что Марѳа Бутусова находилась въ любовной связи съ Гласковымъ. Слыша отъ меня подобное объясненіе, вы не заподозрите меня, мм. гг. въ томъ, что я усиливаю подозрѣніе противъ Бутусова. Даже допустивъ, что Гласковъ былъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ Марѳою, мы не можемъ найти вполнѣ достаточнаго и сильнаго основанія къ тому, чтобы Бутусовъ совершилъ убійство жены. Прослѣдимъ жизнь Иліодора Бутусова шагъ за шагомъ: на судѣ онъ объяснилъ, что его невѣста вышла за него замужъ беременною, что носились слухи о ея связи съ Гласковымъ; это не помѣшало однако Бутусову вступить въ бракъ. Подсудимый продолжаетъ, что онъ былъ вовлеченъ въ бракъ кознями Гласкова, который будто бы поплъ его, который какъ бы

насильно отвезъ его въ деревню и тамъ женилъ! Вамъ извѣстно, что ремесленный народъ, мм. гг. въ 18 лѣтъ бываетъ вполнѣ развитъ и вырабатываетъ въ себѣ самостоятельный характеръ; онъ трудно поддается чужому вліянію. Свободная воля Бутусова ничѣмъ не была подавлена. Жилъ онъ у Сафонова въ ученикахъ, его освободили ранѣе срока отъ званія ученика; Бутусовъ вступилъ въ бракъ, по сватовству Сафонова. Бракъ былъ совершенъ не внезапно, а послѣ продолжительныхъ переговоровъ. Свидѣтели приводятъ, будто до брака Бутусова носились странные слухи о томъ, что Марѳа Федорова находится въ любовныхъ отношеніяхъ съ Гласковымъ. Эти слухи не остановили Бутусова, и онъ, не смотря на это, рѣшился жениться; онъ говорилъ, что нашелъ въ своей женѣ не дѣвушку, а женщину. Что онъ долженъ былъ сдѣлать, убѣдившись что прикрываетъ чужой грѣхъ? Онъ долженъ былъ устранить жену отъ вліянія Гласкова; что же дѣлаетъ Бутусовъ?—совершенно противное сему: онъ живетъ у Гласкова, который, по его словамъ, лишилъ его чести, онъ принимаетъ въ даръ отъ Гласкова цирюльню, онъ позволяетъ Гласкову постоянно посѣщать свою жену. Гласковъ изъ Москвы привозитъ въ Тулу Мароу Бутусову, но мужъ послѣдней медлитъ слѣдовать за нею и только для паспорта ѣдетъ въ деревню. Подсудимый снова получаетъ цирюльню отъ Гласкова; онъ не протестуетъ противъ полученія подарка отъ человѣка, который отнялъ у него честь. Бутусовъ и Гласковъ ссорятся и опять мирятся. Гласковъ уплачиваетъ долги Бутусова. Подсудимый говоритъ, что когда онъ съ женою жилъ у Гласкова, то онъ слышалъ, какъ послѣдній по ночамъ призывалъ къ себѣ его жену, крича ей, «Марѳуша, Марѳуша, приходи ко мнѣ.» Неужели онъ могъ видѣть и хладнокровно переносить, что жена его и Гласковъ, въ его присутствіи, попираютъ его права? Онъ терпѣлъ любовную связь Гласкова съ женою, ибо извлекалъ изъ Гласкова денежныя выгоды. Наконецъ Бутусовъ теряетъ терпѣніе и въ своей цирюльнѣ, на Пятницкой улицѣ, убиваетъ жену.

Гг. Присяжные! вы видите, что ни дурнаго, ни хорошаго нельзя сказать о Бутусовѣ. Онъ женился, не смотря на слухи о дурномъ поведеніи Марѳы Федоровой, онъ бралъ деньги у

Гласкова; онъ долгое время, по его словамъ, хладнокровно смотрѣлъ на измѣну жены. Неужели вы признаете, что порывъ ревности можетъ извинить убійство? Если вы оправдаете Бутусова, вы дадите просторъ страшному произволу. Бракъ представляетъ несчастіе для многихъ; если всѣ несчастные въ бракѣ супруги, путемъ убійства, освободятъ себя отъ другаго супруга, въ какое положеніе поставите вы общество? Вы, можетъ быть, чувствуете симпатію къ подсудимому, я и самъ до нѣкоторой степени ее раздѣляю. Человѣкъ, который обладаетъ характеромъ страстнымъ, можетъ не ручаться за себя, но вѣдь убійство есть преступленіе ужасное, угасшую жизнь убитаго нельзя возстановить! Если вы можете оправдать убійцу, то нужно, чтобы послѣдній имѣлъ самыя серьезныя и уважительныя причины къ сему дѣянію, чтобы онъ находился въ самомъ безъисходномъ, безвыходномъ положеніи, такъ что не было другаго средства поступить. Такихъ обстоятельствъ нѣтъ по настоящему дѣлу.

Я обвиняю Бутусова въ томъ, что онъ убилъ жену умышленно, но въ раздраженіи, и увѣренъ, что вы постановите обвинительный приговоръ!

Защитникъ подсудимаго (А. Д. Любавскій) произнесъ слѣдующее: «Мм. Г.г.! Г. Прокуроръ въ своей рѣчи высказалъ что если вы оправдаете Бутусова, вы должны признать, что подсудимый имѣлъ самыя серьезныя, самыя уважительныя причины къ убійству жены, что онъ находился въ самомъ безъисходномъ, безвыходномъ положеніи, такъ что онъ не могъ поступить иначе! Глубоко убѣжденный, что именно въ такомъ положеніи находился Бутусовъ 31 марта 1870 года, я постараюсь доказать вамъ это чрезъ подробное разсмотрѣніе сего дѣла

Признаніе или непризнаніе подсудимаго виновнымъ зависитъ отъ обсужденія того, есть-ли Бутусовъ—человѣкъ развращенный, злой, порочный, который неуклонно, систематически стремился къ преступленію, или же—человѣкъ несчастный, заслуживающій нашего состраданія, имѣвшій порочную жену—нравственнаго урода, исправленіе которой было невозможно и которая погубила его своимъ развратомъ и цинизмомъ.

Я разсмотрю сначала внѣшнюю, а затѣмъ внутреннюю сторону этого дѣла.

Внѣшняя сторона этого дѣла состоитъ въ томъ, что, 31 марта 1870 года, Полиція была извѣщена объ убійствѣ женщины въ г. Тулѣ, на Пятницкой улицѣ, въ домѣ Евдокимова. Осмотръ квартиры обнаружилъ, что на постели лежитъ мертвая женщина, Марѳа Бутусова. Мужъ убитой, Піодоръ Бутусовъ, тотчасъ же сознался въ совершеніи преступленія, присовокупивъ, что онъ сдѣлалъ это вслѣдствіе развратнаго поведенія своей жены,—уходившей ночевать къ своему любовнику, Гласкову, отказавшейся прекратить эту связь. Я не отвергаю ничего изъ этихъ обстоятельствъ, я постараюсь только разъяснить ихъ смыслъ, ихъ значеніе.

Разрѣшеніе возбужденнаго мною вопроса о личности подсудимаго и о мотивахъ преступленія составитъ внутреннюю сторону этого дѣла.

Бутусовъ есть то, что въ судебной практикѣ принято называть «убійца по любви«, въ родѣ Луи Ульбаха, Сюро и др. Чувство обманутой любви и ревности къ женѣ—прелюбодѣйкѣ сдѣлали изъ Бутусова(человѣка доселѣ честнаго и безукоризненнаго) убійцу. Любовь, т. е. основанное на внутренной симпатіи половое влеченіе другъ къ другу лицъ разнаго пола, во всѣ времена была одною изъ самыхъ сильныхъ, могущественныхъ страстей, управлявшихъ людьми. Проявленіе этого чувства иногда производило: или замѣчательные подвиги геройзма, самопожертвованія (напр. въ средніе вѣка), или же злодѣянія, преступленія.—Судебная практика всѣхъ странъ убѣждаетъ насъ, что чувство обманутой любви, ревности и мести производили ужасные порывы или взрывы души. На молодаго, неопытнаго мущину, находящагося въ періодѣ страстей, невозможно отрицать вліянія женщины; не подлежитъ сомнѣнію, что женщина развратная,безъ чести и безъ правилъ, покрывающая позоромъ своего мужа, руководимая физическими, животными инстинктами, забывающая свои обязанности, можетъ погубить мущину. Если вообще понятно чувство ревности мущины къ женщинѣ, съ которой онъ находится въ любовной связи, то на сколько же то чувство ревности сильнѣе, основательнѣе, глубже проникаетъ душу, когда предметомъ ревности есть законная жена мущины, которая предъ алтаремъ клялась ему въ вѣрности и которая нагло оскорбляетъ въ своемъ мужѣ чувства

природныя и чувства условныя, покрываетъ его позоромъ навсю жизнь, ибо бракъ есть учрежденіе нерасторгаемое?

Я считаю необходимымъ, М. м. Г. г., на основаніи актовъ предварительнаго слѣдствія и слышанныхъ вами свидѣтельскихъ показаній, раскрыть предъ вами жизнь подсудимаго, разъяснить его личность.

Жизнь Бутусова можетъ быть раздѣлена на двѣ половины: 1) счастливую, честную, безупречную—до вступленія его въ бракъ съ Маѳою Федоровою, и 2) жизнь позорную, несчастную, страдальческую—послѣ вступленія съ нею въ бракъ.

Піодоръ Бутусовъ родился въ с. Колшинѣ въ 1850 г. Родители его были крестьяне. Дѣтство свое провелъ онъ счастливо: до 12 лѣтъ отъ роду прожилъ въ деревнѣ, а потомъ отданъ былъ въ ученики къ парикмахеру, Сафонову (въ г. Тулѣ). У Сафонова онъ жилъ нѣсколько лѣтъ и, какъ вы слышали отъ свидѣтелей, былъ поведенія честнаго, безукоризненнаго, образцоваго. Только одинъ разъ, въ послѣдніе 4 года, жена Сафонова видѣла его пьянымъ. Этотъ фактъ показываетъ, что Бутусовъ былъ юноша высокой нравственности. По его показанію и по объясненію его товарищей, Бутусовъ никогда не велъ непотребной жизни, не зналъ женщинъ, онъ «не зналъ грѣха.»

Но видно судьба отмѣтила Бутусова своимъ перстомъ: его ожидали, помимо его вины, несчастіе, позоръ. Сафоновъ, хозяинъ Бутусова, предложилъ ему жениться на молодой, хорошенькой женщинѣ, Маріѣ Федоровой. Судебное слѣдствіе уже разъяснило предъ вами, М. м. Г. г., при какихъ обстоятельствахъ совершилось это сватовство. Гласковъ (покровитель и любовникъ Маріи Федоровой) старался выдать ее замужъ за молодаго» неопытнаго, бѣднаго человѣка. Спачала Гласковъ угощалъ виномъ Бочарникова (рабочаго Спзова),спаивалъ его, чтобы уговорить его на бракъ. Но Бочарниковъ имѣлъ честнаго, благоразумнаго хозяина. Спзовъ прямо отговорилъ Бочарникова отъ брака, сообщивъ ему, что Марія Федорова находится въ любовной, кровосмѣсительной связи съ Гласковымъ. Тогда настала очередь Бутусова. Послѣдняго и его хозяина, Сафонова, Гласковъ сталъ подпаивать виномъ. Бутусовъ былъ молодъ (18 лѣтъ), Марія Федорова ему приглянулась; хозяинъ уговаривалъ его жениться,—судьба его свершалась! Отъ хозяйки Бутусова

скрыли его женитьбу. Жениться Бутусова увезли въ деревню и бракъ совершился. Честный, безукоризненный, неопытный юноша, еще незнавшій жизни, былъ обвѣнчанъ съ женщиною старше его тремя годами, нѣсколько лѣтъ пребывавшей въ любовной, кровосмѣсительной связи съ своимъ своякомъ, Гласковымъ, и подчиненной его вліянію. Физически Марѳа Бутусова была собою хорошенькая: брюнетка, съ черными глазами и волосами, небольшаго роста, полная. Нравъ ея былъ смѣсь странностей и объясняется позоромъ ея предшествовавшей жизни: она обладала характеромъ тихимъ, скромнымъ, незлымъ, но взглядъ имѣла суровый, была съ мужемъ безчувственна; на упреки его никогда не отвѣчала, все отмалчивалась; нарядовъ не любила. «Молчитъ, обыкновенно, свирѣпая, гордая, злая,» сказалъ о ней подсудимый. По моему убѣжденію, Марѳа Бутусова не была безусловно злою женщиною, но развратъ и позоръ ея предшествовавшей жизни, ея кровосмѣсительная связь съ Гласковымъ—наложили на нее свой отпечатокъ, сдѣлали ее угрюмою, сосредоточенною, заставляли ее, чувствуя свою развращенность и позоръ, показывать злобу, презрѣніе къ мужу. Мужъ Марѳы былъ нищій, моложе ее, почти ребенокъ, и не могъ пріобрѣсть на нее того вліянія, какое имѣлъ на нее Гласковъ (мущина 43 лѣтъ).

До свадьбы Бутусовъ не зналъ, что Марѳа состоитъ любовницею Гласкова, эти слухи до него не доходили. На другой день послѣ женитьбы, Бутусовъ убѣдился, что жена его—не дѣвушка, а женщина. Между ними возникли упреки, ссоры....

Бутусовъ началъ чувствовать къ женѣ своей то чувство, которое его погубило: физическую страсть, физическое влеченіе (основанное на желаніи удовлетворить животные инстинкты) и нравственное отвращеніе, ненависть, возникавшія въ немъ, когда онъ припоминалъ себѣ предшествовавшую жизнь жены своей, ея кровосмѣсительную, позорную связь съ Гласковымъ. Борьба этихъ-то двухъ чувствъ и произвела драму, окончившуюся событіемъ 31 марта 1870 г., на Пятницкой улицѣ. Физическіе инстинкты первое время преобладали въ Бутусовѣ; до свадьбы своей онъ не находился въ любовной связи съ женщинами, натуры онъ былъ пылкой, ему было 18 лѣтъ, жена его была молодая, полная, хорошенькая женщина. 4 мѣсяца Бутусовы

жили такъ себѣ, но тутъ подсудимаго ожидало новое несчастіе. Бутусовъ замѣтилъ, что и послѣ вступленія съ нимъ въ бракъ, Марѳа Бутусова не перестаетъ оставаться любовницею Гласкова. Мать Бутусова, жившая у него, сообщила ему, что какъ только онъ уйдетъ изъ дома, Гласковъ приходитъ къ Марѳѣ и продолжаетъ быть съ нею въ преступныхъ отношеніяхъ; въ это время Бутусовъ имѣлъ свое цирюльное заведеніе. Еще до этого Иліодоръ Бутусовъ замѣчалъ, что когда онъ послѣ свадьбы жилъ съ женою у Гласкова, послѣдній не переставалъ быть любовникомъ Бутусовой. Бывало, супруги Бутусовы спятъ вмѣстѣ и Иліодоръ еще не успѣетъ заснуть, а Гласковъ входитъ ночью въ ихъ комнату и начинаетъ звать Бутусову, говоря: Марѳуша, Марѳуша! приходи ко мнѣ.

Показанія свидѣтелей на судѣ разъяснили вамъ, Мм. Гг. отношенія Бутусова къ Гласкову. Отношенія эти для перваго были ужасны: вслѣдствіе своей женитьбы на Марѳѣ, Бутусовъ очутился, какъ «муха въ паутинѣ», онъ старался избавиться отъ окружающей его обстановки, созданной Гласковымъ, но не могъ этого сдѣлать. Гласковъ, любовникъ Бутусовой, питавшій къ ней страсть и согласившійся выдать ее замужъ, тѣмъ не менѣе искалъ для нея такого мужа, который бы не имѣлъ обезпеченныхъ средствъ къ жизни, и который поэтому, и послѣ брака, нуждался бы въ денежной помощи его, Гласкова. Разсчетъ этотъ весьма понятенъ: всякій, выдающій замужъ свою любовницу, руководствуется этими соображеніями. Если мы прослѣдимъ показанія Гласкова, то изъ нихъ обнаруживается буквально то, что я сказалъ: Иліодора Бутусова, послѣ его женитьбы, уговорили отойти отъ г. Сафоновой, отъ которой скрывали его свадьбу; супруги сначала жили у Гласкова, а потомъ послѣдній устроилъ имъ парикмахерское заведеніе. Когда Бутусовъ захотѣлъ продать заведеніе, Гласковъ, черезъ Полиціймейстера, остановилъ продажу и отобралъ у него вещи; онъ имѣлъ отъ Бутусова домашнее денежное обязательство и вексель, на 75 руб. сер. Это значило: живи на мой счетъ, но живи въ Тулѣ. У Гласкова находились паспорты Иліодора и марѳы Бутусовой и паспорты эти хожалый отобралъ послѣ 31 Марта отъ Гласкова и пріобщилъ къ дѣлу. И такъ я былъ совершенно вправѣ сказать: Иліодоръ Бутусовъ, послѣ своей

свадьбы, очутился «какъ муха въ паутинѣ». Онъ женился на развратной женщинѣ, продолжавшей, и послѣ свадьбы, свою кровосмѣсительную связь и привыкшей повиноваться всѣмъ желаніямъ Гласкова, считать себя какъ бы вещью, ему принадлежащею. Съ другой стороны, Бутусовъ былъ въ крайней нищетѣ: ему съ женою нечего было ѣсть; они должны были жить у Гласкова, а потомъ, съ его денежною помощію, открыть цирюльное заведеніе.

Будь Иліодоръ Бутусовъ человѣкъ, который могъ бы терпѣливо переносить свой позоръ, смотрѣть спокойно на кровосмѣшеніе его жены съ Гласковымъ, онъ бы привыкъ къ своему положенію. Но Бутусовъ не былъ такая личность. Съ самой его свадьбы, онъ напрягалъ всѣ усилія къ тому, чтобы изъять Марѳу отъ вліянія Гласкова, прекратить ихъ любовныя отношенія, освободиться, въ денежной зависимости, отъ Гласкова. Эти усилія и развязались кровавымъ происшествіемъ 31 марта 1870 года.....

Прежде всего Бутусовъ настоялъ на томъ, чтобы онъ и жена переѣхали отъ Гласкова. Бутусовы открыли свое цирюльное заведеніе, но Гласковъ не переставалъ приходить къ Бутусовымъ. Новый свѣтъ на отношенія соперниковъ по любви: Гласкова и Бутусова проливаетъ показаніе на судѣ Колотилина. Послѣдній объяснилъ, что Бутусовъ обижался, видя посѣщенія къ его женѣ Гласкова, ревновалъ жену къ Гласкову; однажды Марѳа объявила Гласкову, что ея мужъ требуетъ, чтобы Гласковъ пересталъ къ ней ходить. Тогда Гласковъ закричалъ: «всѣ ваши вещи мнѣ принадлежатъ», схватилъ ихъ и убѣжалъ. Бутусовъ дѣлалъ все возможное, чтобы избавиться отъ Гласкова. Когда Бутусовы продали свое заведеніе и хотѣли ѣхать въ Москву, Гласковъ чрезъ Полиціймейстера арестовалъ ихъ вещи и перевезъ Бутусовыхъ къ себѣ. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ этого, Иліодоръ Бутусовъ бросилъ все и съ женою уѣхалъ въ Москву; ему, первый разъ послѣ свадьбы, удалось разлучить жену съ Гласковымъ, но ненадолго....

Гласковъ, какъ онъ самъ сознался передъ вами, поѣхалъ въ Москву за Бутусовою, увезъ ее изъ Москвы тайно отъ мужа и поселилъ ее у себя; у него Марѳа Бутусова и родила... Иліодоръ Бутусовъ узнавъ, что жена его увезена Гласковымъ въ

Тулу, вскорѣ и самъ выѣхалъ изъ Москвы и переѣхалъ въ Тулу. И такъ вотъ узелъ драмы. Вокругъ одной женщины, Марѳы Бутусовой, группируются: ея мужъ, Бутусовъ, и ея любовникъ, Гласковъ. Каждый изъ нихъ хочетъ взять ее отъ вліянія другаго, и она или переходитъ отъ одного къ другому, или принадлежитъ имъ обоимъ. Бутусовъ поѣхалъ въ деревню хлопотать себѣ о паспортѣ. Марѳа Бутусова стала просить выдать ей паспортъ на отдѣльное отъ него жительство, но Бутусовъ на это не согласился. Онъ до конца остался себѣ вѣренъ: онъ не хотѣлъ уступить другому своей жены. Тогда Марѳа Бутусова упросила мужа взять ее снова къ себѣ, и супруги нѣкоторое время жили въ деревнѣ, терпя крайнюю бѣдность и недостатокъ. Въ этомъ положеніи Бутусовъ напоминаетъ мнѣ извѣстное произведеніе литературы: «Дѣло Клемансо» (affaire Clemançeau par A. Dumas-fils): и тамъ, и здѣсь мужъ (страстно влюбленный въ свою развратную красавицу — жену, къ которой онъ чувствуетъ непреодолимое физическое влеченіе) бросаетъ ее; жизнь безъ нея дѣлается ему въ тягость. Онъ опять сходится съ нею, но не въ состояніи будучи переносить позоръ, соединенный съ тѣмъ фактомъ, что жена его—любовница другаго и получаетъ отъ него деньги, онъ убиваетъ ее.

Какъ бы то ни было, супруги Бутусовы въ послѣдній разъ поселились вмѣстѣ на Пятницкой улицѣ, въ домѣ Евдокимова: послѣ этого любовная связь Марѳы Бутусовой съ Гласковымъ не только не прекратилась, но продолжалась еще съ большими скандалами, чѣмъ прежде, съ бо́льшимъ цинизмомъ. Судебное слѣдствіе достаточно ясно обнаружило предъ вами, что Марѳа Бутусова на одну и на двѣ ночи уходила отъ мужа и ночевала у Гласкова. Послѣдній на мои вопросы проговорился, что Марѳа ночевала у него, что она спала съ нимъ въ одной комнатѣ, что въ квартирѣ ея мужа ей было холодно и сыро.... Только ребенокъ, Мм. Гг., не пойметъ, что между Марѳой и Гласковымъ происходила любовная связь. Какая молодая женщина будетъ приходить къ молодому мущинѣ на ночь? развѣ ночью приходятъ въ гости? развѣ лица разнаго пола ночуютъ въ одной комнатѣ, когда есть другія комнаты? Развѣ кто либо, кромѣ любовника, станетъ принимать къ себѣ на ночь замужнюю женщину, тогда какъ мужъ ея воспрещалъ это и запрещалъ даже

посѣщать его жену? Развратъ и цинизмъ Маѳы Бутусовой, 31 марта 1870 года, получили достойное возмездіе, но погубили и ея мужа.

Свидѣтелей самаго убійства нѣтъ, но нельзя не довѣрить вполнѣ показанію Иліодора Бутусова: наканунѣ своей смерти Маѳа Федорова провела ночь внѣ дома. Вернувшись домой, она, на упреки мужа и на просьбы его бросить любовника, отвѣчала: я не хочу съ тобой жить.... я скорѣе буду жить съ собакою (коб-мъ), нежели съ тобою. Затѣмъ Маѳа, слыша упреки мужа, повернулась къ нему спиной и нагло, (видимо утомленная безсонною ночью, проведенною внѣ дома), легла на кровать.—Въ это же мгновеніе Бутусовъ схватилъ топоръ, лежавшій подъ кроватью и обухомъ его ударилъ жену. По объясненію Бутусова, онъ убилъ жену не умышленно, желая научить ее.

Прокурорская власть признаетъ, что Бутусовъ убилъ жену въ раздраженіи, но не случайно. Я убѣжденъ, что онъ совершилъ убійство въ порывѣ или взрывѣ души, дѣйствуя непроизвольно, стремительно. Я приведу нѣсколько словъ по сему предмету изъ учебника уголовнаго права П. Д. Калмыкова (читаетъ) «Сильный порывъ или взрывъ душевный есть ничто иное, какъ сильное волненіе или движеніе, происходящее въ душѣ отъ представленія чего либо пріятнаго или непріятнаго, мгновенно дѣйствующаго на человѣка и въ самой сильной степени. Когда подобное непосредственное внѣшнее чувство волнуетъ душу, то разумѣніе и воля не могутъ свободно дѣйствовать.... Порывъ возникаетъ непроизвольно, стремленіе въ немъ безотчетно и чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ короче... Порывъ сравниться можетъ съ рѣкою, прорывающею вдругъ свою плотину,» (стр. 73) Именно въ такомъ состояніи, Мм. Гг, находился Бутусовъ когда онъ нанесъ ударъ топоромъ по головѣ Маѳѣ Федоровой.

Въ пользу подсудимаго говоритъ и его несовершеннолѣтіе. Впродолженіе дѣтскаго возраста въ человѣкѣ заключаются только задатки разумѣнія и свободы, но съ постепеннымъ возрастаніемъ дитяти развиваются въ немъ разумъ и воля и на этой то постепенности развитія основываются правила о вмѣняемости. Законы наши признаютъ полнымъ совершеннолѣтіемъ достиженіе возраста двадцати лѣтъ съ годомъ. До этого возраста Бутусову недоставало 2 года; въ Бутусовѣ воображеніе

и чувство получили болѣе развитія, нежели его умъ и воля, и это-то настроеніе, недостатокъ житейской опытности и страстность натуры произвели роковое событіе 31 марта 1870 года.

Я оканчиваю мою защиту, Гг. присяжные засѣдатели! Судьба подсудимаго находится въ вашихъ рукахъ. Не увлекайтесь доводами прокурорской власти о вашей обязанности обвинять всѣхъ подсудимыхъ. Всегда будетъ достаточно лицъ, подвергаемыхъ наказанію, везомыхъ на дрогахъ къ эшафоту.

Вы не признаете преступникомъ человѣка, котораго погубили развратъ и кровосмѣшеніе жены, человѣка, который не могъ переносить позоръ и безчестіе.—Жизнь честныхъ женщинъ не будетъ въ опасности, М. м. Г. г., если вы оправдаете Бутусова всѣ знаютъ мотивы его дѣянія.

Другой защитникъ (П. П. Зуровъ) въ своей рѣчи, указавъ на значеніе присяжныхъ, какъ судей по совѣсти и по внутреннему убѣжденію, доказывалъ: что къ настоящему дѣлу слѣдуетъ примѣнить 1464 ст. Улож. о Наказ., изд. 1866 г; что Бутусовъ виновенъ не въ умышленномъ убійствѣ, а лишь въ насильственныхъ дѣйствіяхъ, причинившихъ смерть Маріи Бутусовой, безъ всякаго со стороны его, Бутусова, умысла на убійство. Въ заключеніе защитникъ указалъ на то, что по сему дѣлу слѣдовало вызвать экспертовъ-психіатровъ, ибо Бутусовъ, 31 марта 1870 года, дѣйствовалъ безсознательно.

Товарищъ Прокурора (Д. К. Фонъ-Вендрихъ) возразилъ: что Бутусовъ не дѣлалъ ничего для того, чтобы изъять жену свою отъ вліянія Гласкова; что онъ не имѣлъ серьезныхъ уважительныхъ причинъ убивать свою жену, что ревность не можетъ быть извинительна; что ст. 1464 улож. не относится къ сему дѣлу, ибо Бутусовъ умышленно убилъ жену, а не нанесъ ей побои; что эксперты не вызваны съ согласія защитника; что ничто по дѣлу не доказываетъ страстной любви Бутусова къ женѣ; что первый защитникъ намѣренно старается очернить репутацію покойной Маріи Бутусовой; что порывъ не отмѣняетъ наказуемости.

Защитникъ (А. Д. Любавскій) отвѣчалъ: что съ перваго же дня женитьбы Бутусовъ стремился только къ тому, чтобы удалить жену отъ Гласкова, воспрещалъ Гласкову посѣщать жену,

увезъ Марѳу въ Москву, но Гласковъ опять привезъ ее въ Тулу; отрицаніе г. Прокуроромъ фактовъ, обнаруженныхъ на судебномъ слѣдствіи, дѣлаетъ честь его энергіи при обвиненіи, но опровергается всѣмъ, слышаннымъ на судѣ. Причины Бутусова убить жену были на столько уважительны, что едва ли можно придумать другія причины, болѣе уважительныя... у Марѳы Бутусовой былъ только одинъ недостатокъ: она уходила ночевать къ своему любовнику; при такихъ обстоятельствахъ, ревность подсудимаго весьма извинительна; ст. 1464 улож. можетъ быть примѣнена къ настоящему дѣлу.—Если бы Бутусовъ не любилъ своей жены, то изъ-за чего же онъ ссорился съ Гласковымъ, ревновалъ жену, если вѣрить его сознанію въ убійствѣ, то нельзя не вѣрить этому объясненію.—Очернить репутацію Марѳы Бутусовой нѣтъ повода, но кровосмѣсительная связь Марѳы, ея посѣщенія по ночамъ своего любовника, ея цинизмъ, суть такіе факты которые едва ли кѣмъ либо могутъ быть истолкованы въ ея пользу; наконецъ лучшіе криминалисты признаютъ, что порывъ уничтожаетъ вмѣненіе.

Послѣ того защитникъ (П. П. Зуровъ) и товарищъ Прокурора размѣнялись нѣкоторыми возраженіями по тому поводу: относятся или не относятся къ дѣлу объясненія перваго изъ нихъ.

Судъ постановилъ присяжнымъ для разрѣшенія слѣдующій вопросъ: «Виновенъ-ли подсудимый, бывшій дворовый человѣкъ Иліодоръ, Федоровъ сынъ, Бутусовъ, 20 лѣтъ, въ томъ, что онъ въ г Тулѣ, въ собственной квартирѣ, 31 марта 1870 года убилъ свою жену, Марѳу Федорову Бутусову, дѣйствуя въ раздраженіи, однакоже не случайно, а зная, что посягаетъ на жизнь Марѳы Федоровой Бутусовой?«

Присяжные послѣ совѣщанія, продолжавшагося около 40 минутъ, на этотъ вопросъ отвѣчали:« да, виновенъ, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія.»

Судъ опредѣлилъ: лишивъ Иліодора Федорова Бутусова всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 5 лѣтъ и 4 мѣсяца.

Дѣло объ отставномъ штабсъ-ротмистрѣ Николаѣ Турбинѣ и крестьянинѣ Николаѣ Брюшничевѣ, судимыхъ за подлогъ.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда, отъ 26 іюня 1870 года съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Предсѣдательствовалъ: Товарищъ Предсѣдателя П. А. Васильевъ, члены: П. П. Шепелевъ и А. А. Мензбиръ (Судебный Слѣдователь.)—Обвинялъ Товарищъ Прокурора П. П. Заринъ, защищалъ А. Д. Любавскій).

Обвинительный актъ (измѣненный судебною палатою) состоялъ въ слѣдующемъ: «Въ селѣ Березовцѣ, Новосильскаго уѣзда, 27-го іюня 1869 года, сотскимъ Семеномъ Егоровымъ былъ задержанъ, безъ письменнаго вида, неизвѣстный крестьянинъ, который объяснилъ, что онъ бывшій дворовый человѣкъ Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда, с. Новоселокъ, Николай Брюшничевъ, но паспорта не имѣетъ. Арестованный поэтому при-волостномъ правленіи, Брюшничевъ, на другой день прося сторожа, Андрея Фомина, его выпустить, передалъ ему свидѣтельство, которое волостнымъ старшиною Зубовымъ и помощникомъ волостнаго писаря Фадѣевымъ было признано за написанное рукою находившагося въ селѣ, отставнаго штабсъ-ротмистра Николая Турбина.—Это подтвердилось на предварительномъ слѣдствіи, при допросѣ крестьянина Брюшничева, показавшаго, что, прибывъ въ село Березовцы безъ всякаго письменнаго вида,—такъ какъ полученное изъ волостнаго правленія ратническое свидѣтельство онъ потерялъ въ Мценскомъ уѣздѣ, но о томъ не заявлялъ,—онъ обратился за совѣтомъ къ дворянину Турбину, котораго засталъ въ избѣ крестьянина Самсона Цвѣткова; поименованный Турбинъ, послѣ объясненія Брюшничевымъ его званія и содержанія утраченнаго свидѣтельства, взялся написать ему новое на данной ему Цвѣтковымъ бумагѣ, къ которому приложилъ и имѣвшуюся съ нимъ печать. Это свидѣтельство (за которое заплатилъ Турбину 20 коп.) Брюшничевъ передалъ сторожу Фомину на другой день своего задержанія.—По справкѣ въ Рябинскомъ волостномъ правленіи, Болховскаго уѣзда, оказалось, что Брюшни-

чеву свидѣтельства вовсе выдаваемо не было, и уже нѣсколько лѣтъ прошло какъ безъ дозволенія онъ ушелъ изъ деревни.—Отрицавши первоначально показанія Брюшничева, отставной штабсъ-ротмистръ Николай Петровъ Турбинъ впослѣдствіи призналъ себя виновнымъ въ написаніи Брюшничеву у крестьянина Цвѣткова свидѣтельства отъ имени Рябинскаго волостнаго правленія и приложенія къ нему собственной своей, именной печати; справедливость этого собственнаго сознанія Турбина подкрѣпляется удостовѣреннымъ экспертами сходствомъ руки подложнаго свидѣтельства съ несомнѣннымъ почеркомъ Турбина въ двухъ прошеніяхъ и показаніемъ крестьянина Самсона Цвѣткова и его жены Анны Абрамовой. Вслѣдствіе этого Турбинъ обвиняется въ составленіи, съ цѣлью полученія денегъ, подложнаго свидѣтельства крестьянину Брюшничеву, а сей послѣдній въ предъявленіи сего свидѣтельства и въ проживаніи безъ установленнаго вида, что предусмотрѣно 294 и 300 ст. улож. о нак. и 61 ст. уст. о нак. нал. мир. суд».

Подсудимый Турбинъ (отвѣчая на вопросъ предсѣдателя). Я не имѣлъ, послѣднее время, никакихъ стредствъ въ жизни, жилъ именемъ Христа. Если я и совершилъ подлогъ, то не изъ преступной цѣли, а изъ крайней бѣдности; здоровье мое совершенно разстроилось, ѣсть было нечего, вотъ обстоятельства, побудившія меня къ проступку. Одно время я почти рѣшился нарочно взвести на себя какое либо небывалое преступленіе, чтобы имѣть хоть въ тюрьмѣ кусокъ хлѣба. За составленіе подложнаго свидѣтельства мнѣ заплатили 20 коп. сер. Какъ передъ Богомъ, такъ и здѣсь, на судѣ передъ вами, я не утаиваю—на полученныя мною 20 коп. я купилъ себѣ хлѣба. Пока моя покойная сестра, бывшая замужемъ, была жива, я былъ обезпеченъ, но съ ея смертью, я погрузился въ нищету. Свидѣтельство я писалъ у Самсона Цвѣткова, Брюшничевъ меня просилъ на колѣняхъ объ этомъ. Если бы мнѣ въ тотъ день даромъ дали хлѣба, то я бы не написалъ подложнаго свидѣтельства; къ послѣднему я приложилъ свою именную печать.

Брюшничевъ (отвѣчая на вопросы предсѣдателя). Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что пользовался свидѣтельствомъ, написаннымъ Турбинымъ; послѣднему за свидѣтельство

я заплатилъ 20 коп. сер. Писали по моимъ свѣдѣніямъ и указаніямъ, я просилъ Турбина это сдѣлать. Ему нечего было ѣсть, а мнѣ не съ чѣмъ было пройти на родину (не было вида), я хотѣлъ зайти въ свою губернію. Въ субботу я получилъ свидѣтельство, а въ воскресенье попался. Это было лѣтомъ, въ «Петровку».

Затѣмъ было приступлено къ допросу свидѣтелей.

Старшина Василій Зубовъ. Я пріѣхалъ въ волостное правленіе, вижу тамъ сидитъ Брюшничевъ. Я спросилъ у него билетъ, онъ мнѣ отвѣчалъ: «билета у меня нѣтъ». Приходитъ Турбинъ и сталъ просить меня, чтобы я отпустилъ Брюшничева изъ арестантской. Я говорю: «нельзя его отпустить, нѣтъ билета». Утромъ, какъ только я всталъ, мнѣ приносятъ свидѣтельство, которое отдалъ сторожу Брюшничевъ. Писарь и я признали, что это свидѣтельство подложное и что его писалъ Турбинъ. Брюшничевъ не нашей волости, его арестовали, ибо у него не было вида на жительство, потомъ онъ предъявилъ подложное свидѣтельство. Я грамотный и знаю руку Турбина, полагаю, что свидѣтельство написано имъ. (Отвѣчал на вопросы защитника). Турбинъ жилъ у насъ, онъ такъ себѣ, человѣкъ хорошій, ходилъ, прошенія сочинялъ, жилъ кое-гдѣ, не имѣлъ пристанища; онъ былъ менѣе обезпеченъ продовольствіемъ, чѣмъ любой крестьянинъ у насъ. (Между присяжными сильное движеніе).

Самсонъ Цвѣтковъ. Турбинъ въ моемъ домѣ писалъ свидѣтельство Брюшничеву; сколько денегъ онъ взялъ съ послѣдняго, я не знаю; Брюшничевъ побирался хлѣбомъ и собранный хлѣбъ продавалъ мнѣ. У меня спросили клочекъ бумаги и я подалъ бумагу, на который у меня лежалъ табакъ; когда Турбинъ писалъ свидѣтельство, у него не было денегъ и онъ побирался Христа-ради. Турбинъ жилъ вездѣ, гдѣ ни пришлось.

Андрей Ѳомичъ. Я сторожъ, я привелъ мужика безъ вида (показываетъ на Брюшничева) въ арестантскую. Посидѣвъ въ арестантской, Брюшничевъ подалъ мнѣ бумагу, говоря, что это его билетъ на жительство. Я подалъ эту бумагу писарямъ. Писари говорятъ: «это видъ фальшивый». Въ арестантской Брюшничевъ при мнѣ ни съ кѣмъ не видался.

Егоровъ. Я взялъ Брюшничева изъ кабака, свелъ его въ арестантскую. Мнѣ извѣстно изъ словъ его, что онъ крестьянинъ Орловской губерніи и паспортъ свой потерялъ. Въ арестантской Брюшничевъ ночевалъ одну ночь.

Затѣмъ предсѣдатель распорядился о предъявленіи присяжнымъ подложнаго свидѣтельства.

По требованію прокурора прочитанъ былъ актъ сличенія почерка. Сущность сего акта состоитъ въ томъ, что эксперты (секретари съѣзда мировыхъ посредниковъ: Хлуденевъ и Полевъ) нашли, что почеркъ руки Турбина на свидѣтельствѣ совершенно сходенъ съ почеркомъ руки его на двухъ прошеніяхъ, находящихся подъ дѣломъ, только буквы писаны не такъ «окружно».

По желанію «присяжныхъ» предсѣдатель дѣлалъ всѣмъ свидѣтелямъ вопросы объ образѣ жизни Турбина. Свидѣтели единогласно показали, что Турбинъ жилъ въ ихъ волости, онъ бѣдный человѣкъ, жизнь велъ трезвую, ничего дурнаго въ немъ они не замѣтили. Брюшничева они совсѣмъ не знаютъ и прежде никогда не видали.

Изъ формуляра Турбина видно, что онъ дворянинъ, служилъ въ военномъ вѣдомствѣ съ 1833 г., въ отпуску не былъ, аттестованъ достойнымъ, жалобамъ не подвергался, пенсіи не получаетъ, въ Восточную войну командовалъ ротой ратниковъ (ополченія); справкою о судимости обнаружено, что Турбинъ прежде подъ судомъ не былъ.

Товарищъ прокурора, поддерживая обвиненіе, въ своей рѣчи привелъ, что преступленіе съ внѣшней стороны, въ данномъ случаѣ, вполнѣ, несомнѣнно доказано. Турбинъ уличенъ въ составленіи подложнаго свидѣтельства, а Брюшничевъ въ завѣдомомъ его употребленіи. Доказано, что Турбинъ написалъ фальшивый документъ изъ корыстныхъ видовъ, зная, по своему общественному положенію, всю преступность своего дѣянія. Разсматривая затѣмъ причины, побудившія Турбина совершить подлогъ, товарищъ прокурора замѣтилъ, что Турбинъ ссылается на крайнюю нужду, въ которой онъ находился и на неимѣніе средствъ. Хотя показаніями свидѣтелей и разъяснено, что Турбинъ не имѣлъ опредѣленныхъ занятій и находился въ бѣдности, но это можетъ служить

лишь къ признанію его заслуживающимъ снисхожденія, а не оправданію. Что касается до Брюшничева, то объясненіе его не заслуживаетъ уваженія, потому что онъ могъ обратиться къ мѣстнымъ властямъ, и его бы, безъ преданія суду, переслали по этапу на родину. Взаключеніе товарищъ прокурора, ссылаясь на общественные интересы, требовалъ отъ присяжныхъ обвинительнаго приговора.

Защитникъ подсудимаго (А. Д. Любавскій) произнесъ слѣдующее: Мм. Гг., настоящее дѣло глубоко затрогиваетъ ваше нравственное чувство, вашу совѣсть! Въ моей рѣчи я послѣдую тому пути, который указалъ мнѣ г. прокуроръ, я разсмотрю внѣшнюю и затѣмъ внутреннюю сторону этого дѣла.

Фактъ запрещеннаго закономъ дѣянія—несомнѣненъ. Турбинъ сознался въ составленіи свидѣтельства на жительство крестьянину Брюшничеву, а послѣдній объяснилъ, что онъ предъявилъ это свидѣтельство. Въ виду этихъ сознаній, моя обязанность, относительно совокупности признаковъ дѣянія, весьма упрощена; добросовѣстность, простое пониманіе судебныхъ приличій и чувство уваженія къ учрежденію присяжныхъ не дозволяютъ мнѣ оспаривать то, что очевидно, что не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Но я считаю себя обязаннымъ остановить ваше вниманіе на внутренней сторонѣ этого дѣла, оставляющей просторъ: элементу личнаго убѣжденія, примѣненію къ дѣлу идеи Божеской правды и справедливости, усмотрѣнію вашему, ничѣмъ нестѣсняемому, гг. присяжные засѣдатели! Изучая это дѣло, я былъ глубоко растроганъ и пораженъ объясненіемъ подсудимаго Турбина: «черезъ понесенные военные труды и тяжкія болѣзни, при защитѣ Вѣры, Царя и Отечества, я невозвратимо лишился здоровья. По окончаніи Восточной войны, я возвратился на родину; имѣнія за мною не состоитъ, я не имѣлъ даже мѣста, гдѣ приклонить голову. При старости моихъ лѣтъ и бѣдности я просился въ богоугодное заведеніе, но не былъ принятъ. Не ѣвши наканунѣ, будучи томимъ голодомъ, я зашелъ, 26 іюня 1869 г., въ домъ къ Самсону Цвѣткову, намѣреваясь попросить у него кусокъ хлѣба для утоленія голода, мучившаго меня. Отъ голода..... не думая о послѣдствіяхъ, я согласился за 20 коп. сер. составить подложное свидѣтельство, и если бы Цвѣтковъ вмѣсто

предложенныхъ мнѣ бумаги, чернилъ и пера, далъ бы кусокъ хлѣба и ковшъ воды для утоленія голода, то вѣроятно свидѣтельство это не было бы мною написано.» (Въ публикѣ сильное движеніе).

«Гг. присяжные, я дѣлю преступниковъ на двѣ категоріи: одни изъ нихъ находятся въ такой прекрасной обстановкѣ, при столь благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, что совершеніе ими преступленія можетъ быть объяснено только ихъ порочною волею, преступными, злобными наклонностями, отсутствіемъ чувства чести, религіи и правды. Другіе, такъ сказать непроизвольные преступники, находятся въ такомъ положеніи, что каждая минута времени, удовлетвореніе каждой потребности побуждаютъ ихъ совершить преступленіе для того, чтобы не умереть отъ нужды, голода и холода. Къ этой второй категоріи не преступныхъ, а скорѣе несчастныхъ людей принадлежитъ и дворянинъ, отставной штабсъ-ротмистръ, 59-лѣтній старикъ Турбинъ. Кто изъ насъ можетъ безъ сожалѣнія и состраданія выслушать разсказъ о его жизни, о томъ, какъ онъ, прослуживъ болѣе 30 лѣтъ, жилъ затѣмъ именемъ Христа, протягивалъ руку, прося подаянія? Я прошу для него не снисхожденія, но полнаго оправданія; вы только этимъ исправите относительно г. Турбина несправедливость судьбы.—Брюшничевъ обвиненъ въ томъ, что воспользовался (какъ паспортомъ) свидѣтельствомъ, написаннымъ Турбинымъ. При этомъ Брюшничевъ не имѣлъ въ виду причинить кому либо вредъ; для него, по его безграмотству, недоступно пониманіе отвлеченныхъ государственныхъ и общественныхъ идей; онъ хотѣлъ лишь избѣгнуть быть высланнымъ на родину по этапу, что для каждаго сопряжено съ позоромъ и нѣкоторымъ безчестіемъ. Наша паспортная система въ настоящее время находится въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Вслѣдствіе выдачи городскими и сельскими обществами мѣщанамъ и крестьянамъ краткосрочныхъ паспортовъ, (тогда какъ при огромныхъ разстояніяхъ нашего отечества нужно простолюдину нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы пройти взадъ и впередъ изъ одной губерніи въ другую), вслѣдствіе упущеній по дѣлопроизводству въ волостныхъ правленіяхъ, каждый простолюдинъ, проживающій не на родинѣ, рискуетъ нарушить постановленія Т. XIV св. зак.,

остаться съ просроченнымъ паспортомъ. Само правительство признаетъ неудовлетворительность паспортной системы, основанной на томъ, что каждое общество, относительно платежа податей, отвѣтствуя за своихъ неисправныхъ плательщиковъ, не дозволяетъ имъ дальныхъ отлучекъ, что есть родъ крѣпостнаго права. При Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ учреждена Коммисія для пересмотра законовъ о паспортахъ. И такъ Брюшничевъ есть жертва паспортной системы.

Я прошу васъ, гг. присяжные, воспользоваться правомъ, дарованнымъ вамъ судебными уставами и признать обоихъ подсудимыхъ по суду оправданными.

По окончаніи судебныхъ преній, предсѣдательствующій (съ согласія сторонъ) предложилъ присяжнымъ для разрѣшенія слѣдующіе вопросы: «1) виновенъ ли подсудимый отставной штабсъ-ротмистръ Николай Петровичъ Турбинъ (59 лѣтъ) въ томъ, что онъ въ 1869 году, въ с. Березовцѣ, составилъ подложное свидѣтельство изъ корыстныхъ видовъ отъ имени Рябинскаго волостнаго правленія—на увольненіе бывшаго дворовaго человѣка Николая Брюшничева въ разные города Россійской Имперіи, для сбора подаянія ради Христа; причемъ на означенномъ свидѣтельствѣ поддѣлалъ подпись волостнаго старшины и писаря и приложилъ свою именную печать? 2) Виновенъ ли подсудимый крестьянинъ Орловской губерніи Николай Брюшничевъ (62 лѣтъ) въ томъ, что онъ, воспользовавшись означеннымъ въ первомъ вопросѣ свидѣтельствомъ, представилъ его въ Березовское волостное правленіе, какъ доказательство своего бѣднаго положенія? 3) Виновенъ ли тотъ же подсудимый Брюшничевъ въ томъ, что онъ переходилъ съ одного мѣста на другое и проживалъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи безъ всякаго вида на жительство?

Присяжные засѣдатели *) послѣ совѣщанія, продолжавшагося около 25 минутъ, отвѣчали на первые два вопроса: «нѣтъ не виновенъ», а на третій вопросъ: да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія.»

На основаніи сего Тульскій Окружной Судъ опредѣлилъ:

---

*) Въ составъ присяжныхъ засѣдателей входили: 3 чиновника, 1 мѣщанинъ и 8 купцовъ.

а) подсудимаго Николая Брюшничева подвергнуть штрафу въ 5 руб. сер., а въ случаѣ несостоятельности его—аресту на одинъ день при волостномъ правленіи. 2) Отставнаго штабсъ-ротмистра Турбина, на основ. 1 п. 771 и 772 ст. уст. угол. суд., считать по суду оправданнымъ.

Дѣло о крестьянинѣ Иванѣ Дормидонтовѣ, сужденномъ за подлогъ.

(Засѣданіе отъ 2-го марта 1870 года въ г. Ефремовѣ Временнаго Отдѣленія Тульскаго Окружнаго Суда. Предсѣдатель: Товарищъ Предсѣдателя П. А. Васильевъ, члены: членъ суда Д. В. Лутковъ и Судебный Слѣдователь Курносовъ; обвинялъ Товарищъ Прокурора И. П. Заринъ, защищалъ А. Д. Любавскій).

Обвинительный актъ по этому дѣлу состоялъ въ слѣдующемъ: «25 октября 1868 года въ селѣ Козловкѣ (Воронежской губерніи) взятъ въ полицейское управленіе крестьянинъ Иванъ Дормидонтовъ съ билетомъ, на которомъ годъ и мѣсяцъ оказались *подчищенными*. На допросѣ Дормидонтовъ сознался, что онъ крестьянинъ Тульской губерніи, сельца Андреевки, у него есть братъ, отецъ, жена. Билетъ (паспортъ) онъ получилъ изъ Волостнаго Правленія на 5 мѣсяцевъ за № 527; этотъ билетъ писалъ крестьянинъ Сергѣевъ. Онъ, Дормидонтовъ, съ этимъ билетомъ жилъ въ Москвѣ, Серпуховѣ и землѣ Войска Донскаго, *подчистку сдѣлалъ онъ*, Дормидонтовъ, въ Богородицкомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, возвратясь изъ земли войска Донскаго. Судебному слѣдователю Дормидонтовъ повторилъ свое признаніе, прибавивъ лишь, что онъ не помнитъ, въ какомъ селѣ онъ сдѣлалъ подчистку паспорта; чернилъ для этого онъ взялъ у содержателя кабака.—Волостное Правленіе с. Андреевки удостовѣрило, что билетъ за № 527 выданъ имъ Гаврила Бычковъ (Сергѣевъ) объяснилъ, что билетъ писанъ имъ. Самоличность Ивана Дормидонтова, при предварительномъ слѣдствіи, удостовѣрили его отецъ, братъ и жена.

На основаніи вышеизложеннаго Иванъ Дормидонтовъ обвиненъ былъ прокурорскою властію въ измѣненіи срока на билетѣ и въ переправкѣ года и мѣсяца,—преступленіе предусмотрѣнное ст. 976 ул. о наказ., за что и преданъ суду Тульскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей».

На вопросъ Предсѣдателя «признаетъ—ли онъ себя виновнымъ», Дормидонтовъ отвѣчалъ, что подчистку сдѣлалъ онъ, но не понималъ, что при этомъ дѣлаетъ злое дѣло или преступленіе.

Изъ спроса на судѣ свидѣтеля Гаврилы Бычкова обнаружено, что онъ Бычковъ писалъ билетъ за № 527 и что въ билетѣ въ то время подчистокъ не было.

Прочтеніе и осмотръ на судѣ билета за № 527 обнаружили, что въ немъ переправлены 1867-й годъ на 1868 годъ и октябрь мѣсяцъ на мартъ*).

Товарищъ Прокурора (*И. П. Заринъ*), указывая, что настоящее преступленіе, направленное противъ общественнаго благоустройства, можетъ имѣть послѣдствіемъ неплатежъ податей и избѣжаніе рекрутской очереди,—энергически требовалъ обвиненія Дормидонтова на осн. ст. 976 ул., по которой считается преступленіемъ, если кто въ паспортѣ, билетѣ, или иномъ видѣ своемъ, или чужомъ измѣнитъ означенный въ оном *срокъ* или мѣстопребываніе, или будетъ предъявлять или инымъ образомъ употреблять завѣдомо такой измѣненный противъ настоящаго видъ. Взаключеніе Прокуроръ сослался и на сознаніе подсудимаго въ учиненіи подлога, подтвержденное всѣми обстоятельствами дѣла.

Защитникъ подсудимаго (*А. Д. Любавскій*) въ главныхъ основаніяхъ произнесъ слѣдующее: Гг. присяжные засѣдатели!

---

*) Предварительнымъ слѣдствіемъ раскрыто, что Дормидонтовъ имѣлъ влеченіе поступить въ военную службу; для куражу онъ выпилъ, чтобы явиться къ генералу съ просьбой принять его въ военную службу, но его какъ пьянаго арестовали и отправили въ Полицію.—Паспортъ онъ подчистилъ, по его словамъ, потому, что ѣсть нечего, «взялъ да и подскоблилъ ножичкомъ», преступленій онъ, Дормидонтовъ, никакихъ не дѣлывалъ, жилъ по закону по Божьему, пѣлъ Божественные гимны. Онъ подскоблилъ цифры послѣ того, какъ срокъ паспорта кончился.

Иванъ Дормидонтовъ обвиняется Прокурорскою властію въ подлогѣ и вамъ предстоитъ произнести приговоръ о винѣ или невинности подсудимаго. Если бы 10 лѣтъ тому назадъ кто либо предсказалъ, что уголовныя дѣла будутъ рѣшаться не въ 5 инстанціяхъ, а въ одной инстанціи, не втеченіе 4—5 лѣтъ, а въ одинъ день, не тайно, а публично, что передъ судомъ присяжныхъ будутъ въ одномъ судебномъ засѣданіи воспроизведены всѣ обстоятельства дѣла, что вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго будутъ рѣшать не коронные чиновники, а *лучшіе* люди изъ мѣстныхъ жителей по правамъ службы, состоянія, общественнаго положенія или занимаемыхъ ими выборныхъ должностей,—то всѣ эти предсказанія были бы приняты за мечты, осуществленіе которыхъ возможно лишь въ далекомъ будущемъ. Благодаря Бога и нашего Государя всѣ эти мечты осуществились на нашихъ глазахъ: учрежденіе присяжныхъ внесло новую жизнь въ наши судебныя учрежденія. Законъ предоставилъ вамъ право разрѣшать вопросъ, не только совершилось—ли извѣстное дѣяніе, но и *виновно ли* лице, совершившее это дѣяніе? Рѣшеніе предоставлено вашей совѣсти, вашему внутреннему убѣжденію, тѣмъ понятіямъ о справедливости, которыя находятся въ душѣ каждаго человѣка и составляютъ элементъ личнаго убѣжденія каждаго изъ насъ. Бываетъ весьма много случаевъ, когда дѣяніе, имѣющее внѣшніе признаки преступленія, совершено, но наша совѣсть возстаетъ противъ признанія его преступленіемъ, ибо въ немъ нѣтъ нравственной вины, злой воли, порочности преступника, преступной цѣли, дурныхъ побудительныхъ причинъ. Такъ напримѣръ: едва—ли можно признать преступникомъ: мужа убивающаго любовника своей жены, котораго онъ застаетъ на мѣстѣ преступленія—при любодѣяніи, сестру убившую своего брата, который хотѣлъ ее изнасиловать, чиновника, который, повинуясь угрозамъ и приказаніямъ своего начальника, даетъ неправильное направленіе дѣлу. Иногда обстановка такъ сильно дѣйствуетъ на человѣка, что подавляетъ его.—Обращаюсь къ обстоятельствамъ *настоящаго дѣла*: Дормидонтовъ сдѣлалъ подчистку года и мѣсяца на паспортѣ и Прокуроръ видитъ въ этомъ преступленіе подлога. Въ уложеніи о наказаніяхъ подлогъ не считается какъ-бы однимъ

преступленіемъ, а разсѣянъ по всему уложенію, онъ можетъ относиться къ сферѣ государственнаго управленія (напр. подлогъ указа), къ сферѣ торговой (подлогъ телеграммы, сообщающей невѣрныя свѣденія) и къ сферѣ имущественной (подлогъ завѣщанія и. т. п.). Въ настоящемъ случаѣ подчистка крестьяниномъ Дормидонтовымъ года и мѣсяца на паспортѣ не могла причинить никому вредныхъ послѣдствій. Она не раззорила никого, не произвела замѣшательства въ дѣлахъ. Дурнаго побужденія у Дормидонтова не было. Онъ возвращался на родину, слѣдовательно не скрывался отъ платежа податей и отъ рекрутской повинности, какъ приводитъ Прокуроръ. Онъ былъ въ землѣ Войска Донскаго, за тысячу верстъ отъ мѣста своей родины. Срокъ паспорту его кончился и Дормидонтовъ (безъ всякой вины съ его стороны) рисковалъ быть посланнымъ домой *по этапу*, какъ преступникъ, какъ воръ, какъ душегубецъ, какъ каторжникъ! Чтобы избѣгнуть этого *позора*, Дормидонтовъ рѣшился подчистить цифры на паспортѣ и самому возвратиться на родину. Возникаетъ вопросъ: удобно-ли имѣть краткосрочные паспорты въ такой обширной странѣ, какъ Россія, когда нужно пройти пѣшкомъ тысячи верстъ и когда нѣтъ физической возможности къ сроку паспорта возвратиться на родину? Но разрѣшеніе этого вопроса, г.г. присяжные, зависитъ не отъ крестьянина Дормидонтова. И такъ виновенъ-ли Дормидонтовъ въ какомъ либо преступленіи? Ваша совѣсть отвѣтитъ—*нѣтъ*. Дормидонтовъ, неимѣющій понятія о законности и незнающій юридической казуистики, хотѣлъ избѣжать высылки по этапу и, возвращаясь на родину, подскоблилъ на своемъ паспортѣ, чтобы продлить его срокъ. Дормидонтовъ по этому дѣлу уже довольно пострадалъ, онъ высидѣлъ въ тюрьмѣ (ожидая вашего суда) годъ и 5 мѣсяцевъ, онъ находился въ тюремныхъ замкахъ: Богородицкомъ, Епифанскомъ, Тульскомъ, Ефремовскомъ. Вручая вамъ, г.г. присяжные судьбу подсудимаго, я увѣренъ, что приговоръ вашъ будетъ приговоромъ полнаго его оправданія. Передъ вами не преступникъ, не развращенный злодѣй, а человѣкъ, испытавшій на себѣ всѣ неудобства нашей нынѣшней паспортной системы и желавшій избѣгнуть *позора*: быть препровожденнымъ по этапу.

На предложенный имъ Предсѣдателемъ вопросъ «виновенъ-ли

подсудимый въ томъ, что онъ въ билетѣ за № 527 измѣнилъ означенный въ немъ срокъ и предъявилъ завѣдомо такой билетъ измѣненный за настоящій видъ», присяжные отвѣчали: «нѣтъ, невиновенъ». Предсѣдатель объявилъ подсудимаго оправданнымъ и велѣлъ освободить его изъ подъ-стражи *).

Дѣло крестьянина Василія Гранкина, обвиняемаго въ жестокомъ обращеніи съ женою.

(Засѣданіе отъ 13 марта 1870 года, Временнаго Отдѣленія Тульскаго Окружнаго Суда въ г. Ефремовѣ. Составъ Суда: Предсѣдатель П. А. Васильевъ, члены: Д. В. Лутковъ, почетный Мировой Судья Шиловъ. Представлялъ частное обвиненіе А. Д. Любавскій, защищалъ подсудимаго Н. С. Кожинъ).

Мѣщанка Екатерина Гранкина принесла жалобу на то, что мужъ ея Василій Гранкинъ нещадно бьетъ ее и вырываетъ у ней волосы изъ головы. Замужемъ она уже 8 годъ, проживаетъ въ г. Ефремовѣ. Полтора года она жила съ мужемъ хорошо, но когда прошелъ рекрутскій наборъ, въ который она поставила за мужа наемщика, то мужъ сталъ обращаться съ нею дурно. Она родила ребенка и послѣ родовъ у ней сдѣлался ревматизмъ въ ногахъ, такъ что нынѣ она едва можетъ ходить и ноги у ней не сгибаются. Въ это время мужъ возненавидѣлъ ее и безпрестанно ее бьетъ по головѣ и ругаетъ, дерется онъ часто кулаками.

Такъ какъ стороны не изъявили своего согласія окончить дѣло миромъ, то Окружной Судъ приступилъ къ судебному слѣдствію.

Екатерина Гранкина, (маленькая, болѣзненная на видъ, ходитъ не сгибая ногъ) объяснила—, что мужъ въ особенности сталъ ее нещадно колотить послѣ того, какъ она сдѣлалась

*) Выходя изъ суда, Дормидонтовъ сказалъ своему защитнику: «вы не думайте, что я дурной, я вамъ заслужу, что вы меня защитили, я честный.»

нездорова. Однажды, когда, онъ возвращался вечеромъ домой, и его подъ руку, какъ пьянаго, Яковъ Пашковъ велъ домой, онъ, Василій Гранкинъ, при Пашковѣ билъ ее кулакомъ по головѣ. Она нѣсколько разъ пряталась у сосѣдей отъ мужа, который началъ ее безпрестанно колотить. Этому есть свидѣтели: Дарья Израилева и Пашковы; она Гранкина пряталась отъ побоевъ мужа подъ кроватью, на печкѣ, въ сѣно, въ чуланѣ. Мужъ вырвалъ у ней на макушкѣ головы всѣ волосы и она проситъ судъ осмотрѣть ихъ.

Предсѣдатель велитъ Гранкиной показать свои волосы. На макушкѣ головы волосы весьма рѣдки, короче другихъ и повидимому выщипаны. Волосы въ косѣ замѣчательно длинны.

(Подсудимый и его защитникъ противъ осмотра волосъ Гранкиной судомъ не возражаютъ и на слова частнаго обвинителя, что волосы вырваны, замѣчаній не дѣлаютъ).

Кухарка *Авдотья Кузьмина* показала, что разъ она видѣла какъ Василій Гранкинъ билъ свою жену. Онъ билъ жену по спинѣ; спасаясь отъ мужа, Гранкина запиралась въ чуланъ.

Яковъ Пашковъ. Онъ по этому дѣлу знать ничего не знаетъ вѣдать не вѣдаетъ и ничего не слыхалъ (эти отвѣты онъ повторяетъ на всѣ вопросы обвинителя.)

Дарья Израилева(Еврейка, спрошенная подъ присягою). Въ ноябрѣ прошлаго года Екатерина Гранкина прибѣжала ночью въ мою квартиру раздѣтая, говоря, что она не знаетъ, куда дѣваться отъ побоевъ и истязаній мужа. Волосы Екатерины Гранкиной были вырваны, растрепаны, она плакала. Я проводила на кухню Гранкину, которая и пробыла тамъ до утра. На другой день Яковъ Пашковъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ: «вы вчера защищали Катерину, сейчасъ мужъ опять ее бьетъ. Черезъ нѣсколько минутъ опять ко мнѣ прибѣжала Екатерина Гранкина, раздѣтая, почти безъ памяти, зубы ея были избиты, волосы торчали на головѣ и были растрепаны. Гранкина, разсказывая о побояхъ мужа, мѣшалась въ словахъ. О побояхъ, нанесенныхъ Гранкинымъ его женѣ, мнѣ говорила и Авдотья, прибавивъ, что Катерина тиранства терпитъ отъ мужа.

Частный обвинитель проситъ дать очную ставку Якову Пашкову съ Дарьею Израилевою вслѣдствіе разнорѣчія въ ихъ показаніяхъ.

Возражая на вопросы обвинителя, Яковъ Пашковъ говоритъ что онъ, только отвѣчая на вопросы Дарьи Израилевой, сказалъ ей, что Василій Гранкинъ бьетъ жену. Затѣмъ на вопросы частнаго обвинителя Яковъ Пашковъ снова начинаетъ повторять, что онъ Дарьѣ ничего не говорилъ и о побояхъ, ничего знать незнаетъ и вѣдать не вѣдаетъ.

Обвинитель. Свидѣтель, вы смѣетесь надо мною! Если вы говорили Дарьѣ о побояхъ, нанесенныхъ Василіемъ Гранкинымъ его женѣ, то какъ же вы *ничего* не знаете о побояхъ? Помните, что за ваши недобросовѣстные отвѣты я могу просить о преданіи васъ уголовному суду.

Предсѣдатель. Г. обвинитель, вы не имѣете права запугивать свидѣтеля.

Продолжая отвѣчать на другіе вопросы обвинителя (по другимъ предметамъ дѣла) Пашковъ объяснилъ, что онъ видѣлъ, какъ хозяинъ выходилъ изъ телѣги въ тотъ вечеръ, когда нанесены были побои Гранкиной. Затѣмъ снова начинаетъ говорить, что онъ самыхъ побоевъ не видѣлъ.

Изъ справокъ о судимости оказалось, что Василій Гранкинъ 3 раза былъ подъ судомъ за жестокое обращеніе съ женою и всякій разъ дѣло кончалось миромъ между супругами.

Частный обвинитель (*А. Д. Любавскій*) произнесъ слѣдующую рѣчь: Гг. Судьи! Я обвиняю Василія Гранкина въ жестокомъ обращеніи съ женою, въ нанесеніи ей постоянныхъ систематическихъ побоевъ, доходящихъ почти до истязаній. Статья 1583 Улож. о нак. безусловно запрещаетъ таковые поступки мужа съ женою. Дѣла подобнаго рода [судебными уставами предоставлены вашему разрѣшенію, г.г. судьи, безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Постановляя это, законодатель имѣлъ безъ сомнѣнія въ виду ту высокую цѣль, чтобы вы (какъ юристы), какъ лица, получившія высшее образованіе, принадлежащія къ высшимъ классамъ общества,—вашими приговорами содѣйствовали *искорененію грубости народныхъ нравовъ*, защищали женщину, существо слабѣйшее, противъ физическаго насилія со стороны лица сильнѣйшаго! Женщина по самой природѣ своей есть существо физически болѣе слабое, нежели мужчина; уже по этому самому истязаніе мужемъ своей жены, злоупотребленіе первымъ своей физической силы—не могутъ быть допуска-

емы. Нынѣ личность женщины ограждена отъ побоевъ—закономъ, практикою, нравами. Въ ст. 1583 улож. о нак. проведено то начало, что насильственное дѣйствіе принимаетъ отягчающій характеръ, когда оно совершено мужемъ, ибо, сверхъ общаго нарушенія правъ личности, здѣсь еще происходитъ нарушеніе той любви, которую обязанъ мужъ питать къ женѣ. Статья 1583 не допускаетъ жестокое обращеніе и помимо нанесенія ранъ, увѣчья и тяжкихъ побоевъ.

Обращаюсь затѣмъ къ нравственной и общественной сторонѣ этого дѣла. Цивилизація немыслима тамъ, гдѣ женщина не ограждена отъ насилія. Гдѣ женщина—раба—не можетъ быть семьи, семейныхъ отношеній, уваженія дѣтей къ родителямъ, не существуетъ общественной жизни. Нанесеніе побоевъ мужемъ женѣ убиваетъ въ сей послѣдней чувство чести, самолюбія, внушаетъ ей злобу, ненависть къ мужу, желаніе ему отомстить, можетъ быть поводомъ къ кровавымъ преступленіямъ, въ мужѣ развиваетъ суровость, звѣрство, неуваженіе къ женѣ.

Гг. судьи! Въ настоящемъ засѣданіи *присутствуютъ болье 100 простолюдиновъ, всѣ они ждутъ вашего рѣшенія.* Если они увидятъ, что вы вопреки доказательствамъ дѣла и показанію свидѣтелей оправдаете Гранкина, наносившаго систематическіе побои своей женѣ, то *многіе изъ простолюдиновъ, вѣроятно, возвратясь домой, начнутъ бить, тиранить своихъ женъ, въ увѣренности, что таковые поступки пройдутъ для нихъ безнаказанно.* (Въ публикѣ сильное движеніе).

Тогда новые суды, съ ихъ публичностью, устностію и гласностію не только не принесутъ той пользы, которой ожидаетъ отъ нихъ законодатель—улучшенія народныхъ нравовъ, но напротивъ того, породятъ въ народѣ убѣжденіе, что мужчины вправѣ злоупотреблять своею физическою силою и бить своихъ женъ, какъ какое—нибудь животное, (въ публикѣ разговоръ; простолюдины выражаютъ сильное неодобреніе).

Защитникъ подсудимаго (*Н. С. Кожинъ*) объяснилъ въ главныхъ основаніяхъ, что законы наши не указываютъ ясно границъ тому, что нужно считать злоупотребленіемъ правъ супружеской власти; дурное обращеніе мужа съ женою, неоказаніе ей расположенія, еще не составляютъ уголовнаго преступленія

Наши вѣковые обычаи установили правило, что жена должна быть въ повиновеніи у своего мужа. При нынѣшнемъ состояніи образованности крестьянъ требовать отъ нихъ въ супружескихъ отношеніяхъ высокой нравственности невозможно, и эта цѣль недоступна уголовному законодательству. Въ разсмотрѣнномъ дѣлѣ нѣтъ жестокаго обращенія мужа съ женою. Изъ свидѣтелей никто не видалъ, какъ наносились Гранкиной побои и истязанія. Дарья Израилева (главный свидѣтель) указываетъ только, что Гранкина прибѣгла къ ней прятаться отъ мужа, но дѣйствительно—ли Гранкинъ наносилъ своей женѣ побои, это не доказано. Взаключеніе защитникъ проситъ полнаго оправданія подсудимаго.

А. Д. Любавскій возразилъ: въ данномъ случаѣ жестокое обращеніе Гранкина съ своею женою является несомнѣннымъ. Границы понятія жестокаго обращенія мужа съ женою опредѣлены весьма точно, ст. 106 т. X, ч. 1 зак. граж. «мужъ долженъ любить свою жену, какъ собственное тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать; извинять ее недостатки и *облегчать ея немощи*». Посмотримъ—же, какъ исполнилъ эту обязанность Гранкинъ въ отношеніи жены своей. Онъ билъ ее, наносилъ жестокіе побои, вырывалъ ей волосы, топталъ ее ногами, и все это дѣлать началъ послѣ того, какъ у жены его отъ простуды сдѣлался *параличъ* въ ногахъ и она не могла ихъ сгибать. Это преступленіе тѣмъ отвратительнѣе, что оно направлено противъ больной женщины. Гг. судьи! Я прошу васъ постановить противъ Гранкина обвинительный приговоръ.

Защитникъ *П. С. Кожинъ*: я долженъ замѣтить, что о болѣзни Гранкиной и о параличѣ ногъ, какъ о причинѣ наносимыхъ ей мужемъ побоевъ, на судѣ ничего не было сказано. Объ этомъ Гранкинъ сдѣлалъ заявленіе лишь Судебному Слѣдователю.

Обвинитель (*А. Д. Любавскій*) Гг. Судьи! Мнѣ остается только обратить ваше вниманіе на *сознаніе* защитника Гранкина, что послѣдній указалъ на болѣзнь жены, какъ на причину наносимыхъ имъ ей побоевъ.

Окружной Судъ, (по временному отдѣленію), разрѣшая это дѣло по резолюціи отъ 13 марта 1870 года, нашелъ, что показаніе самой потерпѣвшей мѣщанки Екатерины Гранкиной и удостовѣреніе свидѣтельницы Израилевой—суть такія обстоя-

тельствъ, на основаніи которыхъ (особенно не имѣя въ виду иныхъ данныхъ) нельзя сомнѣваться въ искренности и правдивости ихъ показаній, и за непредставленіемъ уважительныхъ противныхъ опроверженій со стороны подсудимаго судъ не можетъ не придти къ убѣжденію о виновности подсудимаго Гранкина въ томъ, что онъ наносилъ своей женѣ побои по головѣ и лицу, причемъ рвалъ волосы на головѣ ея, вынудивъ такимъ обращеніемъ жену бѣжать изъ дому. Такаго рода жестокое съ женою обращеніе предусмотрѣно 1583 с. ул. о нак. и на основаніи 151 и 2 ч. 1483 ст. и 2 ч. помянутой 1583 стат. улож. влечетъ за собою тюремное заключеніе отъ 8 мѣсяцевъ до года и 4 мѣсяцевъ, соотвѣтствующее 2 степ. 38 с. ул. о нак., такъ какъ если съ одной стороны побои и не представляютъ поступка, подходящаго прямо подъ дѣйствіе 1483 с. ул, за то, съ другой стороны—постоянное нанесеніе побоевъ и рваніе волосъ на головѣ не могутъ въ томъ видѣ, какъ они объяснились судебнымъ слѣдствіемъ относиться по своимъ послѣдствіямъ къ поврежденіямъ легкимъ. При опредѣленіи на семъ основаніи мѣры наказанія подсудимаго, Окружной Судъ, не усматривая никакихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, полагаетъ справедливымъ назначить Гранкину тюремное заключеніе въ низшей мѣрѣ, а именно 8 мѣсяцевъ, и сверхъ того подвергнуть церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства. Вслѣдствіе чего Окружной Судъ опредѣлилъ: подсудимаго Ефремовскаго мѣщанина Василія Ѳедорова Гранкина, 28 лѣтъ, заключить въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ и независимо отъ сего подвергнуть церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства *).

*) Н. С. Кожинъ, въ присутствіи суда и обращаясь къ частному обвинителю, сказалъ: «вы страшный противникъ».

Дѣло о мѣщанкѣ Василисѣ Назаровой, обвиненной въ кражѣ изъ кладовой банки варенья.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда отъ 7 сентября 1870 г. Предсѣдалъ: Товарищъ Предсѣдателя П. А. Васильевъ, члены: П. П. Шепелевъ и Д. В. Лутковъ, обвинялъ Товарищъ Прокурора П. П. Заринъ, защищалъ А. Д. Любавскій).

Обвинительный актъ состоялъ въ слѣдующемъ:

«Купчиха Голубева заявила въ 1 части г. Тулы, что 3 января 1870 года, возвратившись домой, она замѣтила, что дверь отъ кладовой отворена, тогда-какъ обыкновенно она заперта замкомъ, ключъ отъ котораго всегда хранится у нея; она тотчасъ-же позвала на помощь находившихся въ кухнѣ крестьянъ Фокина и Королева и съ ними отыскала въ ретирадномъ мѣстѣ спрятавшуюся кухарку свою Василису Григорьеву *Назарову*, которая, возвративъ ей замокъ отъ кладовой, *созналась въ кражѣ* оттуда банки съ вареньемъ; тогда же на чердачной лѣстницѣ найдена была и эта банка.

«На допросѣ у слѣдователя Назарова, подтверждая сдѣланное ею сознаніе, объяснила, что отперла она кладовую ключемъ Фокина, который вполнѣ подошелъ къ замку.

«Вслѣдствіе сего и на основаніи 200 и 201 ст. Ус. угол. суд. тульская мѣщанка Василиса Григорьева Назарова 40 лѣтъ привлечена къ суду Тульскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что, находясь въ услуженіи у Голубевой, тайно похитила изъ запертой кладовой, съ помощію подобраннаго ключа, банку варенья. Преступленіе это предусмотрѣно 1649 ст. Улож. о Наказ.»

Подсудимая *Назарова* на судѣ (подтверждая свое сознаніе) показала: «я была горничная у купчихи Голубевой. Я не хотѣла украсть всей банки, я желала лишь съѣсть нѣсколько ложекъ, полакомиться. Въ кухнѣ я взяла ключъ, отворила имъ дверь кладовой, взяла деревянной ложкой двѣ ложки варенья. Вдругъ я заслышала шумъ, я и испугалась. Банка варенья (показываетъ руками) была небольшая, я ходила въ кладовую сумерками, безъ огня; убѣгая, кладовую я не успѣла запереть.

Въ услуженіи у Голубевой я жила 8 мѣсяцевъ. Въ кладовой были другія банки варенья на полкѣ, кладовая была полная, но ничего другаго я не тронула.

Свидѣтель *Королевъ*. Я былъ дома вечеромъ, вдругъ хозяйка приходитъ въ мою комнату и говоритъ, что ее обокрали, что кладовая отперта. Мы побѣжали наверхъ, глядимъ—въ кладовой и на чердакѣ никого нѣту; въ сортирѣ мы нашли горничную, послѣдняя стояла, спрятавшись. Мы ее вывели оттуда. Банку варенья мы нашли на лѣстницѣ, банка была неполная. Со мной ходили искать Назарову хозяйка и молодецъ. Чердакъ находился отъ кладовой въ двухъ саженяхъ. Горшокъ съ вареньемъ нашла прачка.

Товарищъ Прокурора произнесъ слѣдующую обвинительную рѣчь: гг. присяжные засѣдатели! Подсудимая Назарова подлежитъ вашему суду, а не разбирательству Мироваго Судьи, потому-что она совершила кражу съ отягчающими обстоятельствами—она украла банку варенья изъ запертаго хранилища посредствомъ подобраннаго ключа, что законъ приравниваетъ кражѣ со взломомъ. Подсудимая учинила сознаніе въ своемъ преступленіи, а затѣмъ я считаю безполезнымъ приводить доказательства въ подтвержденіе отдѣльныхъ объстоятельствъ. Я представлю лишь одно соображеніе: если ничтожность похищеннаго можетъ служить обстоятельствомъ, вызывающимъ снисхожденіе къ подсудимой, то съ другой стороны отношенія ея къ Голубевой (къ лицу потерпѣвшему), у которой она находилась въ услуженіи—уничтожаютъ все то, что говоритъ въ пользу подсудимой. Согласно вышеизложенному относительно Назаровой слѣдуетъ произнести обвинительный приговоръ.

Защитникъ подсудимой (*А. Д. Любавскій*) возразилъ: мм. гг.! Подсудимая Назарова обвиняется въ кражѣ банки варенья изъ запертаго хранилища посредствомъ подобраннаго ключа. Назарова учинила чистосердечное сознаніе; фактическая сторона дѣла вполнѣ разъяснена. Затѣмъ возникаютъ лишь вопросы: въ чемъ состоитъ сущность преступленія Назаровой (кражи) и какіе особые признаки этого преступленія заключаются въ настоящемъ дѣлѣ? Кража есть преступленіе, направленное противъ права собственности. Потеря имущества

не есть что либо невознаградимое, ибо утраченное имущество вновь можетъ быть нажито. Изъ этого слѣдуетъ, что при кражѣ имущества огромное значеніе имѣетъ цѣнность послѣдняго: чѣмъ цѣннѣе украденное имущество, тѣмъ болѣе причинено вреда лицу потерпѣвшему. Наше законодательство безусловно допускаетъ этотъ принципъ (защитникъ ссылается на ст. 169 и 171 уст. о нак. нал. Мир. Суд.). Несомнѣнно и то, что если цѣна взятаго или похищеннаго предмета совершенно *ничтожна* или *незначительна*, то едва ли въ томъ можно найти совокупность признаковъ уголовнаго преступленія, а можно лишь видѣть въ обвиняемомъ легкомысліе, нравственное неразвитіе подсудимаго. Въ подтвержденіе этой мысли я приведу два примѣра: кому-либо нужно стальное перо, чтобы написать письмо, онъ беретъ безвозвратно и тайно изъ чужой коробки стальное перо—едва ли кто признаетъ это дѣйствіе кражею. Другой примѣръ: нѣкто, кому нужно написать адресъ, подходитъ къ столу чиновника и безъ спросу беретъ у него листъ простой бумаги; строго-казуистически, подъячески тутъ происходитъ расхищеніе казеннаго имущества, но безъ сомнѣнія никто не признаетъ подобнаго ничтожнаго факта преступленіемъ.

Я въ особенности радъ, гг. присяжные засѣдатели, что настоящее дѣло подлежитъ разсмотрѣнію *вашему*, а не разбирательству нашихъ старыхъ судовъ. Если разсматривать настоящее дѣло механически, то подсудимая Назарова погибла: она взяла тайно двѣ ложки варенья, она чистосердечно созналась въ томъ! Но вамъ, гг. присяжные засѣдатели, предоставлено право не только разрѣшать вопросъ, совершилось-ли извѣстное дѣяніе, но и *виновно-ли* лице, учинившее дѣяніе. При обсужденіи послѣдняго вопроса вы руководствуетесь лишь вашею совѣстью, ничѣмъ неотъемлемою, вашимъ внутреннимъ душевнымъ убѣжденіемъ, понятіемъ о справедливости, наконецъ тѣми житейскими, практическими соображеніями, которыхъ вы, какъ представители общества и общественнаго мнѣнія, не можете оставить въ сторонѣ при крайне-маловажной и ничтожной цѣнности вещи,—увлекаясь одною лишь мертвою буквою закона. Глубоко убѣжденный, что Назарова по настоящему дѣлу не можетъ быть обвинена въ томъ тяжкомъ пре-

ступленіи, которое возводитъ на нее прокурорская власть, я васъ прошу, мм. гг., постановить оправдательный приговоръ.

На предложенный имъ вопросъ: «виновна-ли Назарова въ тайномъ похищеніи банки варенья изъ запертаго хранилища посредствомъ подобраннаго ключа», присяжные засѣдатели отвѣчали: «нѣтъ, не виновна».

Судъ постановилъ: признать Назарову по суду оправданною.

Дѣло о сельскомъ старостѣ Ефимѣ Карпухинѣ, обвиняемомъ въ превышеніи власти.

(Засѣданіе Временнаго Отдѣленія Тульскаго Окружнаго Суда, отъ 1-го марта 1870 г., въ г. Ефремовѣ. Предсѣдатель: тов. предсѣдателя П. А. Васильевъ, члены: членъ суда Д. В. Лутковъ и судебный слѣдователь Курносовъ. Обвинялъ тов. прокурора И. П. Заринъ, защищалъ А. Д. Любавскій).

Въ обвинительномъ актѣ изложено слѣдующее: «староста Павелъ Орловъ собралъ съ крестьянъ деревни Михайловки 120 р. с. податей, изъ которыхъ 35 руб. сдалъ въ Старогольское волостное правленіе, а 85 р. сборщику Титу Ремневу; у послѣдняго сверхъ того находились 245 руб. собранныхъ съ крестьянъ с. Гордоновки. На другой день Ремневъ объявилъ, что у него ночью похищены 240 р.—Сельскій староста Ефимъ Карпухинъ, (вслѣдствіе требованій исправника о скорѣйшемъ взносѣ податей за крестьянъ) и сельскій сходъ крестьянъ с. Гордонова и дер. Михайловки, въ числѣ 57 человѣкъ —постановили приговоръ о томъ, чтобы продать имущество Орлова и Ремнева въ пополненіе пропавшихъ денегъ. Имущество Орлова продали за 119 руб., а имущество Ремнева за 130 р. Деньги были представлены по назначенію. На основаніи вышеизложеннаго, староста Ефимъ Карпухинъ преданъ прокурорскимъ надзоромъ суду за превышеніе власти, преступленіе, предусмотрѣнное въ ст. 338 и 341 ст. улож.».

Подсудимый, отвѣчая на вопросъ предсѣдателя, виновнымъ себя не призналъ.

На судебномъ слѣдствіи объяснили:

Орловъ,—что данныя ему деньги онъ положилъ на ночь въ корыто, и ихъ изжевала телушка (въ публикѣ смѣхъ). Сходъ распорядился продать его имущество, что и исполнено.

Ремневъ,—что исправникъ пристращалъ крестьянъ, отчего казенныя подати не внесены. Сходка собралась, и порѣшили продать его имущество. (Отвѣчая на вопросъ защитника)—крестьяне предлагали Орлову убить его телушку, чтобы достать изъ нея изжеванныя ею деньги, но Орловъ этому воспротивился.

Защитникъ представилъ суду приговоръ сельскаго схода вышеупомянутыхъ деревень, въ коемъ изъяснено, что сходъ постановилъ продать имущество Орлова и Ремнева и что Карпухинъ только исполнилъ этотъ приговоръ.

Товарищъ прокурора (И. П. Заринъ) требовалъ признанія Карпухина виновнымъ въ превышеніи власти, ибо онъ незаконно и самовольно распорядился продажею имущества Орлова и Ремнева, на что безъ судебнаго рѣшенія не имѣлъ права. Въ заключеніе тов. прокурора указалъ на необходимость поддерживать законность въ массѣ крестьянъ и внушать имъ уваженіе къ закону.

Защитникъ подсудимаго (А. Д. Любавскій) произнесъ слѣдующую рѣчь: Мм. гг.! настоящее дѣло принадлежитъ къ разряду тѣхъ, къ защитѣ которыхъ я приступаю не безъ нѣкотораго волненія. Всякое упущеніе съ моей стороны можетъ имѣть послѣдствіемъ то, что будетъ признанъ виновнымъ крестьянинъ, который по этому дѣлу столько же виноватъ, какъ новорожденный младенецъ! У Ремнева и Орлова пропали деньги, собранныя съ крестьянъ; исправникъ стращалъ крестьянъ и требовалъ взноса податей. Собрался сходъ крестьянъ; толковали и рѣшили продать имущество виновныхъ и пополнить растрату, что и приведено въ исполненіе. Лица, участвовавшія на сходѣ, и не подозрѣвали, что они совершаютъ нѣчто противозаконное; они никогда не слыхали про изданіе судебныхъ уставовъ, они не знали, что эти уставы утверждены 20 ноября 1864 г., что въ этихъ уставахъ есть уставъ граж-

данскаго судопроизводства и учрежденія судебныхъ установленій, въ силу котораго имущество можетъ быть продано только по приговору мировыхъ или общихъ судебныхъ установленій, вошедшему въ законную силу. Въ этомъ дѣлѣ то представляется необычайнымъ, что изъ 57 человѣкъ, участвовавшихъ на сходѣ и всѣхъ одинаково виновныхъ—въ незнаніи судебныхъ уставовъ и неполученіи юридическаго образованія,—суду преданъ только одинъ Карпухинъ. Между тѣмъ Карпухинъ—неграмотный. Откуда могъ онъ почерпнуть понятіе о законной силѣ рѣшеній, формахъ и обрядахъ продажи съ публичнаго торга? Карпухинъ дѣйствовалъ не съ преступной цѣлью; онъ хотѣлъ черезъ продажу имущества виновныхъ достичь внесенія казенныхъ податей; и такъ въ этомъ ли преступность его дѣянія? Вырученныя черезъ продажу деньги представлены имъ по принадлежности въ казну.—Посему вопросъ о виновности Карпухина разрѣшается самъ собою: Карпухинъ родился русскимъ крестьяниномъ, въ странѣ, гдѣ изъ 50 крестьянъ только одинъ грамотный! Желая достичь скорѣйшаго взноса казенныхъ податей, Карпухинъ, думая, что онъ дѣйствуетъ законно, исполнилъ постановленіе схода — и продалъ имущество лицъ, виновныхъ въ растратѣ.—Никто болѣе меня не привѣтствуетъ съ восторгомъ Высочайшій указъ 19-го января 1861 года., даровавшій крестьянскому сословію самоуправленіе, но нельзя не обратить вниманія на то, что въ силу сего указа къ занятію выборныхъ должностей допущены лица, незнающія грамоты и которыя по совѣсти, по справедливости, по здравому смыслу—не могутъ быть признаны виновными, если они, не зная формъ дѣлопроизводства, дѣлаютъ упущеніе. Этотъ взглядъ долженъ преобладать въ судахъ, пока, по крайней мѣрѣ, половина крестьянъ не сдѣлается грамотными, болѣе или менѣе развитыми людьми.—Обратимся затѣмъ къ юридической сторонѣ этого дѣла: прокуроръ примѣняетъ къ поступку неграмотнаго Карпухина ст. 338 уложенія. Въ этой статьѣ постановлено: «чиновникъ или иное должностное лице признается превысившимъ власть, ему ввѣренную, когда, выступивъ изъ предѣловъ и круга дѣйствій, которыя предписаны ему по его званію, должности, мѣсту или особенному порученію, учинитъ что либо въ отмѣну или же вопреки

существующихъ узаконеній, уставовъ или данныхъ ему наставленій (въ публикѣ смѣхъ); или же вопреки установленному порядку предпишетъ или приметъ такую мѣру, которая не иначе можетъ быть принята, какъ на основаніи новаго закона (въ публикѣ тихій смѣхъ), или присвоитъ себѣ право, ему непринадлежащее, самовольно рѣшитъ какое либо дѣло». Гг. присяжные, вамъ предстоитъ разрѣшить вопросъ: есть ли Карпухинъ: 1) чиновникъ, дѣйствовавшій съ злонамѣренною цѣлью и завѣдомо превысившій власть, ему ввѣренную; или 2) крестьянинъ, оторванный отъ сохи, который никогда не слышалъ о наказахъ, грамотахъ, законодательныхъ вопросахъ, подсудности, и который, продавая имущество лицъ, растративщихъ казенныя деньги, думалъ, что дѣйствуетъ вполнѣ разумно, стараясь охранить казенный интересъ, и заслуживаетъ награды. Виноватъ ли Карпухинъ въ томъ, что онъ неграмотный крестьянинъ и привелъ приговоръ схода въ исполненіе? Вотъ существенный вопросъ этого дѣла.

На предложенный имъ предсѣдателемъ вопросъ «о виновности Карпухина въ превышеніи власти», присяжные отвѣчали (послѣ совѣщанія, непродолжавшагося и пяти минутъ)— «нѣтъ, не виновенъ.» Предсѣдатель объявилъ подсудимаго отъ суда свободнымъ.

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

изд. А. Любавскаго:

Русскіе уголовные процессы. Т. I. . Цѣна 3 р. 50 к.

Русскіе уголовные процессы. Т. II. . » 2 » 50 »

Казуистика душевныхъ болѣзней (русскіе уголовные процессы. Т. III) . » 3 » 50 »

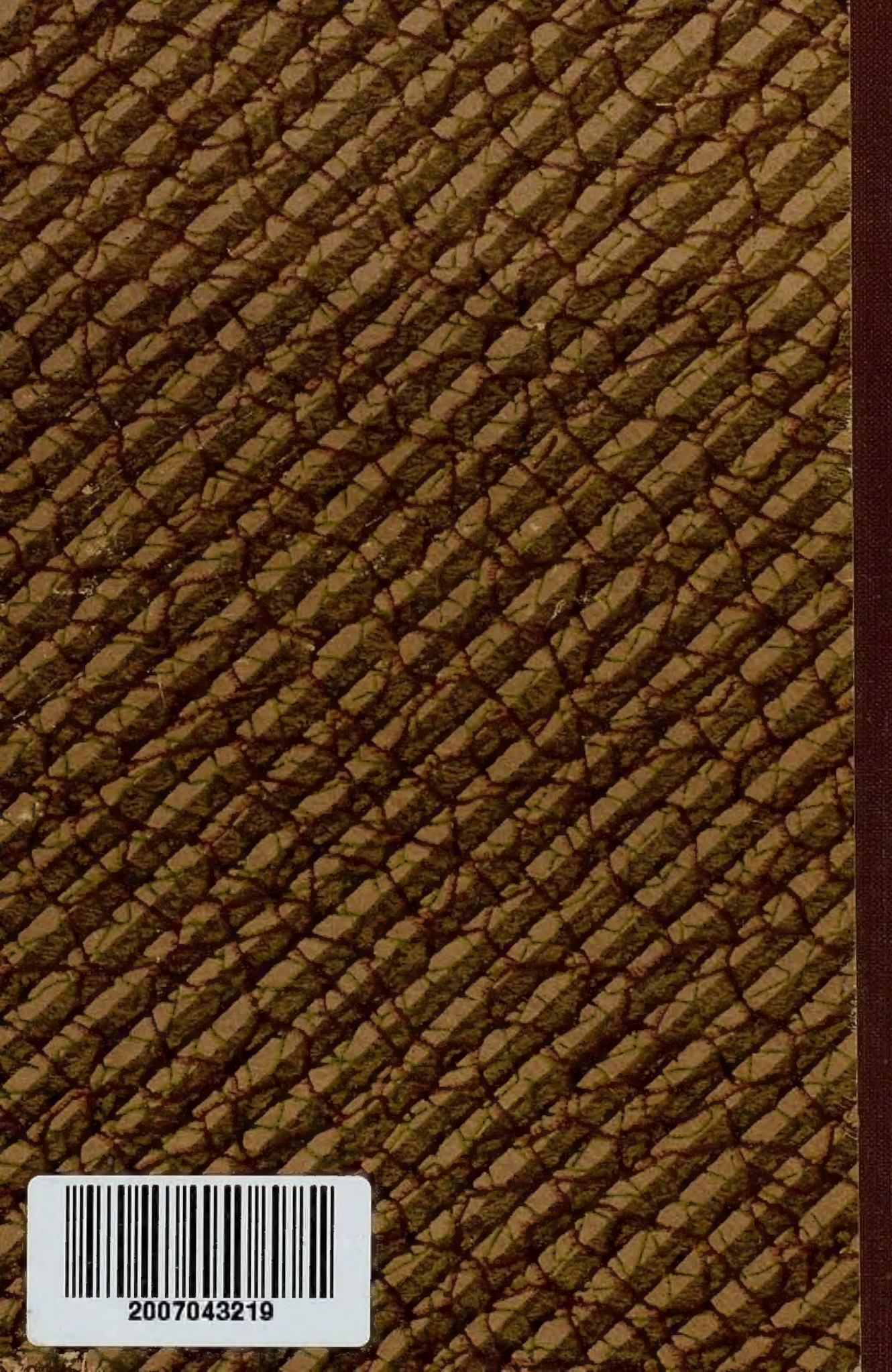
Русскіе уголовные процессы. Т. IV. . » 2 » 50 »

Новые русскіе уголовные процессы. Т. I. » 1 » 25 »

Сборникъ иностранныхъ уголовныхъ процессовъ . . . . . » 2 » — »

Учебникъ уголовнаго права, по лекціямъ **П. Д. Калмыкова.** . » 3 » 50 »

Цѣна этой книги **50** к. с.


2007043219